

Отъ Военно-Революціоннаго Комитета при Петроградскомъ Советѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Къ Гражданамъ Россіи.

Временное Правительство низложено. Государственная власть перешла въ руки органа Петроградскаго Совета Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Военно-Революціоннаго Комитета, стоящаго во главѣ Петроградскаго пролетариата и гарнизона.

Дѣло, за которое боролся народъ: немедленное предложение демократическаго мира, отмена помѣщичьей собственности на землю, рабочій контроль надъ производствомъ, созданіе Советскаго Правительства — это дѣло обезпечено.

ВЛАДИСЛАВ АКСЕНОВ

СЛУЖИ, ОБРАЗЫ, ЭМОЦИИ

МАССОВЫЕ НАСТРОЕНИЯ РОССИЯН В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

ВОЗЗВАНІЕ
Исполнительнаго Комитета
представителей рабочихъ и
солдатъ.

ИЗВѢСТІЯ
ПЕТРОГРАДСКАГО СОВѢТА
Рабочихъ депутатовъ.

== 1914-1918 ==

Владислав Аксенов

**Слухи, образы, эмоции. Массовые
настроения россиян в годы
войны и революции (1914–1918)**

«НЛО»

2020

УДК 316.75(47+57)«1914/1918»
ББК 63.3(2)53-72

Аксенов В. Б.

Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918) / В. Б. Аксенов — «НЛО», 2020

ISBN 978-5-4448-1377-5

Годы Первой мировой войны стали временем глобальных перемен: изменились не только политический и социальный уклад многих стран, но и общественное сознание, восприятие исторического времени, характерные для XIX века. Война в значительной мере стала кульминацией кризиса, вызванного столкновением традиционной культуры и нарождающейся культуры модерна. В своей фундаментальной монографии историк В. Аксенов показывает, как этот кризис проявился на уровне массовых настроений в России. Автор анализирует патриотические идеи, массовые акции, визуальные образы, религиозную и политическую символику, крестьянский дискурс, письменную городскую культуру, фобии, слухи и связанные с ними эмоции. По мнению автора, к 1917 году эмоциональное восприятие действительности стало превалировать над рассудочно-логическим, а конфликт традиционного и модернового мировоззрений не позволил сплотить российское общество на основе патриотических идей, выстроенных вокруг устаревшей самодержавной мифологии. Во время революции 1917 года слухи во многом определяли течение политических событий. Владислав Аксенов — специалист по социальной истории России начала XX века, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

УДК 316.75(47+57)«1914/1918»
ББК 63.3(2)53-72

ISBN 978-5-4448-1377-5

© Аксенов В. Б., 2020

© НЛО, 2020

Содержание

Введение	6
Раздел 1	21
Концепция «отложенной революции» и ленинская теория «революционной ситуации» как модель описания настроений 1914 г	23
Формы рабочего протеста: парадоксы целерационального и аффективно-эмоционального социального действия	30
Дискуссии о феномене «патриотического настроения 1914 г.»: эмоции, идеи, патологии	44
Идейные противоречия «патриотизма 1914 г.» и психологическая структура массового «патриотического» сознания	56
Раздел 2	65
Парадоксы «патриотических» манифестаций	66
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Владислав Аксенов

Слухи, образы, эмоции Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918)

Введение

Первая мировая война стала событием, на долгие десятилетия определившим вектор развития Европы. Еще большую роль она сыграла в судьбе России, став колыбелью российской революции и во многом определив формы революционного насилия как в разрушительном, так и в созидательном измерениях. Не случайно Э. Хобсбаум связывает с Первой мировой крушение западной цивилизации XIX столетия и начинает отсчет «короткого XX века», а также обращает внимание, что «для людей, родившихся до 1914 г., слово „мир“ обозначало эпоху до начала Первой мировой войны»¹. Подобные ощущения были характерны для населения разных стран – участниц мирового конфликта. А. А. Ахматова вспоминала окончание своего дачного сезона 1914 г.: «Мы вернулись не в Петербург, а в Петроград, из XIX века сразу попали в XX, все стало иным, начиная с облика города»². Период 1914–1918 гг. изменил мир, сознание современников, восприятие исторического времени и потому изучение ментальных процессов представляется исключительно важным для понимания истории всего XX в.

Вместе с тем исследование тех или иных пластов массового сознания – политического, повседневного, религиозного – показывает, что ментальный кризис назрел еще на рубеже XIX–XX вв., он виден в столкновении традиционной культуры и модерна. В России этот конфликт проявился особенно остро ввиду активного демографического переформатирования общества, запущенного «великими реформами». Хлынувшая в города масса молодого крестьянства несла с собой потенциал архаичного бунтарства, пространство города становилось полем столкновения разных культур. Однако не избежали культурного раскола и старые городские элиты: поиски новых, модерновых форм самовыражения далеко не всегда встречали понимание среди консервативной общественности. В 1905–1907 гг. усилились социально-политические противоречия: самодержавная власть не желала мириться с парламентским статусом Государственной думы, провоцируя конфликт с общественными организациями, деревня болезненно переживала столыпинские преобразования, кризис взаимоотношений как с властью, так и с прихожанами переживала Церковь. Эти и многие другие проблемы были усугублены начавшейся мировой войной.

Настоящее исследование посвящено изучению массовых настроений российского общества в 1914–1918 гг. Понятие «массовые настроения» употребляется в науке достаточно давно, со времен Платона и Аристотеля. С его помощью определяются те или иные политические симпатии народа, вместе с тем подчеркивается их временный, подчас стихийный характер. В русской исторической традиции изучение настроений связано с трудами В. О. Ключевского. В «Курсе русской истории», описывая настроения общества после Смуты, историк охарактеризовал их с помощью таких категорий, как тревога, страдание, терпение, недовольство, раздражительность, впечатлительность, тем самым подчеркнув их чувственно-эмоциональную при-

¹ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. 1914–1991. М., 2004. С. 32.

² Ахматова А. Избранное. М., 1993. С. 10.

роду³. На рубеже XIX–XX вв. изучение массовых или общественных настроений получило толчок в социальной психологии, в качестве обобщающего появился термин «массовая психология». Г. Лебон основополагающими элементами «психологии масс» называл как рациональные идеологические конструкции (политические, религиозные), так и иррациональные чувства, эмоции⁴. В XX в. в исторической науке массовая или общественная психология изучалась, как правило, путем исследования народной ментальности или общественного сознания. Вместе с тем между этими понятиями имеются принципиальные различия: в то время как менталитет народа может основываться на неотрефлексированных, но закрепленных в традициях, обычаях и практиках императивах, в основе массового сознания лежит осознанная коллективом, отрефлексированная установка, ценность. В отличие от термина «менталитет», размывшегося на протяжении его изучения в XX в., понятие «массовые настроения» кажется более предпочтительным, особенно с учетом перспектив развития эмоциологического направления в истории. В сравнении с ментальностью коллективные настроения отличаются большей динамичностью, подвижностью, а потому лучше передают отношение тех или иных социальных групп к меняющимся событиям социально-политической истории.

Следует отметить, что в современной социально-психологической литературе «массовое сознание» противопоставляется «коллективному сознанию» и «общественной психологии». Определяющим здесь выступает понятие массы (толпы) как специфической социально-психологической общности, в поведении которой большую роль играют стихийные факторы. В этом плане массовое сознание и массовое настроение оказываются не равнозначными, а подчиненными терминами. Так, массовые настроения становятся элементом массового сознания в работах Д. В. Ольшанского, который в качестве структурных компонентов последнего выделяет первичный эмоционально-действенный уровень и вторичный рациональный: «В основе массового сознания обычно лежит яркое эмоциональное переживание некой социальной проблемы, вызывающей всеобщую озабоченность. Это может быть война, революция, масштабный экономический кризис и т. д. Крайняя степень переживания проблемы выступает как системообразующий фактор массового сознания... Оно порождает потребность в немедленных действиях – потому и определяется как эмоционально-чувственная основа (иногда – как „ядро“) массового сознания... На основе „ядерного“, базисного эмоционально-действенного уровня постепенно образуется более рациональный уровень... По своему психологическому составу рациональный уровень массового сознания включает в себя более статичные (типа оценок и ожиданий, ценностей и „общих ориентаций“) и более динамичные (типа массовых мнений и настроений) компоненты»⁵. При этом Ольшанский подчеркивает важность изучения именно массовых настроений тем, что они являются переходными состояниями от непосредственных эмоций к осознанным мнениям, предшествующим массовым действиям⁶. Отметим, что на практике «осознанное мнение» не всегда является обязательным условием для перехода к действию – примеры массовых бунтов демонстрируют типы аффективного поведения, – а потому констатация переходного состояния «настроения» может вызывать определенные вопросы. Тем не менее это лишь доказывает важность изучения данного феномена социальной психологии в историческом контексте.

Изучение массовых настроений предполагает определение форм их выражения, что имеет особенное значение в исторической науке, так как позволяет уточнить источниковую базу работы. Так, настроения могут иметь ментальные формы, выражаться в символических продуктах творческой деятельности (устные, письменные, визуальные тексты), а также непо-

³ См.: *Ключевский В. О.* Курс русской истории.

⁴ См.: *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995.

⁵ *Ольшанский Д. В.* Психология масс. СПб., 2002. С. 20–21.

⁶ Там же. С. 140.

средственно проявляться в социальных действиях, поступках (жестах) людей. Поэтому помимо исследования непосредственно ментальных элементов массового сознания (идеи, образы, символы) внимание уделено и действенным формам выражения настроений как акции протеста, манифестации (верноподданнические или оппозиционные), погромы и пр.

В монографии присутствует сквозная нумерация семи разделов. В каждом из которых делается акцент на определенной форме выражения массовых настроений, при том что эти формы в качестве «второстепенных» появляются и в других разделах, что обеспечивает системность исследования. В первом разделе, условно посвященном идейным выражениям массовых настроений, изучается парадоксальная природа концепции патриотизма, которую власти и представители различных кругов общественности безуспешно пытались превратить в рациональную политическую идеологию. Выясняется природа социального протеста с точки зрения веберовской теории социального действия. Отдельное внимание уделено разбору и критике концепции «отложенной революции», предполагавшей, что в июле 1914 г. в столице сложилась классическая революционная ситуация, которая не переросла в революцию лишь по причине начавшейся Первой мировой войны. Несмотря на условность данной схемы, она демонстрирует, что революция 1917 г. не явилась порождением исключительно Первой мировой войны. Во втором разделе, «Действо», исследуются массовые акции периода мобилизации, показана их стихийная природа, приводившая к тому, что патриотические манифестации легко превращались в погромы. Кроме того, в данном разделе использован социально-стратификационный подход, позволяющий определить роль и формы отношения к войне различных социальных групп (с точки зрения как классового, так и гендерного деления общества). Третий раздел, «Слово», посвящен восприятию войны и власти носителями устной деревенской культуры, исследуется интертекстуальный характер деревенских слухов, в которых переплетались архетипическо-мифологические и фактические явления. Здесь же предпринята попытка реконструкции крестьянского мифологического дискурса о войне в форме сказки. В четвертом разделе, «Текст», анализируются слухи в письменных текстах городской среды, указывается на постепенную иррационализацию пространства городских слухов, что, помимо прочего, отражается в росте популярности мистицизма и динамике психических заболеваний, выступающих в качестве лакмусовой бумажки анализа психологического состояния общества в целом. Пятый раздел, «Образ», посвящен визуальным материалам Первой мировой войны, здесь раскрывается источниковый потенциал таких изобразительных документов, как высокая живопись и лубок, журнальная карикатура и почтовая открытка. Обращается внимание на то, что в визуальном пространстве отобразились те же общие тенденции, что были характерны для сельских и городских слухов, в частности интерпретация современности в контексте эсхатологических ожиданий. Шестой раздел, «Символ», относится к сфере политико-символического пространства. В нем произошла окончательная дискредитация категорий «православие», «самодержавие», «народность», и новыми смыслами наполнились иные символы – такие, как, например, Государственная дума. Дума теоретически могла сцементировать власть и общество – она воспринималась последним в качестве альтернативы катастрофы, но власть относилась к Думе враждебно. В седьмом разделе, «Эмоции», рассматривается психическо-эмоциональное измерение российской революции, анализируются слухи в качестве революционного фактора, образы, возникавшие на определенных этапах, выстраивается эмпириологическая периодизация 1917-го – начала 1918 г. Изучение психической динамики городских слоев населения заставляет выйти за рамки «малой» революции 1917 г. и проследить процессы (динамика самоубийств, рождение определенных психических теорий) вплоть до окончания Гражданской войны. В заключении рассматриваются ощущения времени обывателями в годы Гражданской войны на календарном, историческом и религиозном уровнях, интерпретируется убийство отрекшегося императора в июле 1918 г. как закономерный и ожидавшийся многими «конец истории».

В качестве ключевых в исследовании выделяются три формы, вынесенные в название книги, – слухи, образы, эмоции. Слухи нам важны как типичный источник информации в условиях информационно-политического кризиса, который способствует формированию искаженных образов, альтернативных официальной пропаганде картин внутренней ситуации в империи, что приводит к выраженному общественному недовольству, эмоциональным всплескам, аффективным действиям, особенно ярко проявившимся в российской революции 1917 г. Тем самым выстраивается последовательность: слух – образ – эмоция – действие.

Источниковая база исследования включает в себя максимально широкий и репрезентативный круг письменных и визуальных документов, среди которых наибольшей важностью обладают те, которые обнаруживают характеристики массового источника, позволяют изучать настроения большинства населения. К таковым следует отнести материалы перлюстрации (по гражданскому ведомству хранятся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде № 102 Министерства внутренних дел, опись № 265, а также письма с фронта из Российского государственного военно-исторического архива, фонда военной цензуры при главном почтамте в Петрограде № 13838, опись № 1, в общей сложности насчитывающие более 100 000 документов⁷), протоколы дознаний обвиняемых в оскорблении представителей правящей династии в соответствии со статьей 103 Уголовного уложения (дела из фондов губернских жандармских управлений Государственного архива Российской Федерации, а также доклады по Министерству юстиции из фонда № 1405, описи № 521, дела № 475 и 476 Российского государственного исторического архива, в общей сложности около 1500 дел), лубочные картинки и плакаты (коллекция из фонда Изобразительного отдела Российской государственной библиотеки, коллекция из фонда Российской государственной публичной библиотеки России, собрания Государственного центрального музея современной истории России, около 500 изображений⁸), а также иллюстрированные почтовые открытки (коллекция из фонда Изобразительного отдела Российской государственной библиотеки, более 500 единиц). Из визуальных источников необходимо отметить и журнальные иллюстрации, в том числе карикатуры. Большой интерес в рамках выбранной темы представляют доносы обывателей в Департамент полиции МВД, также обладающие характеристиками массового источника. По ним можно реконструировать массовые фобии, самая сильная из которых – шпиономания – приобретала характер невротического расстройства (а в некоторых случаях и психического, когда сопровождалась галлюцинациями). Доносы также выявляют издержки патриотической пропаганды. В департаменте полиции отмечали, что «ярый патриотизм» нередко был симптомом умопомешательства. Помимо доносов «бдительных подданных», использовались донесения агентов Охранного отделения. Показательно, что накануне революции 1917 г. они строились вокруг распространенных в обществе слухов, в результате чего власти получали искаженные картины действительности и теряли контроль над ситуацией, что проявилось во властных «конвульсиях» января – февраля 1917 г.

В процессе исследования использовались документы, не являющиеся массовыми, но позволяющие дополнить картину общественных настроений: это дневники современников и мемуары (98 наименований), различные сведения из периодики (криминальная и светская хроника, вести и слухи, бытовые зарисовки из 59 изданий), газетная и журнальная публикастика, отчеты чинов полиции по результатам наружного наблюдения, статистические данные, в которых отражались социальные процессы (статистика самоубийств, душевных расстройств, конфликтов с представителями власти и пр.). Ко многим из них применялся квантитатив-

⁷ Частично эти документы опубликованы в книгах: Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / Отв. ред. В. В. Шелохаев, сост. К. А. Соловьев. М., 2014; Письма с войны 1914–1917 / Сост. А. Б. Асташов, П. А. Симмонс. М., 2015.

⁸ Коллекция из собрания ГЦМСИР опубликована в двухтомнике «Лубочная картинка и плакат периода Первой мировой войны. 1914–1918 гг.» В 2 т. М., 2014; коллекция ГПИБ выложена на сайте <http://vvpnv.shpl.ru/>.

ный анализ с целью выстраивания динамики тех или иных процессов, частотности явлений. Помимо статистических данных, к которым естественно применение количественного анализа, проводился сплошной подсчет упоминаний войны, политических слухов на страницах дневников тех авторов, которые регулярно вели свои записи, что позволило выстроить на их основе динамику настроений. Особенный интерес в этой связи представляли дневники тех российских подданных, которые изначально демонстрировали аполитичность и нехотя обращались к военным или внутривнутриполитическим сюжетам – упоминания в них войны и политических коллизий, как правило, отражали пики общественного беспокойства.

Следует заметить, что источниковый потенциал документов меняется в зависимости от особенностей политической системы государства, поэтому рассматриваемый период условно делится на три этапа: староцензурный (1914–1916), бесцензурный⁹ (1917) и новоцензурный (с 1918). На первом этапе именно цензурно-судебная система собирала документы, отражавшие массовые настроения (перлюстрация, судебные дела, доносы подданных и донесения филеров). В 1917 г. цензура была отменена, но, несмотря на исчезновение прежних групп массовых источников, освобожденная от политического контроля периодика в плане информативности и репрезентативности массовых настроений заняла их место. С 1918 г. (точнее, уже 27 октября 1917 г. в Декрете о печати вводились первые цензурные ограничения) цензура восстанавливается, но появляются «новые» источники – донесения, журналы сотрудников советских надзорно-карательных инстанций (в первую очередь ВЧК).

Тем самым источниковая база исследования позволяет изучить слухи, образы, эмоции рассматриваемого периода. Источниковедческий потенциал отражающих их документов раскрывается в основной части исследования, однако сейчас можно сделать несколько методологических замечаний, поясняющих подход к источникам. Прежде всего следует отметить, что материалы перлюстрации, протоколы дознаний, дневники современников интересны своей интертекстуальностью, тем, что включают в себя голоса «молчаливого большинства» – цитируют устные высказывания третьих лиц, т. е. содержат устные исторические источники. Среди последних большое значение для реконструкции массового сознания и настроений имеют слухи, которые выполняют в обществе несколько важных функций. Главная из них – информационная. Слухи содержат актуальную информацию и делают ее массовой, доступной для многих. Другая функция – коммуникативная, когда значение имеет не сама информация, а развитие каналов, по которым она распространяется. Третья функция – алармистская, призванная обращать внимание власти и общества на проблемы, получающие в слухах массовое распространение. Четвертая и наименее очевидная функция – провидческая (часто слухи опережали события, иногда предопределяли их). Кроме того, слухи являются вместилищем народных традиций, представлений, что проявляется в насаивании архаичных, мифических пластов, интерпретации полученной информации в фольклорном ключе, что повышает их источниковый потенциал.

Слухи не просто искажают информацию, они трансформируют актуальные для обывателей известия в соответствии с массовыми ожиданиями, отражая представления общественного сознания о том или ином предмете. Интертекстуальность слухов отчасти определяется тем, что стимулами для их возникновения и распространения могут выступать как внешние факторы повседневной, политической жизни, так и некие внутренние архетипы, поднимающиеся в кризисные времена из глубин подсознания. Так, например, когда с весны 1915 г. начинается «сахарный голод», рождается слух о том, что весь сахар отправляет в Германию императрица-шпионка (Александра Федоровна в представлениях городских слоев, Мария Федоровна – сельских). Здесь мы наблюдаем в первую очередь повседневный стимул слуха.

⁹ Как известно, несмотря на формальную отмену цензуры, в 1917 г. были ликвидированы черносотенные издания. Кроме того, театральная милиция осуществляла в 1917 г. цензуру по вопросам нравственности.

Однако общее недоверие к императрицам поднималось из архетипического уровня, главным аргументом их предательства выступало утверждение, что они «плачут, когда бьют немцев, и смеются, когда убивают наших», что уходит корнями в мифологические описания природы дьявола. В этой же группе находятся эсхатологические слухи о том, что Николай II являлся Антихристом.

Некоторые слухи, оперировавшие архетипическими образами, настолько укоренились в массовом сознании, что превращались в мифологемы. Одним из ярких примеров стал появившийся в 1917 г. слух о «черных авто», сохранявшийся в разных вариациях на протяжении всего XX и даже начала XXI в. («черная маруся», «черный воронок», «черная волга»).

К слухам как историческому источнику всегда было приковано внимание историков. Еще у Гомера слух выступает источником знания, когда Антиной обращается к Телемаху, чтобы тот отправился «в Пилос священный и слухи собрал об отце многославном». Телемах собирает слухи об участии отца в Троянской войне («по слухам, / вместе с тобою под Троей сражался и город разрушил»). Слухи выступают источником информации, могут как относиться к актуальным событиям, так и выступать легендами прошлого. Важно, что для Гомера слух не равнозначен вымыслу и дезинформации, это всего лишь способ передачи сообщения. В исторической науке, в отличие от литературного эпоса, с самого ее зарождения авторы противопоставляли информацию устную, рассказанную третьими лицами, и информацию, полученную опытным путем, из свидетельств непосредственных участников событий. Некоторое пренебрежение образованного человека к слухам обнаруживается в древнерусской книжной культуре: «Я, грешный, первый был очевидец, о чем и расскажу не по слухам, а как зачинатель всего того», – писал автор «Повести временных лет». Еще раньше правдивость слухов была поставлена под сомнение Геродотом: «Что до меня, то мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан»¹⁰.

В XX в. благодаря развитию социальной психологии изучение слухов получает необходимую методологическую основу. В 1902 г. немецкий ученый В. Штерн исследовал способность слухов искажать информацию по принципу «испорченного телефона» (в западноевропейской традиции – «китайского телефона»)¹¹. Со временем исследователи слухов перестали ограничивать их роль исключительно функцией передачи информации, обращая внимание на то, что слухи отражают психологическое состояние социума. Г. Олпорт и Л. Постман показали, что функционирование слуха предполагает три действия: «выравнивание» (исключение мало значимых, лишних деталей), «обострение» (концентрация и выделение общественно важных деталей) и «ассимиляция» (искажение информации в результате подсознательной интерпретации)¹². В 1944 г. Р. Кнапп в «Психологии слухов» отметил такую их важную функцию, как выражение эмоциональных потребностей общества¹³. Д. В. Ольшанский, отмечая, что слухи практически никогда не бывают достоверными (само по себе не слишком корректное замечание, так как проблема достоверности как тождественности слова событию относительна), считает, что в слухах присутствует сильный эмоциональный компонент, который компенсирует недостаточную достоверность¹⁴. С точки зрения эмоциональных характеристик слухов Ольшанский выстраивает не бесспорную классификацию: слухи-желания, слухи-пугала, агрессивные слухи, нелепые слухи¹⁵. Объясняя последний тип, психолог замечает, что они особенно характерны для периодов «перелома массового сознания, когда люди находятся в растерян-

¹⁰ Геродот. История. Кн. VII. 152.

¹¹ Stern W. Zur Psychologie der Aussage. Experimentelle Untersuchungen über Erinnerungstreue. Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. Vol. XXII. Cahier 2/3, 1902.

¹² Allport G., Postman L. Psychology of Rumor. Russell and Russell. 1951. P. 75.

¹³ Knapp R. A Psychology of Rumor. Public Opinion Quarterly. 8/1. 22–37. 1944.

¹⁴ Ольшанский Д. В. Психология масс. С. 276.

¹⁵ Там же. С. 276–279.

ности в связи с тотальной сменой систем ценностей», и в качестве примера приводит булгаковское описание московских слухов 1920-х гг.: «Что в Москве творится – уму непостижимо человеческому! Семь сухаревских торговцев уже сидят за распространение слухов о светопределении, которое навлекли большевики. Дарья Петровна говорила и даже называла точно число: 28 ноября 1925 года, в день преподобного мученика Стефана земля налетит на небесную ось». Однако данный пример представляется некорректным ввиду того, что упоминание «небесной оси» является не нелепым, а вполне типичным способом интерпретации настоящего с помощью эсхатологического фольклора. В этом аспекте слухи следует отличать от других форм бытования устной информации – городских легенд, мифов, сказок и пр. Очевидно, что для более полного понимания феномена слухов социально-психологическую теорию необходимо существенно дополнять историческим, фольклористическим, этнографическим материалом. В целом следует признать, что в социальной психологии и современной фольклористике слухи давно уже стали вполне традиционным предметом исследования¹⁶.

В исторических исследованиях слухи стали привлекать внимание ученых с конца XIX в. В. О. Ключевский по слухам реконструировал массовые настроения XVII в. Особое внимание слухам было уделено в трудах представителей французской школы «Анналов». М. Блок, участвовавший в Первой мировой войне, вспоминал, как в среде немецких солдат слухи о наличии бойниц в домах бельгийских крестьян, порожденные незнанием местных архитектурных традиций, катализировали страх и ненависть к мирному населению¹⁷. Французский историк обратил внимание на то, что окопная повседневность, архаизировавшая массовое сознание, приводила комбатантов к мысли, что правдой может быть все что угодно, кроме печатного слова. Подобное противопоставление устного слова и письменного или, шире, «устной культуры» и «письменной культуры» представляется особенно важным в контексте настоящего исследования. В 1932 г. Ж. Лефевр исследовал феномен массового распространения слухов накануне Французской революции. Эти слухи породили «великий страх», ставший катализатором революционной активности¹⁸.

С конца 1990-х гг. слухи как индикатор массовых настроений в период 1914–1917 гг. привлекают внимание российских исследователей. В 1999 г. Б. И. Колоницкий исследует отражение процесса десакрализации монархии в политических слухах в годы Первой мировой войны, еще раньше, в 1997 г., В. П. Булдаков показывает роль слухов в революционном насилии 1917 г.¹⁹ В 1997 г. В. В. Кабанов одним из первых акцентировал внимание на роли слухов о недостатке хлеба в событиях 23 февраля 1917 г., также он предпринял попытку классификации слухов исходя из их роли в обществе, выполняемых функций²⁰. Так, было предложено делить слухи на причины и катализаторы событий, «слухи-формулы», передававшие массовые представления о функционировании какого-то явления, «слухи-легенды», оставшиеся в исторической памяти народа. В качестве другого варианта классификации Кабанов предлагал деление на «оптимистические» и «пессимистические», а также «сбывшиеся» и «несбывшиеся». Последняя особенность слухов нуждается в отдельном пояснении.

Массовые слухи демонстрировали способность массового сознания предчувствовать и предугадывать развитие событий даже в ситуации общественно-политического хаоса тогда, когда сильны ощущения «конца истории» (например, о «красном» и «белом» терроре в ноябре

¹⁶ См. социально-психологическую историографию слухов в статье: *Осетрова Е.* Слухи в современной социокультурной среде: историографический обзор // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 55–82.

¹⁷ *Блок М.* Апология истории, или ремесло историка. М., 1986.

¹⁸ *Lefebvre G.* La Grande peur de 1789. Suivi de Les foules révolutionnaires. Paris, 1988.

¹⁹ *Колоницкий Б. И.* К изучению механизма десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны) // История и революция. СПб., 1999. С. 72–86; *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

²⁰ *Кабанов В. В.* Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М., 1997.

1916 г., тогда же – о неизбежности революции в 1917 г., летом – осенью 1917 г. – о предопределенности «Корниловского мятежа» и большевистского переворота, в июне 1918 г. – о казни Николая Романова и т. д.). Чувственно-эмоциональная природа слухов предопределяет их чуткость к внешним процессам и оказывается более эффективной в плане прогнозирования, чем попытки рационального анализа. Вместе с тем нельзя отрицать и того, что стихийно распространявшиеся слухи сами могли стать неким сигналом к действию, предопределить ту или иную развязку. Эмоциональная атмосфера кануна революции, в которой главной эмоцией оказывалось чувство страха, предполагала самые трагические сценарии политической развязки.

Найти объяснения прогностических способностей слухов можно в философско-социологической теории. Австрийский и британский социолог К. Поппер, критикуя историцизм, использовал понятие «Эдипова эффекта» – «влияние предсказания на предсказанное событие (или, шире, влияние информации на ситуацию, к которой эта информация относится); причем несущественно, направлено ли это влияние на осуществление или на предотвращение предсказанного события»²¹. Еще раньше У. и Д. Томас в 1928 г. объяснили похожий феномен тем, что события конструируются представлениями людей о них: «Если люди считают ситуации реальными, то они оказываются реальными по последствиям»²². На основе «теоремы Томаса» Р. Мертон разработал теорию «самоисполняющегося пророчества» («the self-fulfilling prophecy»), согласно которой ложное предсказание, кажущееся современникам истинным, будет влиять на поведение людей так, что их действия сами приведут к исполнению этого предсказания²³. В. П. Булдаков выдвинул оригинальную концепцию «хроники заранее объявленной революции» (оммаж Г. Маркесу), согласно которой слухи подготовили массовое сознание к идее неизбежности революции, тем самым запрограммировав общество на нее²⁴.

Изучение визуальных образов также нуждается в методологических пояснениях. Несмотря на модное ныне направление «визуальной истории», в исторических исследованиях «визуальный поворот» все еще не произошел вследствие того, что многие историки, обращаясь к изобразительным источникам, отводят им второстепенную, иллюстративную роль. В историографии образы изучаются преимущественно имагологическим направлением, в основе которого лежит изучение представлений о «своих» и «чужих». К нему относятся работы таких авторов, как А. В. Голубев, О. С. Поршнева, Е. С. Сенявская, Т. А. Филиппова и др.²⁵ Однако имагология далеко не всегда в полной мере раскрывает потенциал изобразительных источников, так как часто ограничивает исследование формальными образами тех или иных (этнических, социальных) групп, тогда как понятие «образа» шире подобного подхода и часто включает в себя абстрактные категории. Для преодоления этого парадокса необходимо признать, что визуальный образ является текстом, обладающим интертекстуальностью. В нем (в зависимости от типа, жанра изобразительного произведения) присутствует авторский интенциональный пласт (осознанный или нет), обнаруживаются явные или скрытые, на уровне содержания или формы, переключки с предшествующими художественными произведениями, а также косвенно или прямо отражается современная эпоха (так как автор творит в конкретно-исторических условиях). Тем самым художественное произведение говорит не только о самом авторе, но и о его времени. Отдельной проблемой является соотношение

²¹ Поппер К. Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 49–79.

²² Thomas W. I., Thomas D. S. The child in America: Behavior problems and programs. New York: Knopf, 1928. P. 571–572.

²³ Merton R. K. Social Theory and Social Structure. Free Press, 1968. P. 477.

²⁴ Булдаков В. П. Метанарративы и микронарративы Русской революции: к переосмыслению сложившихся представлений // Столетие русской революции 1917 года и ее значение в мировой истории и культуре. Будапешт: Russica Pannonica, 2018. С. 77–90.

²⁵ См.: Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2011; Филиппова Т. А., Баратов П. Н. «Враги России». Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны. М., 2014.

визуального и вербального текстов. В некоторых случаях текст задает вектор интерпретации, дешифровки визуального сообщения, а в других, наоборот, может уводить зрителя с верной дороги (особенно это касается случаев, когда название произведения пишется для цензора). Имеющиеся подписи к картине, рисунку вовсе не исчерпывают содержания произведения. Современные исследователи признают, что визуальный образ несет в себе больше информации, чем вербальный текст²⁶. Большое значение имеет анализ собственно визуального языка, который может нести в себе информацию о способах эмоционального коннотирования тех или иных образов, позволяет уйти от денотативного (буквального) прочтения изобразительного сообщения.

Для полного раскрытия источникового потенциала изобразительного текста историкам следует использовать наработки смежных дисциплин – искусствоведения, культурологии, философии и культурной антропологии. На протяжении XX в. методы работы с визуальными произведениями постоянно совершенствовались. Так, Э. Панофски от иконографического метода перешел к иконологическому, совершенствуя выдвинутые А. Варбургом идеи, Р. Барт применил методы структуралистского и постструктуралистского подходов к визуальному сообщению, У. Митчелл, указав на текстуальность изображения и визуальность вербального текста, призвал совершить пикториальный поворот и т. д.²⁷ В 2001 г. Дж. Роуз выпустила научно-методическое пособие «Визуальная методология. Введение в интерпретацию изобразительных произведений», в котором продемонстрировала способы анализа изобразительных источников с точки зрения семиологии, психоанализа, дискурс-анализа, а также особенностей контент-анализа²⁸. В 2018 г. Н. Н. Мазур подготовила антологию визуальных исследований, в которую вошли ранее не публиковавшиеся на русском языке статьи ведущих западных исследователей²⁹.

Конечно, важно учитывать вид изобразительного искусства, к которому относится произведение. Очевидно, что «высокая» станковая живопись, документальная фотография, народный лубок требуют специального подхода. Варианты исследования этих источников будут продемонстрированы в основной части монографии. В нашем исследовании также раскрывается потенциал количественных методов на примере журнальной карикатуры: рассчитываются частотно-динамические характеристики образов внешнего и внутреннего врага, развитие «позитивных» и «негативных» образов и т. д.

Одна из особенностей художественных произведений – их выраженная эмоциональность, что делает их исключительно актуальными в контексте нашей темы исследования. Дэвид Фридберг, Витторио Галлезе выдвинули концепцию «телесной имитации и эстетического переживания», базирующуюся на открытых в конце 1990-х гг. зеркальных нейронах, объясняющую природу эмоциональной «власти образа» над зрителем: «Автоматические эмпатические реакции представляют собой базовый уровень реакции на изображения и произведения искусства. В основе этих реакций лежит процесс телесной имитации, позволяющий непосредственно воспринимать интенциональное и эмоциональное содержание образов... Исторические, культурные или контекстуальные факторы не противоречат важности изучения нейронных процессов, которые приводят к эмпатическому восприятию произведений визуального искусства»³⁰. Открытие зеркальных нейронов у приматов, отвечающих за возбуждение при наблюдении за

²⁶ Голиков А. Г., Рыбаченок И. С. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М., 2010. С. 5.

²⁷ Панофски Э. Этюды по иконологии. СПб., 2009; Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989; Барт Р. Camera lucida. М., 1997.

²⁸ Rose G. Visual Methodologies. An Introduction to the Interpretation of the Visual Materials. London: SAGE Publication, 2001.

²⁹ Мир образов. Образы мира. Антология исследований визуальной культуры / Ред.-сост. Н. Н. Мазур. М.; СПб., 2018.

³⁰ Фридберг Д., Галлезе В. Движение, эмоция и эмпатия в эстетическом переживании // Мир образов. Образы мира... С. 485.

выполнением определенных действий, раскрывает подражательную природу эмоций, прежде всего чувства эмпатии, сочувствия у человека³¹. «Нейроанатомической основой эмпатии является система зеркальных нейронов и лимбическая система, причем особое внимание уделяется миндалине и островку», – считает В. Косоногов³². Вероятно, они также объясняют природу «душевной контагиозности» – заразительности определенных психических состояний, открытой В. Х. Кандинским. Душевная или, точнее, эмоциональная контагиозность оказывается важной характеристикой массовых реакций и социальных действий, исследуемых в настоящей монографии, объясняет бессознательные коллективные акции толп, в которых исследователи зачастую тщетно селятся обнаружить идейную сознательность.

Эмоции запечатлевались в разных документах и проявлялись в разных формах. Изучение социально-политической роли эмоций требует внимания к соответствующей методологии. С 1980-х гг. в англоязычной литературе усиливается интерес к эмоциологии как гуманитарной смежной дисциплине, пользующейся наработками в области психологии, нейрофизиологии, этнологии. Этот интерес не исчезает и в XXI в.³³ Ян Плампер, изучив историографию истории эмоций, предлагает бинарную схему ее развития как противопоставление взаимоисключающих подходов, что предопределено интересом к данному феномену со стороны как естественных, так и гуманитарных наук³⁴. В то время как психология и особенно нейрофизиология ищут биолого-природные основания эмоциональной системы человека, антропология и этнология обращают внимание на культурно детерминированные эмоциональные практики, отличающиеся друг от друга в различных обществах. В результате рождаются два подхода: один отрицает существование универсальных эмоций, другой, наоборот, признает общие переживания и эмоциональные реакции людей вне зависимости от культурных традиций. Примечательно, что оба подхода имеют экспериментальное подтверждение. Вместе с тем решением данного парадокса может быть, во-первых, разделение эмоций на первичные, или базовые (природно детерминированные), и вторичные (культурно детерминированные), а во-вторых – отделение изучения собственно эмоций от способов их выражения. Вместе с тем полного единения ученых относительно количества базовых эмоций нет.

Критики универсалистской концепции указывают, что те или иные мимические реакции носят подражательный характер и больше относятся к сфере культурных традиций, нежели биологии. Вместе с тем даже наличие двух противоположных мимических реакций на общий эмоциональный стимул не доказывает различие внутренних чувств, переживаний испытуемых субъектов, а всего лишь констатирует различные традиции, практики выражения тех или иных эмоциональных состояний. При этом на биохимическом уровне сами состояния выражаются едиными процессами, протекающими в организме человека: тревога связана с выработкой адреналина, злость – норадреналина, чувство удовлетворения – серотонина, печали – мелатонина и т. д.

Источник эмоционального переживания может быть как внутри самого человека (возникший в голове образ, воспоминание), так и во внешнем мире (внешняя опасность или

³¹ См.: *Риццолатти Дж., Синигалья К.* Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания. М., 2012.

³² *Косоногов В.* Зеркальные нейроны: краткий научный обзор. Ростов н/Д., 2009. С. 10.

³³ *Zeldin Th.* France, 1848–1945. Vol. 1: Ambition, Love. Oxford: Oxford UP, 1979; *Stearns P. N., Stearns C. Z.* Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // *The American Historical Review.* 1985. Vol. 90. № 4. P. 813–836; *Elias N.* The Civilizing Process. Oxford: Blackwell, 1994. P. 292; *Reddy W. M.* The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. New York: Cambridge University Press, 2001. XIV. 380 p.; *Rosenwein B. H.* Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca: Cornell University Press, 2006; *Gross D. M.* The Secret History of Emotion: From Aristotle's Rhetoric to Modern Brain Science. Chicago: University of Chicago Press, 2006. X. 194 p.; Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сб. статей / Ред. Я. Плампер, Ш. Шахадат, М. Эли. М., 2010; *Виницкий И.* Заговор чувств, или русская история на эмоциональном повороте // Семиотика августа в XX веке: трансформация жизни частного человека в эпоху социальных катаклизмов. Новое литературное обозрение. № 117. 2012.

³⁴ См.: *Плампер Я.* История эмоций. М., 2018.

близкий человек). В первом случае обнаруживается связь между идеей и эмоцией, мыслью и чувством. Кэррол Изард, изучая эмоции как нейрофизиологические процессы, вводит понятие аффективно-когнитивной структуры, представляющей собой комбинацию драйва, эмоции и когнитивных процессов³⁵. Комплекс из различных аффективно-когнитивных структур становится основой для мировоззрения или идеологии. В годы Первой мировой войны официальная пропаганда эксплуатировала патриотические эмоции российских подданных, в журнальной публицистике, визуальном пространстве можно обнаружить следы подобных аффективно-когнитивных структур, однако комплексного мировоззрения так и не возникло.

Одна из главных проблем, возникающих при изучении эмоций посредством методов гуманитарных дисциплин, в первую очередь историками и лингвистами, заключается в несоответствии переживаемых эмоций и средств их вербального выражения. Зачастую для точного описания переживания слов оказывается недостаточно. Кроме того, человек крайне редко испытывает одну-единственную эмоцию, как правило, эмоции перетекают друг в друга, вызывая нечто вроде цепной реакции. Последовательность этих реакций может быть индивидуальной, связанной с личным опытом субъекта. На основании этого некоторые исследователи отрицают существование дифференциальных эмоций. Вместе с тем в том или ином эмоциональном букете, или аккорде, можно обнаружить одну доминирующую эмоцию. К. Изард, автор психологии дифференциальных эмоций, вводит понятие эмоциональных триад. Психолог обращает внимание на то, что гнев, отвращение и презрение, являясь дискретными эмоциями, тесно взаимодействуют друг с другом, активируются при одних и тех же ситуациях, что позволяет говорить о них как о «триаде враждебности». По этой же аналогии можно выстроить «триаду доброжелательности». На материале 1917 г. – периода, когда эмоции, по меткому замечанию М. Горького, определяли политику, – будет показан потенциал эмпирического подхода.

Для настоящего исследования важность представляют концепции «эмоциональных сообществ» и «эмоциональной навигации», введенные в научный оборот соответственно Барбарой Розенвейн и Уильямом Редди. Б. Розенвейн на материале Средних веков показала, что выражение эмоций в определенных кругах (например, вспышки ярости у королей) не было проявлением эмоциональной незрелости, а, наоборот, представляло собой расчетливо используемые знаки символической коммуникации³⁶. При этом Розенвейн указывает, что в Средние века человек мог принадлежать одновременно к разным эмоциональным сообществам. У. Редди, разрабатывая собственную иерархию эмоциональных категорий на пути достижения человеком «эмоциональной свободы» (минимизации эмоционального страдания), изучает особенности «эмоциональной навигации» – маневрирования субъекта между различными «эмоциональными режимами» (ансамбль эмоциональных символических практик)³⁷. Понятия «эмоционального сообщества» и «эмоционального режима» сближают теории Розенвейн и Редди, так как «эмоциональный режим» оказывается характеристикой «эмоционального сообщества». В настоящем исследовании концепция «эмоциональной навигации» между «эмоциональными сообществами» используется при описании социальных конфликтов, вызванных миграцией крестьян в городскую среду, а также появлением в городах празднующихся солдат, дезертиров. Очевидно, что способы выражения эмоций в деревне и городах, на фронте и в тылу отличались друг от друга (например, для деревни было характерно сочетание публичной сдержанности проявления романтических чувств с открытым проявлением физиологических влечений, в то время как для городского эмоционального сообщества все было наоборот). В целом деревенское сообщество отличалось большей эмоциональной открытостью, несдер-

³⁵ Изард К. Психология эмоций. СПб., 1999. С. 28, 39.

³⁶ Rosenwein B. H. Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca: Cornell University Press, 2006.

³⁷ Reddy W. M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. New York: Cambridge University Press, 2001.

жанностью, чем городское (Н. Элиас полагал, что развитие цивилизации предписывает ужесточение контроля за эмоциями). В социальных конфликтах 1914–1918 гг. обнаруживаются характерные признаки столкновений разных эмоциональных режимов.

Введение понятия «эмоциональные сообщества» углубляет используемый в исследовании социально-стратификационный подход, позволяет обнаружить в различных общественных стратах не только «объективные» материально-правовые характеристики, но и ментальные отличия, которые не поддаются регистрации традиционными методами классового подхода. Однако, помимо выявления различий между разными группами населения, не менее важной представляется попытка обнаружения общих характеристик современников описываемых событий как определенного поколения эпохи войны и революции, являющихся носителями некоторых универсальных психологических черт. Одним из используемых обобщающих терминов является понятие «обыватель». В повседневной речевой практике начала XX в. (в отличие от XVIII в., когда термин обозначал сословную принадлежность, или от второй половины XX в., когда он наполнялся определенным морально-этическим, мировоззренческим содержанием) под обывателями понималось население, постоянно проживающее на определенной территории без различия сословного происхождения. Именно в этом значении понятие используется в настоящей работе. Оно удобно тем, что позволяет сконцентрироваться на неких усредненных универсальных значениях, в равной степени актуальных для большинства населения. В этом смысле термин «обыватель» сближается с понятием «маленького человека», применяемого в социально-исторических исследованиях.

Стремление уйти от жесткой классовой стратификации ради поиска универсальных психологических черт обнаружилось в советской историографии в так называемом «новом направлении». Так, еще в 1964 г. П. В. Волобуев попытался «нарисовать образ среднего русского кадрового пролетария», выделяя в качестве классовых его особенностей «чувство собственного достоинства», «здравый смысл», «выдержку и стойкость»³⁸. Данные черты, естественно, никак не могут являться классовой характеристикой ни пролетариата, ни какого другого класса, так как являются личностными особенностями, которыми может обладать любой индивид, вне зависимости от классовой принадлежности. Тем не менее в работе Волобуева показательна попытка расширения рамок «классовой истории», постановки принципиально новых проблем, пусть не всегда корректных с точки зрения современной социологии и психологии, в результате чего помимо пролетариата советские историки начинают изучать поведение, историю «средних слоев», мещан, что создает предпосылки для ввода в научный оборот термина «обыватель» (в 1970-х гг. это Н. И. Востриков, Э. Р. Гречкина; в 1980-х – В. П. Булдаков, В. В. Канищев)³⁹.

Пересмотр постулатов «Краткого курса» приводил к расширению классового подхода за счет обращения к социально-психологической проблематике. Помимо вопроса классовой сознательности, внимание привлекала тема стихийного творчества масс, что нашло отражение в публикациях А. Я. Грунта, Я. С. Драбкина, Б. Ф. Поршнева, Е. Н. Городецкого, М. Я. Гефтера и др.⁴⁰ Г. Л. Соболев затронул проблемы «психологического климата» и общественной психологии в период революции 1917 г., обратившись к изучению такого массового источника, как «письма во власть»⁴¹.

³⁸ Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964.

³⁹ См.: Востриков Н. И. Борьба за массы. М., 1970; Гречкина Э. Р. Средние слои на пути к социализму. Таллин, 1976; Изменение социальной структуры советского общества. Октябрь 1917 – 1920 гг. М., 1976; Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и городские средние слои. М., 1981; Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1984; Городские средние слои в трех российских революциях. М., 1989.

⁴⁰ См.: Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. М., 1969.

⁴¹ Соболев Г. Л. Письма в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов как источник для изучения общественной психологии в России в 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Т. 1. С. 159–173.

На современном этапе термины «обыватель», «маленький человек» оказываются центральными в истории повседневности, которая через описание быта граждан раскрывает характерные социально-психологические черты времени. Данное направление представлено трудами таких авторов, как И. В. Нарский, С. В. Яров, А. К. Соколов, С. В. Журавлев, Н. Б. Лебина, Е. Ю. Зубкова, Н. Н. Козлова, Е. А. Осокина, Ш. Фитцпатрик и др.⁴² При этом историки во многом пересматривают тот образ «маленького человека», который сложился в русской классической литературе благодаря А. С. Пушкину, Н. В. Гоголю, А. П. Чехову, – в период социально-политических потрясений 1914–1922 гг. он становился одним из самых зловещих героев российской смуты, предвосхищая идущим снизу стихийным насилием репрессии властей⁴³.

Обращение к истории повседневности «маленького человека» в условиях глобальных трансформаций ставит перед исследователем проблему соотношения объективного и субъективного, закономерного и случайного в истории. Эти вопросы на материале революции 1917 г. уже поднимались в советские годы представителями «нового направления», однако в связи с разработкой синергетики как метанауки, которая исходит из нелинейности и сложности социальной реальности как системы открылись новые перспективы. Г. Хакен, К. Майнцер, И. Стенгерс, И. Пригожин, Л. И. Бородин подчеркивают неустойчивость развития сложных динамических систем, которые характеризуются такими понятиями, как бифуркации (точки разветвления), аттракции (точки притяжения состояния динамической системы) и флуктуации (случайные отклонения, характеризующие хаотичность системы)⁴⁴. Наиболее последовательно синергетические процессы эпохи «смуты начала XX века» на историческом материале разбираются В. П. Булдаковым⁴⁵. В настоящем исследовании анализ устных слухов, визуальных образов, эмоциональных реакций обывателей в контексте определенной логики внутриполитического развития России, противостояния различных политических групп, позволяет опровергнуть тезис о линейном развитии социума и показать сквозь призму массовых настроений российское общество как сложную динамическую систему, в которой кризисные моменты усиливали значимость стихийных флуктуаций.

Несмотря на уделенное внимание методологическим подходам, особенностям работы с разными группами исторических источников, обозначенный предмет исследования – массовые настроения обывателей – оказывается порой слишком «тонким» в своих нюансах для точного описания. Одна из методологических проблем подобных работ – проблема «перевода» эмоциональных состояний, невербальных форм выражения настроений на вербальный, логический язык научного исследования. Отчасти восполнить этот недостаток призван так называемый «суггестивный» метод, под которым понимается предоставление читателю возможности самостоятельного погружения в мир образов, эмоций, значений прошлого. По этой

⁴² Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; Яров С. В. Горожанин как политик: революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999; Журавлев С. В., Соколов А. К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история: Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 287–232; Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского электростанции в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000; Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб., 1999; Зубкова Е. Ю. Мир мнений советского человека. 1945–1948. По материалам ЦК ВКП (б) // Отечественная история. 1998. № 4. С. 99–108; Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999; Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005; Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». М., 2008; Фитцпатрик Ш. Повседневный сталинизм. М., 2008.

⁴³ См.: Булдаков В. П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 55–75; Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. С. 566.

⁴⁴ См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986; Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез. М., 2009; Бородин Л. И. Вызовы нестабильности: концепции синергетики в изучении исторического развития России // Уральский исторический вестник. 2019. № 2 (63). С. 127–136.

⁴⁵ См.: Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. М., 2010; Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930. М., 2012; Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию. М., 2015.

причине значительное место в книге отводится цитированию источников личного происхождения, которые позволяют «услышать» голоса прошлого и «прочувствовать» атмосферу эпохи, дух времени. Часто важным оказывается не то, *что* пишет автор, а *как* он передает свою мысль, как выстраивает предложение и связывает слова, какие использует термины, прилагательные и т. д. Синтаксис предложения определяет его семантику. Например, повторение одних и тех же слов может свидетельствовать об определенном психологическом состоянии автора, злоупотребление заглавными буквами часто отражает состояние возбуждения (последнее встречается в дневниках и письмах обывателей кануна революции). С этой же целью исследование снабжено значительным количеством иллюстраций, дополняющих вербальные тексты визуальными образами. Конечно же, суггестивный метод является второстепенным, уступающим аналитическому исследованию, однако для того чтобы реконструкция прошлого не «убила» живую историю, а также с целью преодоления презентизма, важным видится предоставление источникам собственного, иногда параллельного исследовательскому, голоса.

Цитирование определенных источников личного происхождения требует отдельных замечаний, тем более что практика публикации дневников, воспоминаний некоторыми современными издательствами игнорирует научно-справочный аппарат и вводит читателя в заблуждение относительно видовой принадлежности источников.

Так, например, «Кучково поле» в серии «Военные мемуары» переиздало литературное произведение И. А. Зырянова (написанное под псевдонимом В. В. Арамилев) «В дыму войны. Записки вольноопределяющегося. 1914–1917», не удосужившись снабдить его хотя бы кратким предисловием. Следует заметить, что произведение написано на основе личных впечатлений, воспоминаний Зырянова, прошедшего Первую мировую войну (хотя и не в качестве вольноопределяющегося), и в большинстве случаев авторские зарисовки подтверждаются разнообразными документами. В настоящей работе литературно-оформленные впечатления Зырянова цитируются в качестве дополнений к скупым отчетам представителей администрации или сведениям из эпистолярного наследия современников.

В другом случае это же издательство опубликовало дневник П. Е. Мельгуновой-Степановой, снабдив книгу предисловием, примечаниями и указателями⁴⁶. Однако их автор В. Д. Лебедев, работая в архиве с текстом, не смог понять, что перед ним не первоначальный дневник, а поздняя рукопись, составленная при подготовке материалов к публикации и содержащая вставки. К чести Мельгуновой нужно отметить, что все позднейшие дополнения помещены ею в квадратные скобки⁴⁷, однако Лебедев в нарушение всех мыслимых правил археографии превратил квадратные скобки в круглые, объединив изначальные авторские пояснения в круглых скобках и последующие редакторские вставки.

Схожая ситуация с дневниками З. Н. Гиппиус, также цитируемыми в настоящем исследовании. Как показал Б. И. Колоницкий, поэтесса, готовя издание «Синей книги», переработала свой дневник, смягчив, в частности, многие жесткие характеристики Николая II после его убийства⁴⁸. Вместе с тем общий тон записок и общие оценки действительности соответствовали настроениям современников, реконструируемым по широкому кругу источников, что оправдывает обращение к данному историческому документу.

Изучение отразившихся в разнообразных источниках фольклорных сюжетов позволяет в некоторой степени реабилитировать другую проблемную книгу – «Народ на войне» С. З. Федорченко. Писательница призналась, что, работая сестрой милосердия, она не делала никаких записей, но впоследствии по памяти воспроизводила запомнившиеся высказывания

⁴⁶ Мельгунова-Степанова П. Е. Дневник: 1914–1920 / Вступ. ст., коммент., именной указ. В. Д. Лебедева. М., 2014.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 781.

⁴⁸ Колоницкий Б. И. К вопросу об источниках «Синей книги» З. Н. Гиппиус // Русская эмиграция: Литература, история, кинолетопись (Материалы международной конференции, Таллинн, 12–14 сентября 2002). Таллинн, 2004. С. 23–34.

раненых. Действительно, многие фразы и по форме, и по содержанию соответствуют настроениям и риторике представителей низших сословий, хотя считать книгу Федорченко собранием фольклорного материала в строгом смысле нельзя. Тем не менее признание ее мемуарного характера снимает многие вопросы использования.

Также нельзя не упомянуть записи А. Н. Яхонтова, которые он вел на секретных заседаниях Совета министров в 1915–1916 гг., известные сегодня в двух опубликованных вариантах – пространных «Тяжелых днях», вышедших в 1926 г. в гессенском «Архиве Русской революции», и более лапидарных первоначальных карандашных записок, перепечатанных его вдовой и изданных в 1999 г.⁴⁹ Р. Ш. Ганелин и М. Ф. Флоринский, сопоставив оба варианта, отметили, что в ряде случаев изменена очередность выступлений министров, авторство некоторых высказываний, отдельные выступления приводятся более полно⁵⁰. Однако исследователи допустили, что при подготовке «Тяжелых дней» Яхонтов использовал иные, помимо наспех составленных во время заседаний Совета министров записок, источники с целью заполнения смысловых лакун, воссоздания контекста дискуссий. Вопреки заявлениям Яхонтова какая-то часть дискуссий воспроизведена им по памяти. Тем не менее авторы приходят к выводу о беспристрастности Яхонтова как протоколиста в «Тяжелых днях», которые считают «ценнейшим источником»⁵¹. Учитывая некоторую бессвязность первоначальных записей Яхонтова, в настоящей монографии цитаты будут приводиться по «Тяжелым дням» с вынесенными в примечания комментариями и сравнениями с первоначальными записками по изданию «Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова».

Настоящее исследование стоит на междисциплинарном перекрестке. Однако в первую очередь это исследование историческое. Несмотря на использованную методологию, теорию смежных гуманитарных дисциплин, в монографии изучается прошлое не с высоты наукоемких концептуальных схем, а сквозь призму исторических источников, раскрывающих мышление людей в конкретно-историческую эпоху. Именно приоритет герменевтического подхода, постоянное обращение к историческому документу как главному свидетелю (а также его источниковедческая критика) позволяют разрушить прокрустово ложе монофакторных (социологических, психологических, экономических, политических и пр.) интерпретаций истории, особенно когда речь заходит о таких сложных и переломных периодах, как Первая мировая война и российская революция.

⁴⁹ Яхонтов А. Н. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Т. XVIII. Берлин, 1926; Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (Записи заседаний и переписка). СПб., 1999.

⁵⁰ Ганелин Р. Ш., Флоринский М. Ф. А. Н. Яхонтов и его «Тяжелые дни». История текста и издания // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей. К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996. С. 670–703.

⁵¹ Там же. С. 699.

Раздел 1

Идея

«Патриотические» настроения 1914 г.: историографические стереотипы и их критика

Период Первой мировой войны очень важен для понимания природы так называемой Великой (или Большой) российской революции 1917–1921 гг. В современной российской историографии пока еще сильно наследие советской периодизации, которая, по меткому замечанию Е. Н. Городецкого, после выхода «Краткого курса» «пристегнула» Февраль 1917 г. к мировой войне, а Октябрь 1917 г. – к советской истории⁵². В результате Первая мировая война выпала из истории революции, хотя ее «эхо» долго звучало после захвата власти большевиками. Западная историография оказалась более свободной в определении хронологических рамок. Некоторые историки – например, Лора Энгельштейн, Питер Холквист – рассматривают 1914–1921 гг. как единую эпоху кризиса, другие (Орландо Файджес, Джон Санборн, Стивен Смит) вполне оправданно позволяют себе еще более широкие обобщения, начиная изучение «русской смуты» с пореформенного периода⁵³. В любом случае каузальная связь революции 1917 г. с Первой мировой кажется более тесной, чем революции 1905 г. с Русско-японской войной, что позволяет рассматривать 1914–1921 гг. как единое целое. В современной отечественной историографии постепенно устанавливается взгляд на события 1914–1917 г. как одну эпоху⁵⁴.

На первый взгляд, один из центральных вопросов здесь – как патриотический подъем 1914 г. трансформировался в революционные настроения кануна 1917 г.? Но такая постановка вопроса во многом некорректна. Во-первых, тезис о патриотическом подъеме 1914 г. не безупречен (не будем забывать о росте революционных настроений в июльские дни, позволявшем отдельным советским авторам констатировать складывание революционной ситуации, ставящим под сомнение их неожиданное растворение после 19 июля); во-вторых, некорректно само противопоставление патриотических и революционных настроений, так как в российском обществе в начале марта 1917 г. патриотизм был одним из доминировавших настроений. С этой точки зрения революция 1917 г. была для многих патриотической революцией: власть свергли ради спасения России. Другое дело – если под патриотизмом понимать не любовь к Родине, а любовь к власти. В этом случае история Первой мировой войны демонстрирует процесс десакрализации монархии Николая II. Однако даже в отношении власти патриотизм по-разному проявлялся у различных социальных слоев: патриотические концепции русских монархистов явно отличались от патриотических ментальных традиций русского крестьянства. Вместе с тем было между ними и нечто общее, что основывалось на традиционном, патриархально-патерналистском восприятии власти. Другая часть интеллигенции, исповедовавшая либеральные идеи, считала патриотизм структурой гражданского общества. Некоторые исследова-

⁵² Городецкий Е. Н. Обсуждение доклада Дробкина Я. С. Нерешенные проблемы изучения социальных революций // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. М., 1969. С. 251.

⁵³ См.: Engelstein L. *Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921*. Oxford University Press, 2017; Holquist P. *Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921*. Cambridge, Mass.; London, 2002; Figes O. A. *People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924*. New York, 1998; Sanborn J. *Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*. Dekalb, 2003; Smith S. A. *Russia in Revolution. An Empire in Crisis, 1890–1920*. Oxford, 2017.

⁵⁴ См.: Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. *Война, породившая революцию*. М., 2015.

дователи рассматривают проблему патриотических настроений 1914 г. именно в контексте столкновения традиционного и гражданского патриотизмов⁵⁵.

Отдельной проблемой выступает определение места патриотизма в ментальной системе координат: является ли он идеологией или, может быть, не поддающимся рациональному осознанию чувством, эмоцией. В то время как публицисты пытались выработать патриотическую идеологию, обосновать ее рационально-сознательную базу, массы простого народа своими «патриотическими акциями» демонстрировали, что патриотизму в ряде случаев свойственно бессознательное проявление, нередко граничащее с аффектом. Очевидно, что без комплексного подхода к патриотизму как сложному ментальному явлению не удастся понять феномен «настроений 1914 г.».

⁵⁵ См.: *Леонов С. В.* Эволюция массового сознания в России в Первую мировую войну // Россия в мировых войнах XX века: Материалы научной конференции. М.; Курск, 2002. С. 61–73.

Концепция «отложенной революции» и ленинская теория «революционной ситуации» как модель описания настроений 1914 г

Проблема патриотических настроений 1914 г. практически сразу оказалась в фокусе теоретических дискуссий. В то время как в официальной прессе публиковались восторженные заметки о всеобщем национально-патриотическом подъеме, большевики расценивали этот «подъем» как проявление шовинистического угара и даже позицию «оборончества» в социалистическом лагере определяли как социал-шовинизм. При этом В. И. Ленин считал, что шовинизм (в это понятие он включал и патриотизм) беднейших слоев населения имел внешний, пропагандистский и, следовательно, временный характер: «Среди крестьянства правящей клике при помощи буржуазной печати, духовенства и т. д. тоже удалось вызвать шовинистское настроение. Но, по мере возвращения солдат с поля боя, настроение в деревне, несомненно, будет меняться не в пользу царской монархии»⁵⁶. В мае – июне 1915 г. В. И. Ленин в работе «Крах II Интернационала» признавал, что и пролетарские слои поддались этой «заразе»: «Пролетарские массы, от которых, вероятно, около 9/10 старого руководительского слоя отошло к буржуазии, оказались раздробленными и беспомощными перед разгулом шовинизма, перед гнетом военных положений и военной цензуры»⁵⁷, однако спустя пару месяцев в работе «Социализм и война» утверждал обратное: «Единственным классом в России, которому не удалось привить заразы шовинизма, является пролетариат. Отдельные эксцессы в начале войны коснулись лишь самых темных слоев рабочих... В общем и целом рабочий класс России оказался иммунизированным в отношении шовинизма»⁵⁸. Последующая советская историография, объясняя причины резкого спада стачечной борьбы после начала Первой мировой, все же была вынуждена наперекор классическому использовать тезис о заражении шовинизмом части пролетариата.

Одним из центральных вопросов в дискуссии о политических настроениях рабочих стал вопрос о революционной ситуации: имела ли она место в июле 1914 г. или рабочее движение не носило осознанно-революционного характера. В 1926 г. М. Г. Флеер сформулировал концепцию «отложенной революции», справедливо сопоставив масштаб рабочего протеста в январе 1905 г. и июле 1914-го: «Как и в 1905 году, июльское 1914 года движение носило очень бурный характер, сопровождалось вооруженными столкновениями рабочих с полицией, баррикадами, и непосредственный переход забастовок к вооруженному восстанию был естествен и неизбежен. Движение достигло наивысшего напряжения, удар, занесенный над самодержавием, должен был привести к решительному концу. 19 июля 1914 года была объявлена всеобщая мобилизация, и удар этот был отсрочен, потому что та сила, которая должна была нанести его, не могла ни расплыться, ни исчезнуть»⁵⁹. Следует оговориться, что Флеер ошибся, когда главную роль в отступлении революции отвел объявлению войны. В действительности резкий спад забастовочного движения произошел за неделю до начала войны и за пять дней до мобилизации – 12 июля фабриканты отказались от локаута и большинство рабочих вернулись в свои цеха (А. Г. Шляпников писал, что рабочие стачки прекратились 13 июля, а Л. Хаймсон впоследствии продлил их до 17 июля, очевидно имея в виду участие революционизированных

⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 331.

⁵⁷ Там же. С. 264.

⁵⁸ Там же. С. 332.

⁵⁹ Флеер М. Г. Рабочее движение в России в годы империалистической войны. Л., 1926. С. 6.

рабочих в патриотических манифестациях⁶⁰). Вероятность массовых расчетов, наподобие лок-аута 20 марта 1914 г., когда за один день было уволено более 70 000 бастовавших рабочих, пугала представителей пролетариата. Фактически не начало войны положило конец июльскому рабочему движению – оно само продемонстрировало низкую степень политической, антисамодержавной направленности, пойдя на компромисс с администрацией. Кроме того, события июля – августа 1917 г. выявили недостаточную с точки зрения марксистско-ленинской теории классовую сознательность рабочих, проникнувшихся патриотической идеологией и принявших участие в проправительственных манифестациях средних городских слоев в связи с началом войны.

Развивая ленинский тезис об антишовинистической прививке пролетариата, Флеер, ссылаясь на воспоминания А. Г. Шляпникова, пытался доказать антивоенный настрой большинства рабочих в июльские дни⁶¹. В это же время Б. Граве отрицала патриотические настроения пролетариата в период мобилизации, отмечала попытки организации антивоенных митингов в Петербурге и Москве, однако, в отличие от Флеера, она не считала, что война сорвала революцию. Обращая внимание на тот факт, что массовые рабочие забастовки закончились за несколько дней до начала мобилизации, Граве объясняла это сознательной тактикой большевиков: считала, что Петербургский комитет РСДРП(б) целенаправленно ликвидировал стачку, понимая, что момент для вооруженного восстания еще не наступил («слишком мало сплочены рабочие массы, слишком слаба организационно партийная организация, вооружения нет»)⁶². Тем самым Граве выводила пролетариат из-под обвинения в патриотизме, объясняя прекращение забастовочного движения не стихийным распространением «шовинистической заразы», а сознательным ходом партии. Тем не менее, повторяя слова Ленина о руководящей роли большевиков, Граве явно переоценила степень их идейно-тактической консолидации: фактический материал не позволяет считать тезис о неподготовленности к вооруженному восстанию распространенным в их среде, так как в действительности даже 22 июля в Петербурге появлялись большевистские прокламации, призывавшие рабочих к вооруженному восстанию и свержению Николая II⁶³. Таким образом, едва ли можно согласиться с мнением о тактическом характере прекращения рабочих забастовок 12 июля.

Одновременно с отрицанием патриотических настроений в рабочей среде Флеером и Граве звучали признания обратного. Так, И. Меницкий характеризовал настроения московских рабочих на начальном этапе войны: «Монархистам совместно с кадетами удалось на первых порах отравить ядом шовинизма значительную часть рабочего класса, не говоря уже о мелкобуржуазном мещанстве, которое с восторгом встречало всякую ура-патриотическую манифестацию, состоящую из шпиков, проституток и воров»⁶⁴. Эта концепция сохранилась и в 1970-х гг., в частности в работах И. П. Лейберова, вслед за Меницким считавшего, что «шовинистический угар ослабил революционную энергию пролетариата»⁶⁵. Однако если в 1920-е гг. преобладала концепция «молчания рабочего класса как антивоенного протеста» и историки по крупицам собирали информацию об антивоенных митингах рабочих в первые месяцы войны, пытаясь доказать сохранение классовой сознательности⁶⁶, то впослед-

⁶⁰ Хаймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до февральской революции // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 22.

⁶¹ Флеер М. Г. Рабочее движение... С. 6–7.

⁶² Граве Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 – февраль 1917. Пролетариат и буржуазия. М.; Л., 1926. С. 89.

⁶³ Тютокин С. В. Война, мир, революция... С. 18.

⁶⁴ Меницкий И. Революционное движение военных годов (1914–1917). Т. 1. Первый год войны (Москва). М., 1925. С. 63.

⁶⁵ Лейберов И. П. На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 – март 1917 г.). М., 1979. С. 26.

⁶⁶ Флеер М. Г. Рабочее движение... С. 7.

ствии Ю. И. Кирьянов писал о сильно преувеличенной в историографии роли антивоенных стачек, а беспорядки в период мобилизации охарактеризовал в качестве стихийных пьяных бунтов⁶⁷, при этом С. В. Тютюкин отмечал, что летом – осенью 1914 г. «отношение пролетариата и различных социалистических течений к войне еще только выкристаллизовывается из хаоса противоречивых мнений», оправдывая рабочих, поддавшихся патриотической пропаганде, тем, что и среди большевиков имели место колебания и споры⁶⁸. Историографические парадоксы вынесения оценок июльским демонстрациям по шкале «антивоенные – патриотические» хорошо видны на следующем примере. Так, если Тютюкин в 1972 г. писал, что в июле 1914 г. под руководством большевиков «забастовки и демонстрации протеста против войны прошли в Петербурге, Риге, Москве, Твери, Киеве, Самаре и некоторых других городах», то Кирьянов в 1998 г. пересмотрел эту позицию: «С момента объявления первой мобилизации 16–17 июля и до конца 1914 г. в России не было ни одной антивоенной стачки», и упоминает лишь о попытках организации трех антивоенных демонстраций в Петербурге 19 июля⁶⁹. Хотя Тютюкин также согласен с преувеличением антивоенных настроений рабочих в советской историографии, он вместе с тем остается верен теории «молчаливого протеста», противопоставляя настроения в рабочей среде настроениям представителей прочих социальных групп: «Угрюмое молчание народа красноречиво контрастировало с патриотической эйфорией, охватившей господствующие классы, часть интеллигенции, студенчества, городского мещанства, казачества»⁷⁰.

Одно из противоречий советской модели рабочего протеста лета 1914 г. в историографии обнаруживается в том, что, несмотря на явно исключительный характер событий, сопоставимый с 1905 г., ему так и не нашлось должного определения в исторической науке, во многом по причине узкой трактовки революционной ситуации в марксистско-ленинской теории и повышенной требовательности к классовой сознательности пролетариата. Сам Ленин был склонен к преувеличению политической грамотности и интуиции рабочих. Показателен случай, когда большевики, планируя организовать 4 апреля демонстрацию в знак протеста против локаута 20 марта 1914 г. и в память о Ленском расстреле, но не решаясь в «Пути Правды» прибегнуть к прямому призыву рабочих выйти на улицы, решили использовать туманный намек, сославшись на решение марксистов от февраля 1913 г.: «Сознательные рабочие очень хорошо знают и некоторые конкретные формы повышения (рабочего движения. – В. А.), исторически неоднократно испытанные и „непонятные“, „чуждые“ только ликвидаторам»⁷¹. По мысли Ленина, эта фраза, даже не содержащая скрытого призыва в форме повелительного наклонения, а всего лишь констатирующая некое знание, должна была воскресить в памяти рабочих опубликованную более года назад нелегальную резолюцию, в которой на 11-й странице писалось о формах революционной борьбы, и на основании этого вывести рабочих на улицы города. «Русская полиция и прокуроры не поняли намека. Но сознательные рабочие поняли его», – писал Ленин в июне 1914 г. Демонстрация действительно состоялась, но более значимую роль в деле агитации рабочих сыграла не опубликованная заметка с сильно завуалированным намеком, а пространственные Санкт-Петербургским комитетом РСДРП(б) в рабочей среде листовки, содержащие открытый призыв к выходу на демонстрацию. Тогда же Ленин поспешил провозгласить

⁶⁷ Кирьянов Ю. И. Были ли антивоенные стачки в России в 1914 году? // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 43–52; Он же. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. – февраль 1917 г.). М., 2005.

⁶⁸ Тютюкин С. В. Война, мир, революция... С. 10.

⁶⁹ Тютюкин С. В. Война, мир, революция... С. 19; Кирьянов Ю. И. Рабочие России и война: новые подходы к анализу проблемы // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 438.

⁷⁰ Тютюкин С. В. Первая мировая война и революционный процесс в России (роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 240.

⁷¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 379.

победу большевиков в борьбе за умы пролетариев: «Рабочая масса встала на сторону партии (большевиков. – В. А.) и отвергла ликвидаторство»⁷².

Вместе с тем сам тезис о высокой степени политизированности рабочего движения неоднозначен. Кирьянов указывает на известные методологические сложности разграничения экономических и политических стачек, отмечает искусственную политизацию рабочего стачечного движения в советской историографии, «подтягивание» экономических забастовок до уровня политических, игнорирование стихийных погромов как формы борьбы и, кроме того, наличие стачек, не поддающихся однозначному определению в качестве экономических или политических (например, направленных против конкретных представителей администрации)⁷³. Все это заставляет критически воспринимать известную статистику рабочего движения, тем более что зачастую именно стихийно вспыхнувшие акции протеста приводили к наиболее ожесточенным столкновениям с властями. Нельзя также игнорировать факт перетекания стачки из экономической в политическую: очень часто революционные бунты вспыхивали по незначительным, на первый взгляд, экономическим поводам, но затем перерастали в мощное антиправительственное движение. В самом начале февральских протестов 1917 г. многие современники склонны были недооценивать характер движения, считая его обычным хлебным бунтом. А. Я. Грунт, рассуждая о соотношении стихийного и организационного в борьбе пролетариата, обратил внимание на подготовленность массовых стихийных протестов глубокими объективными причинами, тем самым разделив категории стихийного и случайного: «В самой стихийности движения, коль скоро она имеет место, необходимо видеть и еще одну сторону: само по себе стихийное выступление масс есть показатель того, что движение имеет глубокие корни»⁷⁴.

Парадоксы советской историографии во многом были предопределены уязвимостью самой ленинской теории «революционной ситуации». В начале 1913 г. В. И. Ленин, анализируя стачечную борьбу предшествующего года, писал о «массовой революционной стачке», констатируя начало новой стадии революционной борьбы, а в статье «Маевка революционного пролетариата» назвал митинги и шествия 1 мая 1913 г. «открытой демонстрацией революционных стремлений»⁷⁵. Именно в этой работе Ленин впервые подошел к определению подхваченной впоследствии в историографии концепции «революционной ситуации» – правда, поначалу употребляя другие термины – «непосредственный революционный кризис» и «революционное состояние», – главным признаком которой был назван рост революционного стачечного движения пролетариата, «раскачивавшего» крестьянство и армию. В 1915 г. в работе «Крах II Интернационала» появляется классическое определение революционной ситуации, выраженной тремя объективными признаками (кризис верхов; обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенного класса; значительное повышение активности масс) и одним субъективным (способность революционного класса на революционные массовые действия)⁷⁶. Совокупность всех четырех признаков, по мысли Ленина, должна приводить к революции.

Вместе с тем указанные признаки носят слишком общий характер для того, чтобы считать их верифицируемыми критериями определения революционной ситуации. Например, при более глубоком изучении темы возникает вопрос о роли буржуазии в период революционного кризиса, насколько оправданно ее отнесение в модели революционной ситуации к «верхам». Данная проблема была поднята в дискуссии вокруг теории М. Н. Покровского о «двух

⁷² Там же. С. 372.

⁷³ Кирьянов Ю. И. Рабочие России и война: новые подходы к анализу проблемы // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 432–433.

⁷⁴ Грунт А. Я. О характере и механизме развития революционного творчества масс (из опыта Октябрьской революции 1917 г.) // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. М., 1969. С. 61.

⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 298.

⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 218–219.

заговорах» – царизма (с целью выхода из войны путем заключения сепаратного мира) и буржуазии (с целью осуществления дворцового переворота для расширения собственного влияния). Эта теория позволяет противопоставлять их интересы интересам народных масс, т. е. низов⁷⁷. И. И. Минц в написанной им главе «Канун буржуазно-демократической революции» для «Истории Гражданской войны в СССР», отредактированной И. В. Сталиным, развил эту теорию, сместив акцент с противоречий между царизмом и буржуазией на их совместный поход против народных масс: сепаратный мир и дворцовый переворот рассматривались как средство спасения от революции⁷⁸. Впоследствии в ряде работ отмечалось упрощение проблемы в подобной схеме, политическая неоднородность как буржуазных, так и великокняжеских кругов⁷⁹. Если Б. Граве рассматривала убийство Распутина в декабре 1916 г. как первый акт готовившегося дворцового переворота, то в ряде работ более позднего периода оно преподносилось в качестве попытки спасения в первую очередь самой царской семьи и отмечалась неспособность буржуазии взять власть в свои руки⁸⁰. Критикуя отождествление буржуазии с царизмом, А. Я. Аврех отмечал, что Ленин под «верхами» имел в виду политически господствующий класс, в то время как до февраля 1917 г. у российской буржуазии подобного статуса не было, на основании чего историк предлагал разделять понятие «верхи» в узком (непосредственно правящий слой) и широком (правящий класс) смыслах и, говоря о складывающейся революционной ситуации, предпочитал не относить к верхам буржуазию накануне второй российской революции⁸¹.

Не меньшие трудности возникают при определении «низов». Например, с классовой принадлежностью «рабочей аристократии», представители которой явно не выказывали сочувствия революционным лозунгам, вследствие чего были названы Лениным «агентами буржуазии». Также не могут являться верифицируемыми критериями количественные показатели ленинского определения революционной ситуации в виде фраз «выше обычного» или «значительное повышение». Историческая наука не знает метрологического выражения того предела, после пересечения которого социальный протест выливается в революционные формы, кроме того, очевидно, что понятие обычного, нормы – относительно и изменчиво во времени.

Тем не менее более или менее верифицируемым признаком ленинской теории революционной ситуации оказывается третий объективный критерий – повышение активности масс, что может быть измерено с помощью данных о численности рабочих забастовок и соотношении экономических и политических стачек. Вместе с тем Ленин, отталкиваясь от имевшихся в его распоряжении данных о семнадцатикратном росте протестной активности рабочих в 1912 г. по сравнению с 1910 г., а также превосходящем количестве политических забастовок над экономическими, в резолюции Краковского совещания ЦК РСДРП, проходившего с 26 декабря 1912 г. по 1 января 1913 г., преждевременно констатировал начало революции в России: «Россия снова вступила в полосу открытой революционной борьбы масс. Новая революция, начало которой мы переживаем, является неизбежным результатом банкротства третьеиюньской политики царизма»⁸². Вероятно, именно эта допущенная ошибка, в которой Ленин выдал желаемое за действительное, заставила его в будущем делать более осторожные прогнозы. Так, в 1915 г. признавая складывание революционной ситуации в 1914–1915 гг., он задавался вопросом: «Долго ли продержится и насколько еще обострится эта ситуация? Приведет ли она к революции? Этого мы не знаем, и никто не может знать этого. Это покажет

⁷⁷ Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX веков. М., 1924. С. 201.

⁷⁸ История Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1935.

⁷⁹ См.: Черменский Е. Д. Россия в период империалистической войны. Вторая революция в России. (1914 – март 1917). М., 1954; Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967, и др.

⁸⁰ См.: Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985.

⁸¹ Аврех А. Я. О некоторых вопросах революционной ситуации // Вопросы истории КПСС. 1966. № 5. С. 40.

⁸² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 258.

только опыт развития революционных настроений и перехода к революционным действиям передового класса, пролетариата»⁸³. Выступая в Цюрихе 9 января 1917 г. перед социалистической молодежью, Ленин сделал еще более пессимистический прогноз: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции»⁸⁴.

В теории революционной ситуации выявляется противоречие, когда она сталкивается с конкретно-фактическим материалом: подъем забастовочного движения, который в мае – июле 1914 г. был выше уровня января 1905 г. и, по отдельным показателям, выше января – февраля 1917 г., не приводит к революции и, согласно логике ленинской теории, свидетельствует о недостаточной степени революционизации рабочего класса. Тем самым единственные верифицируемые количественные показатели в теории революционной ситуации растворяются в субъективных оценках «способности революционного класса на революционные массовые действия» и вызывают новые вопросы, в частности каким образом пролетариат, проявивший революционную способность в 1905 г. и получивший необходимый практический опыт, утратил все это в 1914 г.

Попытка некоторого вуалирования противоречий ленинской теории была предпринята в 1960-х гг. А. Я. Аврехом, писавшим о двух типах революционной ситуации – общей и непосредственной⁸⁵. Аврех признавал, что сам Ленин об общей и непосредственно-революционной ситуации не упоминал, однако предпринял попытку отождествления употребленного им в статье «Крах II Интернационала» термина «объективная революционная ситуация» с понятием «общая революционная ситуация», чем допустил определенную натяжку, так как если общая ситуация противопоставляется частной, т. е. непосредственной, то объективную ситуацию следует противопоставлять субъективной. В то же время Ленин употреблял понятие не «субъективная революционная ситуация», а «субъективный признак революционной ситуации»; это говорит о том, что Аврех отождествил частный признак явления с самим явлением, что представляется неверным. Кроме того, данная концепция, смещающая акценты с частных признаков на общую характеристику, по-прежнему не решает отмеченные проблемы верификации.

Вместе с тем примечательно, что Аврех не являлся автором гипотезы о двух типах революционной ситуации. Историк ссылался на тезисы XIV партконференции РКП(б), прошедшей в апреле 1925 г., по понятным причинам, не называя фамилии докладчика, разработавшего данную концепцию, – Г. Е. Зиновьева, до реабилитации которого в момент выхода статьи Авреха оставалось еще 22 года. «Я думаю, что надо различать три вещи, – говорил Зиновьев на партконференции. – 1) Революционную ситуацию вообще, 2) непосредственно-революционную ситуацию и 3) прямую революцию»⁸⁶. Однако Зиновьев разработал и озвучил данную концепцию исходя из прагматичных задач партии и возглавляемого им Коминтерна: необходимо было примирить тезис о социально-экономической стабилизации середины 1920-х гг. в Европе и СССР с курсом на мировую революцию и выработать соответствующую стратегию. Так, Зиновьев заявлял: «Надо признать, что в такой стране, как Германия, которая в 1923 г. стояла в центре событий, непосредственно-революционной ситуации нет, но общая революционная ситуация, общая, как и во всей Европе, несомненно, осталась; она обостряется в мировом масштабе медленно, но неуклонно – через Восток, через колониальный вопрос, через Юго-Восток. Это нужно учитывать и не терять революционной перспективы»⁸⁷.

Применительно к рассматриваемому нами периоду следует отметить, что на основании выступления Зиновьева партконференция постановила время с 1908 по 1915 г. включительно

⁸³ Там же. Т. 26. С. 221.

⁸⁴ Там же. Т. 30. С. 328.

⁸⁵ Аврех А. Я. О некоторых вопросах революционной ситуации // Вопросы истории КПСС. 1966. № 5. С. 30–44.

⁸⁶ Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.; Л., 1925. С. 231–232.

⁸⁷ Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии... С. 234.

считать общей революционной ситуацией, а 1916 г. – непосредственной. Открытое выступление Зиновьева против Сталина на XIV съезде ВКП(б) и последующий разгром «ленинградской оппозиции» предопределили дальнейшую судьбу как самого автора, так и его концепции, изъятая из официальной истории (что, в частности, видно по отредактированному самим Сталиным Краткому курсу Истории ВКП(б)), пока она не была реанимирована Аврехом в 1960-е гг. Вместе с тем слабость концепции двух революционных ситуаций состоит в том, что, по сути, любой период, в котором обнаруживается хоть какая-то степень недовольства низов, можно подогнать под определение общей революционной ситуации. Повторяя вслед за Зиновьевым тезис о том, что общая революционная ситуация способна сохраняться даже в период реакции, Аврех заявлял, что все начало XX в. в России вплоть до 1916 г. являлось одной сплошной общей революционной ситуацией (исключая лишь период 1905–1907 гг. – период «прямой революции»), что представляется упрощением проблемы и попыткой уклонения от разрешения внутренних противоречий ленинской теории⁸⁸.

Неопределенность употреблявшихся Лениным терминов спровоцировала возникновение дискуссии по вопросу соотношения таких понятий, как «революционная ситуация» и «общенациональный кризис», что в итоге привело к отказу от рассмотрения июльских событий 1914 г. в качестве революционной ситуации в пользу 1915 и даже конца 1916 г.⁸⁹, а протест лета 1914 г. стал называться всего лишь «грандиозной забастовкой»⁹⁰. В 1998 г. С. В. Тютюкин высказался более определенно: «Было бы преувеличением считать, что в канун войны, летом 1914 г., Россия вновь стояла на пороге революции»⁹¹. По большому счету вывод Тютюкина лишь констатировал неспособность решения данного вопроса в рамках господствовавшей теории.

⁸⁸ Аврех А. Я. О некоторых вопросах... С. 38.

⁸⁹ См.: Первая мировая война. 1914–1918. Сб. статей / Ред. А. Л. Сидоров. М., 1968; Лаврин В. А. Возникновение революционной ситуации в России в годы Первой мировой войны. М., 1984; Нарастание революционного кризиса в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). Межвузовский сборник научных трудов. Л., 1987.

⁹⁰ Тютюкин С. В. Война, мир, революция. Идеиная борьба в рабочем движении России 1914–1917 гг. М., 1972. С. 14.

⁹¹ Тютюкин С. В. Первая мировая война и революционный процесс в России (роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 241.

Формы рабочего протеста: парадоксы целерационального и аффективно-эмоционального социального действия

Отмеченные парадоксы революционной ситуации легко разрешаются в случае, если мы отказываемся от теории классово-сознательной, рационально-политической детерминированности революции. В конце концов именно высокие требования к политической сознательности пролетариата сыграли с Лениным злую шутку, не позволив ему вовремя распознать в февральских событиях 1917 г. начинающуюся революцию. Дать верную оценку январско-февральским дням ему помешало то же, что имело место и в июле 1914 г., а именно – преобладание стихийных процессов над организованными. Надо сказать, что эти обстоятельства ввели в заблуждение многих профессиональных революционеров-современников. В феврале 1917 г. в Петрограде царил хаос: разгоравшееся в хлебных «хвостах» возмущение обывателей приводило к разгрому лавок, мука и хлеб при этом уничтожались, разбрасывались по улице. Помимо хлебных и мясных лавок, громили ювелирные магазины, а освобождению первых перешедших на сторону восставших солдат-павловцев из Петропавловской крепости предшествовал разгром толпой спиртоочистительного завода на Александровском проспекте.

Помимо безусловно присутствующих в нем политических мотивов, играющих мотивационную роль, революционный энтузиазм имеет и психофизическую природу, обеспечивающую движительные функции, связанную с определенными изменениями индивидуального и коллективного сознания, ломающую привычные поведенческие практики обывателей, изменяющую их представления о структурах повседневности и их значении (понижение значимости традиционных форм повседневной жизни и возрастание роли новой революционной реальности), в силу чего в действиях значительной части общества начинают проявляться признаки архаичного бунтарства. В. П. Булдаков на материале 1917 г. убедительно показал скрытую, психофизиологическую природу революции, имевшую явные признаки психопатологии⁹². В современной историографии революции 1917 г. – в исследованиях Ц. Хасегавы, В. И. Мусаева и некоторых других авторов – отмечается разгул преступности под революционными лозунгами. Хулиганские формы поведения, стихийно вспыхивавшие акты насилия, порой основанные на слухах и фобиях, не позволяли идейным современникам июльских дней 1914 г. охарактеризовать переживаемый период в качестве революционной ситуации⁹³.

Примечательно, что если в среде социал-демократов и последующих марксистских историков стихийные акции протеста, выливавшиеся в криминальные формы, не рассматривались в качестве революционных актов, то либеральная научная общественность, наоборот, усматривала в этом истинную физиономию революции. Член ЦК октябристов А. А. Столыпин (брат убитого премьер-министра) писал в 1913 г. в статье о рабочих забастовках: «для таких не поддающихся учету и измерению величин, как настроение людской массы, должно существовать и другое, более тонкое мерило, чем мертвый язык статистики», относя к этому мерилу «запах революционной атмосферы» – «политический психоз»⁹⁴.

На самой заре формирования социологии и психологии как самостоятельных научных дисциплин начинает развиваться и такое смежное направление, как психология толпы или масс. Изучению особенностей поведения индивидов в толпе и формам активности больших

⁹² См.: Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Он же. Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2011.

⁹³ См.: Мусаев В. И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001; Hasegawa Ts. Crime and Punishment in the Russian Revolution. Mob Justice and Police in Petrograd. Harvard University Press, 2017; Аксенов В. Б. Слухи и страхи петроградцев и москвичей в 1917 году // Социальная история: Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 163–200.

⁹⁴ Новое время. 1913. 28 сентября.

уличных масс посвящали работы Г. Лебон, Г. Тард, Н. Михайловский, Х. Ортега-и-Гассет, З. Фрейд, Э. Дюркгейм и др.⁹⁵ Отмечая высокую степень подражательности и превалирование эмоционального восприятия событий над рационально-логическим, ученые констатировали стихийность и иррациональность действий толпы. Эти же вопросы привлекали внимание психиатров. Один из основоположников русской психиатрии В. Х. Кандинский еще в 1880-х гг. писал о феномене психических эпидемий, распространение которых объяснял «душевной контагиозностью» – инстинктом подражания, объяснявшего заразительность чувств и эмоций, – и в качестве примеров приводил массовые религиозные движения, а также революции: «В сфере побуждения и чувства значение способности человека приходит в унисон с другими людьми еще более велико. Вместо того, чтобы называть эту способность подражательностью, здесь приличнее употреблять термин душевная контагиозность... Заразительность настроения известна каждому. Веселое общество развлекает и грустно настроенного человека, наоборот, в кругу людей печальных и самый веселый человек настраивается на тоскливый лад»⁹⁶.

Если марксистско-ленинская теория рабочего движения кануна войны столкнулась с парадоксом, согласно которому революционный и, следовательно, классово-сознательный энтузиазм испарился с началом мировой войны (нежелание Ленина признать очевидные факты патриотических настроений в рабочей среде, вероятно, является попыткой избежать логического противоречия), то этот парадокс легко разрешается в рамках социально-психологического подхода, обнаруживающего сходство антиправительственных и проправительственных акций протеста в июле 1914 г. Теория психологии толпы отмечает функционирование толпы в качестве специфического социально-психологического организма, которому, в силу преобладания эмоционального восприятия над рассудочно-логическим, свойственно впадать в различные крайности. Вместе с тем, согласно исследованиям социальных психологов, не в любой уличной акции протеста обнаруживается психология толпы. Последняя формируется в качестве черты массового сознания и, сохраняясь в коллективе некоторое время, определяет формы социального действия. Одним из ее признаков выступает способность разогнанной толпы тут же стихийно собираться в другом месте, что говорит о сильном эмоциональном возбуждении, не проходящем после первого столкновения с полицией. Примечательно, что обыватели весной – летом 1914 г. обращали внимание на эту особенность рабочих демонстраций. Так, например, хотя питерским рабочим 1 мая не удалось организовать общегородскую демонстрацию в центре города, полиция фиксировала, что как только где-то разгоняли мелкие манифестации, они тут же возникали неподалеку. То же самое впоследствии содержалось в полицейских донесениях о беспорядках февраля 1917 г.⁹⁷

Видный немецкий социолог, современник революционных потрясений России Макс Вебер еще в 1906 г. предсказал крах реализации марксистского варианта революции в России, отмечая низкий уровень политической грамотности россиян. Если Ленин в январе 1917 г. утверждал, что 1905 г. «окончательно похоронил патриархальную Россию»⁹⁸, то Вебер, наоборот, подчеркивал амбивалентность русской революции, обеспечивавшей ей быстрый переход в сторону реакции: «Аграрный коммунизм оказывается идеальной почвой, на которой происходит постоянное качание между идеей „творческого акта“ „сверху“ и „снизу“, между реакционной и революционной романтикой»⁹⁹. Примечательно, что между Вебером

⁹⁵ См.: Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995; Тард Г. Социальная логика. СПб., 1901; Сигеле С. Преступная толпа // Преступная толпа. М., 1998; Михайловский Н. К. Герои и толпа: В 2 т. М., 1999; Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. М., 1994; Московичи С. Век толп. М., 1998, и др.

⁹⁶ Кандинский В. Х. Общепонятные психологические этюды // Санкт-Петербургская психиатрическая больница св. Николая Чудотворца. К 140-летию. Том III. В. Х. Кандинский. СПб., 2012. С. 111–112.

⁹⁷ ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 74. Л. 5 – 14 об.

⁹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 314.

⁹⁹ Вебер М. К положению буржуазной демократии в России // Политическая наука. Россия: опыт революций и современ-

и Лениным тянулась заочная полемика с 1906 г.: тогда Вебер назвал подготовленное «группой Ленина» декабрьское вооруженное восстание в Москве 1905 г. «бессмысленным путчем», Ленин впоследствии, в свойственной ему высокомерно-пренебрежительной манере общения с оппонентами, поставил под сомнение профессиональные качества ученого: «В немецкой так называемой „научной“ литературе господин профессор Макс Вебер в своей большой работе о политическом развитии России назвал московское восстание „путчем“... Суждение буржуазной „науки“ о декабрьском восстании не только нелепо, оно является словесной уверткой представителей трусливой буржуазии, которая видит в пролетариате своего опаснейшего классового врага»¹⁰⁰.

Отгалкиваясь от теории психологии толпы, М. Вебер разработал теорию социального действия, в котором выделил несколько форм исходя из возможной мотивации участников: целерациональное; ценностно-рациональное; аффективно-эмоциональное; традиционное. С точки зрения ленинской теории подлинно революционным действием может быть лишь то, которое укладывается в рамки целерационального, т. е. характеризуется высоким уровнем политической сознательности индивидов, однако сам Вебер отмечал условность границ между этими формами, определяемую тем, что мотивация участия индивида в том или ином событии может быть связана как с рационально осознанными целями, так и с неосознанным подражанием на основе эмоционального восприятия событий: «Причина недостаточной четкости границ объясняется в данном, как и в других случаях, тем, что ориентация на поведение других и смысл собственного действия далеко не всегда могут быть однозначно установлены или даже осознаны, а еще реже – осознаны полностью. Уже по одному этому далеко не всегда можно уверенно разграничить простое „влияние“ и осмысленную „ориентацию“»¹⁰¹. Стихийные формы революционной активности как в 1914-м, так и в 1917 г., выражавшиеся в аполитичных хулиганских акциях, таким образом, относятся к аффективному типу социального действия.

Социальное действие активных участников партийной жизни, как правило, целерационально, однако участие тех индивидов, которые подверглись агитации со стороны профессиональных революционеров, оказывается подвержено аффектам. Тем самым в революционной ситуации всегда обнаруживается несколько пластов поведения: и сознательно-политический, и эмоционально-аффективный. Имея в виду эту особенность, можно разрешить и следующее противоречие: угасание революционного энтузиазма в июле – августе 1914 г. В действительности, с точки зрения массовой психологии и теории социального действия принципиальной разницы между революционными демонстрациями начала июля и патриотическими акциями второй половины июля 1914 г. не было (тем более, если иметь в виду перетекание патриотических манифестаций в погром немецкого посольства и иностранных магазинов 22 июля 1914 г.). По форме они соответствовали друг другу.

Тем не менее с 1912 г. планомерно росло рабочее забастовочное движение. В результате постепенной революционизации пролетариев уже первая половина 1914 г. дала в масштабе России большее количество стачек, чем весь 1905 г. В забастовках участвовало около полутора миллионов человек, причем 80% стачек носили политический характер (при том что разделение стачек на политические и экономические носит условный характер, следует отметить, что о политизации забастовок говорили и современники, это же отмечалось в статистических сведениях, собиравшихся санкт-петербургским Обществом заводчиков и фабрикантов). А. Г. Шляпников отмечал усилившуюся психологическую напряженность и нервозность в рабочей среде: «Атмосфера весной 1914 года в фабрично-заводских районах была напряжена до крайности. Все конфликты, от малого и до великого, независимо от их происхожде-

ность. М., 1998. С. 5–121.

¹⁰⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 325.

¹⁰¹ Вебер М. Основные социологические понятия // Западноевропейская социология XIX – начала XX века. М., 1996. С. 455–491.

ния, вызывали стачки протеста, демонстративные окончания работ за час до конца работ и т. п. Политические митинги, схватки с полицией были явлениями обыденными. Рабочие начали заводить знакомства и связи с солдатами близлежащих казарм. Велась революционная пропаганда и в лагерях. Весьма активная роль в этой пропаганде выпадала на долю женщин-работниц, ткачих и других текстильщиц»¹⁰².

В 1914 г. забастовочным движением были охвачены такие города, как Петербург, Москва, Киев, Баку, Варшава, Таганрог, Рига и др. Если, по данным петербургского Общества заводчиков и фабрикантов, в столице за весь 1913 г. произошли 624 забастовки, причем из них политическими было 59%, то только за июнь – июль 1914 г. в Петербурге было зафиксировано 337 забастовок, и уже 81% из них относился к политическим¹⁰³. Кроме того, общее число потерянных рабочих дней за 1913 г. составляло 1 132 324, тогда как лишь за июнь – июль 1914 г. – 1 020 039.

В масштабах всей России соотношение примерно такое же. Так, за весь 1913 г. количество потерянных рабочих дней составляло 3 868 257, в то время как в 1914 г. (фактически, за первые полгода, так как число забастовок после начала войны резко сократилось) – 5 755 072. Примечательно, что количество потерянных рабочих дней за революционный 1917 г. составило всего 3 822 656¹⁰⁴.

Ощущения надвигавшейся революционной бури достигали даже Сибири. Один из находившихся в окруженном болотами Нарыме политических ссыльных с горечью писал друзьям в июне 1914 г.: «Дело в том, что меня страшно мучает мое вынужденное бездействие. Теперь везде, везде в России страшное оживление, и вот когда мы, не складывавшие руки в самые мрачные времена, должны сидеть здесь молчаливыми наблюдателями, – то это страшно угнетает»¹⁰⁵.

В июле 1914 г. в Петербурге количество забастовок возросло более чем в три раза по сравнению с предыдущим месяцем¹⁰⁶. 4 июля в столице была расстреляна демонстрация Путиловских рабочих, выступивших в поддержку продолжавшейся с 28 мая забастовки Бакинских нефтяников. В итоге два человека были убиты и около пятидесяти ранены. Это вызвало широкий общественный резонанс, рабочие организации Москвы, Киева, Варшавы, Риги принимали резолюции и устраивали в поддержку путиловцев собственные акции протеста. Применение столичными властями оружия развязало руки рабочим и направило ход стачечной борьбы в русло событий 1905 г.: в Петербурге стали возводить баррикады, опрокидывая телеграфные столбы, переворачивая телеги и трамвайные вагоны, опутывая их проволокой, вступали в вооруженное противостояние с полицией и казаками. 7 июля баррикады из восьми опрокинутых вагонов конки возникли на Безбородкинском проспекте, а шестиэтажный дом по соседству превратился в своеобразную крепость, из которой рабочие вели прицельный обстрел полиции, срывая всяческие попытки штурма здания. 8 июля в городе прекратилось трамвайное движение, пошли массовые погромы магазинов, ресторанов, не прекращавшиеся даже по ночам¹⁰⁷. Петербуржец так описывал происходившее в письме от 10 июля 1914 г. своему московскому адресату: «Уведомляю тебя, что у нас на заводе началась забастовка. Сейчас у нас в Петербурге идет забастовка против расстрела Путиловских рабочих, трамвайное движение остановлено ввиду того, что рабочие разбили много вагонов, да и служащие боятся ехать, что теперь делается у нас в Петербурге близко к тому, что у вас было в Москве в 1905 году. Местами строятся

¹⁰² Шлятиков А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год: В 3 т. Т. 1: Канун семнадцатого года. М., 1992. С. 40.

¹⁰³ РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 669. Л. 12, 77.

¹⁰⁴ Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934. С. 88.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 975. Л. 73.

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 669. Л. 77.

¹⁰⁷ Биржевые ведомости. Веч. вып. 1914. 4–14 июля.

баррикады и идет перестрелка с полицией и казаками. Есть убитые. Одно горе мало оружия. На Выборгской стороне рабочие нападают на полицию и избивают их ихним оружием. Одного околоточного его же шашкой изрубили, что будет дальше не знаем»¹⁰⁸.

Днем казаки в рабочих кварталах еще пытались поддерживать видимость порядка, однако с наступлением сумерек они покидали рабочие районы. Находившийся в те дни под видом иностранного рабочего в Петербурге А. Г. Шляпников вспоминал, как при попытке пройти в свой район он был остановлен казаками, которые, увидев перед собой «иностранца», стали отговаривать его от этой затеи, но при этом сами не решились его сопроводить до дома: «С наступлением сумерек полиция и казаки не решались углубляться в рабочие кварталы, и до глубокой ночи там слышались революционные напевы»¹⁰⁹.

Москва не сильно отставала от северной столицы: из-за начавшихся демонстраций в городе также почти прекратилось трамвайное движение, статистические данные которого могут являться косвенным свидетельством динамики социального протеста – резкий спад обычного уровня пассажирских перевозок, не вызванный техническими проблемами, обратно пропорционален численности пешеходов, сознательно или нет влияющих на протестную уличную активность. За 8–9 июля в Москве трамвайный пассажиропоток, в обычные июльские дни составлявший около 800 000 человек в день, в сумме сократился до 487 047 пассажиров за два дня, т. е. снизился более чем в три раза¹¹⁰. Помимо Петербурга и Москвы, протестное движение было поддержано рабочими и студентами Киева, Варшавы, Риги, Баку и других крупных городов Российской империи.

Сравнение с революцией 1905 г. часто встречается в перлюстрированных письмах современников. «Революция стучится в дверь», – написал петербургский рабочий Иван, а варшавский обыватель, отмечая, что столичные события эхом откликнулись и в Польше, с нетерпением ждал будущего, полагая: «оно принесет нам кое-что...»¹¹¹. Даже житель французского Гренобля делился с адресатом в Казанской губернии настроениями в Европе: «Говорят, в России готовятся к революции»¹¹². Более осторожные в оценках свидетели тех дней предпочитали говорить если не о революции, то о переходе некоего Рубикона, после которого возврат к прошлому представлялся уже невозможным: «Это не революция, до революции еще далеко, но это грозный симптом. *Alea jacta est* (Жребий брошен. – В. А.)»¹¹³.

13 июля градоначальник Петербурга князь А. Н. Оболенский ввел запрет на проведение митингов в столице. Однако эта мера, совершенно неожиданно, оказалась вредной для самих властей, так как с началом 17 июля частичной мобилизации революционная риторика уличных митингов стала приобретать патриотический характер, что позволило пустить революционный энтузиазм масс в выгодное для правительства русло.

Вместе с тем не стоит переоценивать сознательность рабочих акций протеста. Даже революционно настроенные современники с горечью констатировали, что местами рабочие беспорядки обретали форму банального пьяного хулиганства. В этом взгляды некоторых социалистов и консерваторов на природу событий июльских дней совпадали. В «Новом времени» вышла статья под заголовком «В тине революционного хулиганства», в которой обращалось внимание как на стихийную природу бунта, так и на организационную¹¹⁴. Если переворачивание трамваев с целью постройки баррикад можно было отнести на счет сознательной революционной активности, то начавшаяся волна погромов торговых заведений ей противоречила.

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 975. Л. 64.

¹⁰⁹ Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. С. 43.

¹¹⁰ Подсчитано по: Ежемесячный статистический бюллетень по г. Москве. 1914. № 7.

¹¹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 975. Л. 75 об., 80.

¹¹² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 10.

¹¹³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 975. Л. 65.

¹¹⁴ Новое время. 1914. 11 июля.

Так, например, 7 июля толпа рабочих в количестве около 3000 человек подошла к ресторану «Выборг» и перебила в нем стекла; ночью 10 июля были разбиты все фонари на Забалканском проспекте; та же толпа громила попадавшиеся на пути магазины, рестораны и пивные¹¹⁵. 11 июля большая толпа рабочих разгромила трактир «Бережки». Разбив все оконные рамы, она перешла к расположенному поблизости трактиру «Яр», где также начался разгром. Лишь подоспевшие казаки, пустив в ход нагайки, прекратили дальнейшее уничтожение трактиров и пивных лавок. Концентрация фактов столкновений рабочих и полиции рядом с местами продажи алкогольной продукции не кажется случайной. В рамках борьбы с подобными формами протестной активности рабочих власти столицы пошли на закрытие всех питейных заведений в городе¹¹⁶. Петербуржцы писали в частных письмах накануне войны: «У нас в Петербурге разыгралась даже не забастовка, а прямо хулиганская оргия, которая окончательно вооружила против себя всех благоразумных людей»; «В Петербурге – гнусные времена. На три четверти все манифестации хулиганские, а что еще хуже, так это заражение рабочей среды националистическим духом»; «Тебя интересуют наши июльские дни. Разочаруйся, голубчик, они прошли до нельзя отвратительно. Вещи идейные нельзя переплетать с хулиганскими выходками, а это последнее в наших июльских днях и преобладало»¹¹⁷.

Многие современники по инерции отказывались признавать революционный характер событий на том основании, что ни участники беспорядков, ни сторонние наблюдатели не видели внятных политических лозунгов, целей протестов, логики действий. З. Н. Гиппиус тем не менее была поражена их иррациональностью, она была склонна усматривать некую скрытую, мистическую силу, которой подчинялась толпа: «Меня, в предпоследние дни, поражали петербургские беспорядки. Я не была в городе, но к нам на дачу приезжали самые разнообразные люди и рассказывали, очень подробно, сочувственно... Однако я ровно ничего не понимала, и чувствовалось, что рассказывающий тоже ничего не понимает. И даже было ясно, что сами волнующиеся рабочие ничего не понимают, хотя разбивают вагоны трамвая, останавливают движение, идет стрельба, скачут казаки. Выступление без повода, без предлогов, без лозунгов, без смысла... Что за чепуха? Против французских гостей они, что ли? Ничуть. Ни один не мог объяснить, в чем дело. И чего он хочет. Точно они по чьему-то формальному приказу били эти вагоны. Интеллигенция только рот раскрывала – на нее это, как июльский снег на голову. Да и для всех подпольных революционных организаций, очевидно»¹¹⁸. В действительности именно с того момента, когда толпа выходит за границы рационального, и начинаются революции, в основе которых лежит мощный социальный взрыв, заставляющий рационально-организованное начало подчиняться стихийно-аффективному. Когда в феврале 1917 г. революция будет разгораться с хлебных беспорядков, Гиппиус точно так же по привычке станет отрицать их революционный характер: «Так как (до сих пор) никакой картины организованного выступления не наблюдается, то очень похоже, что это обыкновенный голодный бунтик, какие случаются и в Германии»¹¹⁹, – запишет поэтесса в дневнике 23 февраля 1917 г.

По сообщениям начальников губернских жандармских управлений, очень часто инициаторы забастовок описывались в политически нейтральных характеристиках как «хулиганистые молодые люди»¹²⁰. Довольно часто именно подростки проявляли повышенную инициативу и агрессию. Во время июльских забастовок недалеко от станции «Новая Деревня» Петербургской губернии толпа рабочих в количестве 2000 человек, большую часть которой, согласно

¹¹⁵ Биржевые ведомости. Веч. вып. 1914. 11 июля.

¹¹⁶ *Мещицкий Ив.* Революционное движение... С. 39–40.

¹¹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 975. Л. 99; Д. 976. Л. 1; Д. 967. Л. 111.

¹¹⁸ *Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893–1919. М., 2003. С. 155.

¹¹⁹ Там же. С. 206.

¹²⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 244. ДП-ОО. Д. 341л. Б 1. Л. 206 – 206 об.

докладной записке губернатора, составляли подростки, заблокировала движение двух пассажирских поездов¹²¹. Тем самым в рабочем протестном движении обнаруживается заряд пубертатного бунтарства.

Следует заметить, что в ряде случаев во время массовых выступлений рабочих полиция приходилось защищать их участников друг от друга: между разными артелями вспыхивали нешуточные споры, переходившие к выяснению отношений с помощью камней, арматуры и даже огнестрельного оружия. Так, петербургское Охранное отделение сообщало, что 5 мая 1914 г. в Выборгской части и на Охте произошел «выдающийся случай кровавого столкновения рабочих двух артелей каталей каменного угля»¹²². Предыстория «побоища» следующая: работавшая на Медно-прокатном и трубочном заводе артель каталей за частое хищение с завода металлических изделий была заменена другой артелью, причем последние, чтобы получить работу, снизили расценки на оплату своего труда. На этой почве между двумя группами рабочих возникла неприязнь. 5 мая рабочие уволенной артели решили побить одного из членов второй артели, но он успел от них скрыться. В свою очередь его товарищи, узнав об этом, подстерegli и побили зачинщика из первой артели. По окончании работ катали первой артели, желая отомстить за нанесенную своему товарищу обиду, на углу Тимофеевской улицы и Полюстровской набережной вступили в драку с каталями второй артели, возвращавшимися на квартиры на Охту. Провожавший своих рабочих подрядчик Христофор Разсенис в целях самообороны произвел выстрел из револьвера в воздух, и в то же время к месту происшествия подоспел наряд городских, и нападавшие разбежались. Затем, когда рабочие первой артели, которых было около шестидесяти, прошли с версту, на них снова напала толпа рабочих второй артели – их было несколько сотен. Последовала общая свалка, в ход пошли камни. Побоище прекратилось по прибытии на место наряда полиции. Трое рабочих первой артели были направлены в больницу, получив тяжкие, но не угрожающие жизни травмы. Следует заметить, что и во время проведения политических демонстраций рабочие, бывало, наносили друг другу ножевые ранения.

В историографии нередко преувеличивалась степень противостояния рабочих и полиции. Эти две силы рассматривались как антагонистические. Не касаясь темы сотрудничества рабочих с полицией, а также неформального общения околоточных и городских с проживающим в их районах населением, обратим внимание на конфликтные столкновения представителей двух сил во время массовых акций. Если внимательно почитать отчеты департамента полиции, то окажется, что толпе бунтующих рабочих в количестве несколько сотен человек, как правило, противостояли 3–4 полицейских чина. Так, например, во время массового протеста 9 июля в 11 часов утра из села Рыбацкое Санкт-Петербургской губернии по направлению к Усть-Славянке вышла толпа рабочих Обуховского завода в количестве около 500 человек. Протестующие несли красный флаг и пели революционные песни – этого было достаточно, чтобы записать демонстрацию в разряд политических. Целью манифестантов было снять рабочих механического завода Шульца и лесопильного Лебедева в Усть-Полянке, но при переходе через реку Славянку рабочие были встречены урядником Кондратенко с тремя конными стражниками. Урядник не только отобрал у рабочих флаг, но и арестовал троих наиболее активных¹²³. Толпа в 500 человек не пыталась оказать сопротивление четырем стражам порядка и защитить революционное знамя и своих товарищей. Того же числа в Дубовой Роще императора Петра Великого в «Дубках» собралась толпа в 300 человек. Рабочие были вооружены, стреляли в воздух, однако при приближении полиции все разошлись¹²⁴.

¹²¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 61, ч. 2. л. Б. Л. 12 – 12 об.

¹²² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 108, ч. 61 л. А. Л. 19 об.

¹²³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 61, ч. 2. л. Б. Л. 12 – 12 об.

¹²⁴ Там же. Л. 14 – 14 об.

Тем не менее толпе не свойственно рациональное поведение. Она подчиняется эмоциям, поэтому, когда в ней присутствуют истеричные молодые люди, подростки, толпа становится агрессивной и склонной к насилию. Так, 19 марта в Петрограде происходили забастовки, связанные с массовым отравлением женщин-работниц т-ва «Треугольник». На Большой Зелениной улице собралась толпа в 300 человек и с пением «Вставай, подымайся» направилась к Большому проспекту. На углу Колпинской улицы и Малого проспекта дорогу ей перегородил постовой, городской 2-го участка Петербургской части Самкович, потребовавший прекратить пение. Самкович позвал себе на подмогу нескольких дворников. Толпа подчинилась, и городской арестовал ее «руководителя» – 18-летнего крестьянина Ивана Федорова. Однако когда дворники захотели увести молодого человека, тот стал вырываться, кричать и просить помощи у толпы: «Товарищи, выручайте!» Только после этого рабочие набросились на городского, повалили его на мостовую и стали избивать. Лежа на земле, Самкович смог вынуть револьвер и трижды выстрелить в толпу. Рабочие разбежались. Двое, включая Федорова, оказались ранены¹²⁵. Следует заметить, что в периоды более сильного эмоционального напряжения, как, например, в феврале 1917 г., пытавшихся стрелять городских толпа убивала на месте, в лучшем случае – отбирала оружие и избивала. При этом надо учесть, что к 1917 г. образ полицейского в глазах народа претерпел одно принципиальное изменение, вызывавшее негативные эмоции: к нему стали относиться как к предателю, уклоняющемуся от воинской повинности. Также стоит отметить, что после начала войны роль эмоционального катализатора в толпе вместо подростков чаще начинали играть женщины, что накладывало свои особенности на поведение демонстрантов.

В некоторых случаях большее возмущение рабочих вызывали действия не полицейских, выполнявших свои профессиональные обязанности, а дворников. Так, 22 марта на Петергофском шоссе в сторону Путиловского завода двигалась толпа с пением революционных песен. И в этом случае городской разогнал манифестантов с помощью дворников соседних домов. При этом один из рабочих выплеснул свой гнев именно на дворника – ударил его напильником, нанеся колотое проникающее ранение¹²⁶.

Учитывая низкую степень политической сознательности рабочих, не приходится удивляться тому, что определенную роль в динамике массовых выступлений играли стихийные факторы: технологические аварии или погодные условия. Так, говоря о массовости демонстрации 4 апреля, посвященной годовщине Ленского расстрела и в знак протеста против локаута 20 марта, необходимо принимать во внимание, что из-за аварии на электростанции в ночь с 3 на 4 апреля в Петербурге остановилась почти половина трамваев, вследствие чего горожанам пришлось добираться до работы пешком, вынужденно пополняя численность вышедших на улицу манифестантов¹²⁷. Также стоит отметить зависимость проведения городских демонстраций от погодных факторов. После протестных акций 4 апреля на повестке встало проведение первомайской общегородской демонстрации на Невском проспекте и ряда районных демонстраций на окраинах, но если 1 мая на фабриках и заводах рабочие смогли отметить праздник, то из-за дождя, шедшего с ночи до полудня, городские манифестации провалились: «Вчера, 1 мая, вопреки всем тревожным ожиданиям, день прошел удивительно спокойно. Все сделал сильный дождь, который начался еще ночью и непрерывно лил до двенадцати часов вчерашнего дня»¹²⁸. Одна революционно настроенная жительница Петербурга, праздновавшая 1 мая, в письме своему знакомому в Енисейскую губернию рисовала картину всеобщей рабочей забастовки, в которой приняло участие свыше 250 000 человек, но при этом сокруша-

¹²⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 108, ч. 61. л. А. Л. 12 об. – 13.

¹²⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 4, ч. 3. л. А. Л. 15 – 15 об.

¹²⁷ Петербургский листок. 1914. 4 апреля.

¹²⁸ Петербургский листок. 1914. 2 мая.

лась, что «забастовки прошли везде и всюду очень энергично, но только по случаю дождя не было демонстраций, хотя и были, но слишком мелки»¹²⁹. Незначительная часть «сознательных рабочих» вечером все же выбралась в город, где у них произошло столкновение с полицией, в котором сложно обнаружить революционный мотив. Около 7 часов вечера на углу Большого Сампсониевского проспекта под трамвай попала пятилетняя дочь столяра. Хотя девочка осталась жива, прибывшим чинам полиции не удалось самостоятельно извлечь ее из-под трамвая, в результате чего было принято решение дожидаться техпомощи с домкратами. Тем временем на проспекте собралась толпа рабочих, в которой было много пьяных по случаю праздника. В произошедшем обвинили полицейских и принялись забрасывать их камнями. Когда прибыл поезд с домкратом, рабочие забросали и его, ранив машиниста. Для прекращения беспорядков были вызваны отряды конной полиции. 10 человек были арестованы¹³⁰.

Следует отметить, что впоследствии сами революционеры признавали недостаток организованности рабочего движения и некоторый фактор стихийности в его развитии. А. Г. Шляпников так описывал рабочую среду весной 1914 г.: «Чувствовалось, что рабочие индивидуально значительно выросли. Однако отсутствие профессионального объединения давало себя знать. Внутренние, не писанные, а действительные порядки в мастерских были чрезвычайно разнообразны, менялись не только от одного завода к другому, но были неодинаковы даже между цехами одного и того же завода... Опыта в повседневной упорной борьбе было мало, профессиональные союзы были слишком слабы и жили под угрозой закрытия, а поэтому и не могли воспитать и дисциплинировать профессиональную борьбу рабочих масс»¹³¹.

В июльские дни питерские рабочие выказывали недовольство тем, что их товарищи из Кронштадта не поддерживали забастовочное движение. Агент охраны передавал, что было решено в будущем чаще высылать в Кронштадт пропагандистов¹³². Примечательно, что в самом Кронштадте среди рабочих 20 июля распространился слух, что «происходившие за последние дни рабочие забастовки в Санкт-Петербурге и в других городах были организованы немцами, которыми для этой цели были затрачены значительные денежные суммы»¹³³. Впрочем, вероятнее всего, распространение подобных слухов было делом рук правых партий. Революционная и охранительная пропаганда часто использовали общие методы борьбы, по-разному интерпретируя одни и те же события. Так, например, в марте 1914 г. на резиновой фабрике «Треугольник» отравились женщины-работницы. Прошли массовые акции протеста против администрации, к которым присоединились рабочие табачного, бумагопрядильного и металлургического производства, требовавшие улучшения условий труда. Ситуация широко освещалась в западной социалистической прессе, где выходили статьи под заголовками «Царизм травит русских рабочих»¹³⁴. В результате было проведено официальное расследование, которое подтвердило факт отравлений, однако черносотенные авторы заявили, что «отравления среди рабочих – дело рук шайки революционеров-отравителей»¹³⁵. Осенью 1914 г., во время расцвета шпиономании, газеты распространяли слух о том, что во всем виноват служащий фабрики «Треугольник» немец-химик Келлер – у него дома якобы нашли переписку на немецком языке, в которой речь шла об удушающих газах¹³⁶.

Революционеры-современники не строили иллюзий относительно классовой сознательности рабочих, признавая, что даже питерские рабочие-металлисты, считавшиеся наибо-

¹²⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 244. ДП-ОО. Д. 101–Б. Л. 2.

¹³⁰ Петербургский листок. 1914. 2 мая.

¹³¹ Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. С. 35–37.

¹³² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 244. ДП-ОО. Д. 341 л. Б1. Л. 141.

¹³³ Там же. Л. 147.

¹³⁴ Там же. Л. 67.

¹³⁵ Там же. Л. 68.

¹³⁶ Минская газета-копейка. 1914. 6 сентября.

лее революционизированными, не отличались развитой профессиональной солидарностью¹³⁷. Чтобы собрать рабочих на митинг, иногда приходилось прибегать к хитростям: так, например, когда после окончания смены рабочие устремлялись из своих цехов во двор предприятия, несколько партийных «товарищей» блокировали выход, создавали в дверях «пробку», и прежде чем по вызову администрации прибывала полиция, успевал выступить оратор и рабочие выносили свое «решение».

Основная масса рабочих достаточно добродушно относилась к партийным товарищам, нередко на словах поддерживая их инициативы, не вдаваясь в нюансы политической программы. После продолжительного рабочего дня участие в спонтанном митинге казалось забавой, способом психологической релаксации. 3 июля 1914 г. во дворе Путиловского завода кто-то из рабочих запел «Похоронный марш» («Вы жертвою пали»), другие тут же подхватили. Исполнили почти весь репертуар рабочих революционных песен, пока не прибыла полиция и не начались задержания. Всего было арестовано 65 человек¹³⁸. По местам их проживания прошли обыски, однако в ряде случаев никакой компрометирующей литературы найдено не было. Из показаний следовало, что некоторые рабочие случайно оказались во дворе завода, плохо понимали, что происходит, но, очевидно, поддавшись всеобщему настроению, наступившей эйфории от коллективного исполнения знакомых песен, остались на импровизированном митинге. Пение песен объединяло людей на эмоциональном уровне, однако политическая подоплека репертуара формально способствовала их революционной идентификации. Любопытное наблюдение можно сделать на основе письма из Самары, где 14 июля прошла рабочая манифестация: первоначально по Дворянской улице рабочие ходили маленькими группами, но когда раздались слова «Похоронного марша», они тут же объединились в толпу в 400 человек и двинулись в сторону Саратовской. Прибывшие конные городские без труда разогнали манифестантов¹³⁹. Эти примеры показывают, как эмоциональное состояние собравшихся, возникшее благодаря коллективному пению, становилось стержнем массового социального действия.

Говоря о соотношении политического и экономического, организованного и стихийного в рабочем движении, необходимо затронуть еще одну проблему, сравнительно недавно поставленную в историографии, – проблему нравственно-этической мотивации социального протеста. Ю. И. Кирьянов, разбирая рабочие требования к заводской администрации, отдельно отмечает стремление рабочих к вежливому обращению: во время всеобщей забастовки 1903 г. в Киеве 71% рабочих требований касался повышения заработной платы, 68% – сокращения рабочего дня и 66% – вежливого обращения по отношению к себе¹⁴⁰. Исследователь в качестве общей черты ментальности высших, средних и низших категорий рабочих называет «потребность и стремление к материальному достатку, к обустроенной „человеческой“ культурной жизни, к защите своего достоинства, своих прав человека и рабочего»¹⁴¹. Н. В. Михайлов обращает внимание, что приехавшие в город молодые рабочие обладали таким маркером маргинальности, как грубость, однако по мере социализации, адаптации к новой субкультуре перенимали новые поведенческие практики, в частности становились вежливыми¹⁴².

Американский историк Леопольд Хаймсон также делает акцент не на политической, а на социальной мотивации рабочего протеста. Отталкиваясь от статьи Л. Клейнборта «Очерки о рабочей демократии» 1913 г., автор отмечает стремление рабочих к социализации в город-

¹³⁷ Шлятищев А. Г. Канун семнадцатого года. С. 40.

¹³⁸ ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 506. Л. 2–4.

¹³⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 244. ДП-ОО. Д. 341 л. Б1. Л. 175 – 175 об.

¹⁴⁰ Кирьянов Ю. И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX вв. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 – февраль 1917. СПб., 1997. С. 57.

¹⁴¹ Там же. С. 58–59.

¹⁴² Михайлов Н. В. Самоорганизация трудовых коллективов и психология российских рабочих в начале XX в. // Рабочие и интеллигенция... С. 152.

ском социуме. Рассуждая о революционном движении весны – лета 1914 г., Хаймсон говорит о бессмысленности вопроса, произошла бы в 1914 г. революция, если бы не война, и обращает внимание на то, что рабочие стачки первой половины 1914 г. «были направлены не только против политических представителей власти, но и являлись протестом против всех проявлений унижительного отношения к рабочим со стороны властей, администраций предприятий и даже представителей цензового общества»¹⁴³. Эти идеи развивает другой американский ученый – Марк Стейнберг. Рассматривая место универсальных категорий личности в представлении российского пролетариата, требование вежливого к себе обращения он считает не просто одним из требований рабочих, а обнаруживает в нем «глубинное этическое видение, через призму которого они рассматривали свою собственную общественную и политическую жизнь... Именно естественные права человека, а не партикулярные интересы класса, лежали в основе социальных представлений»¹⁴⁴. Возможно, Стейнберг несколько переоценивает глубину проникновения в массовое сознание рабочих категории естественных прав человека, вместе с тем представляется верным, что личностная самоидентификация городских рабочих отличалась от сельского населения.

Однако для более взвешенной оценки необходимо определить, во-первых, в чем именно заключались расхождения представлений о личности сельского и городского населения, во-вторых, понять, насколько сильно новый пролетариат был связан с крестьянскими традициями. Очевидно, ответ на первый вопрос подразумевает изучение общинного мышления крестьян, при этом исследователи субкультуры городских рабочих отмечают сохранность общинных структур в промышленной среде. Так, Н. В. Михайлов обращает внимание на то, что и в рабочих землячествах, и в коллективах промышленных предприятий сохранялся опыт общинной организации. Исследователь объясняет это с точки зрения психологии (стремление оказавшегося в городе крестьянина преодолеть психологический дискомфорт через воспроизведение привычного общинного уклада жизни) и демографии (ускоренная динамика урбанизации городов, не способствовавшая «выветриванию» из сознания новых рабочих традиционного мышления)¹⁴⁵. Заметим, что Стейнберг также указывает на традиционные элементы в массовом сознании пролетариата, в частности на сохранение сказочных образов, а также на сознательное использование социалистической пропагандой религиозной риторики, понятной простому народу¹⁴⁶.

Представляется вероятным, что на развитие в рабочей среде личностной самоидентификации и самоуважения повлиял переход от деревенской устной культуры к городской письменной. Чтение было в большей степени свойственно городской среде, в том числе рабочей, чем крестьянской. Приобщение к культуре печатного текста раздвигало мировоззренческие рамки бывших сельских жителей, заставляя по-новому смотреть на себя и на свое место в городском социуме. Симптоматичны в связи с этим известные размышления начитавшегося умных книжек обитателя ночлежки Сатина, персонажа пьесы М. Горького «На дне»: «Че-ло-век! Это – великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо!»

Нельзя утверждать, что проблема универсальных нравственно-этических категорий полностью отсутствовала в советской историографии. Хотя П. В. Волобуев и признал в 1997 г., что американские историки ушли вперед, так как их советские коллеги просто не имели возмож-

¹⁴³ Хаймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до февральской революции // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 18–19.

¹⁴⁴ Стейнберг М. Представление о «личности» в среде рабочих интеллигентов // Рабочие и интеллигенция... С. 96–97.

¹⁴⁵ Михайлов Н. В. Самоорганизация трудовых коллективов и психология российских рабочих в начале XX в... С. 150, 163.

¹⁴⁶ См.: Steinberg M. D. *Voices of Revolution*, 1917. New Heaven; London, 2001; Steinberg M. D. *Proletarian Imagination. Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910–1925*. Itaca; London, 2002.

ности братья за изучение новых тем¹⁴⁷, сам он в 1964 г. в монографии «Пролетариат и буржуазия в 1917 году» попытался выявить психологические характеристики «среднего русского кадрового пролетария»¹⁴⁸. В 1970-е гг. вопросы нравственного облика пролетариата поднимали Ю. И. Кирьянов и В. Ф. Шишкин¹⁴⁹. А. Я. Аврех писал о революционном характере рабочего протеста в 1913–1914 гг., но при этом обратил внимание, что стачка на заводе «Новый Лес-снер», длившаяся все лето 1913 г., произошла из-за самоубийства рабочего, ложно обвиненного мастером в воровстве. Рабочие не выдвинули никаких требований, кроме увольнения мастера-клеветника. Новолесснеровцев поддержали товарищи со «Старого Лесснера»¹⁵⁰. Тем не менее важно то, что факт совершения самоубийства рабочим переводит конфликт в психологическую плоскость и демонстрирует необходимость применения социально-психологического подхода для исследования форм рабочего протеста.

Вероятно, следует учесть, что реакции на нравственные категории имеют не только сознательный характер (насколько чувство собственного достоинства осознанно и принято за норму личностью), но и эмоциональный: протест рабочего могла вызвать не содержательная часть оскорбительного высказывания, а эмоциональная, та форма, в которую она была облечена. По крайней мере со стороны рабочих реакции, как правило, имели весьма яркую эмоциональную окраску. С этой точки зрения можно дополнить теорию «нравственного протеста» достижениями исторической эмоциологии¹⁵¹, в частности концепцией «эмоциональных сообществ»: городская среда предусматривала больший контроль за проявлением эмоций (более строгий эмоциональный режим), чем сельская, в результате чего столкновение двух режимов приводило к конфликтам разных эмоциональных сообществ. В современных исследованиях подчеркивается, что изучение экономических и политических проблем в качестве единственных источников межгрупповых конфликтов является грубой ошибкой, так как эмоциональные репрессии по отношению к тем или иным сообществам часто оказываются важными факторами ответной жестокости и насилия¹⁵².

Город накладывал отпечаток на поведение и мышление бывших крестьян. Предписывалось подавление эмоций: на улицах городов запрещалось шуметь, за чем следили стражи порядка, дворники; к собеседникам полагалось обращаться вежливо и т. п. Многие из этих правил были чужды крестьянской ментальности и вызывали в первое время конфликты. Вместе с тем более серьезной проблемой для рабочих было то, что требовавший от них вежливого обращения «город» сам не спешил придерживаться тех же правил по отношению к ним. Вчерашние крестьяне, прибывавшие в города, сталкивались с «тыканьем», грубостью, а иногда и физическим насилием со стороны полицейских чинов, дворников, заводской администрации.

Запрет на пение также можно рассмотреть в контексте эмоциональных конфликтов, ведь совместное публичное исполнение песен способствовало не только политической самоидентификации рабочих, но и эмоциональному единению. Вмешательство полиции и пресечение публичного пения означало подавление эмоциональных потребностей толпы, что порождало

¹⁴⁷ Волобуев П. В. Дискуссии // Рабочие и интеллигенция... С. 200–201.

¹⁴⁸ Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964.

¹⁴⁹ Кирьянов Ю. И. Об облике рабочего класса России // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 100–140; Шишкин В. Ф. 1917 год в нравственном развитии пролетариата // Там же. С. 242–255.

¹⁵⁰ Аврех А. Я. Царизм и IV Государственная дума (1912–1914). М., 1981. С. 98.

¹⁵¹ Stearns P. N., Stearns C. Z. Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // The American Historical Review. 1985. Vol. 90. № 4. P. 813–836; Elias N. The Civilizing Process. Oxford: Blackwell, 1994. P. 292; Reddy W. M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. New York: Cambridge University Press, 2001. XIV. 380 p.; Rosenwein B. H. Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca: Cornell University Press, 2006; Plamper J. The History of Emotions. An Introduction. Oxford University Press, 2015.

¹⁵² Scheff T. Repression of Emotion: A Danger to Modern Societies? // Emotions in Politics. The Affect Dimension in Political Tension. Palgrave Macmillan, 2013. P. 84.

негативную реакцию и конфликты с полицией. В силу определенных возрастных и психологических факторов пение запрещенных песен использовалось в качестве провокации, некоей демонстрации удачи. Заметим, что в крестьянской среде песня также рассматривалась как средство политической идентификации и эмоционального единения. Вологодский крестьянин И. Юров вспоминал, что в молодости мечтал познакомиться с «политическими», но пока это ему не удавалось, они с друзьями распевали революционные песни. В некоторых случаях пение носило хулиганско-провокационный характер. Так, оказавшись на празднике у своего родственника, где сидел подвыпивший урядник, Юров на просьбу урядника спеть что-нибудь затянул с товарищами «Отречемся от старого мира»: «Глотки у нас были молодые, и мы так гаркнули, что дрожали рамы... А рожа урядника черт-те на что и похоже была. Он так растерялся, что и после того, как мы кончили песню, еще долго не мог прийти в себя. Потом, очухавшись и даже как будто протрезвев, он начал нас упрашивать больше таких песен не петь. Я сказал: „Верно ребята... Давайте лучше другую“, – и начал: „Вихри враждебные веют над нами...“»¹⁵³ Следует отметить, что Юров и его друзья-крестьяне революционерами не были и политическими делами не занимались. Совместное пение выступало одним из ритуалов, широко распространенных в народной среде, но когда с помощью пения открывалась возможность пощекотать нервы представителю власти, молодежь легко меняла свой репертуар на политический. При этом исследователи обращают внимание на слияние в народном песенном творчестве политических произведений с тюремными и бродяжскими: в последние нередко встраивался революционно-пропагандистский дискурс¹⁵⁴. По подсчетам М. и Л. Джекобсонов на 1906–1914 гг. пришелся пик издания арестантского песенного фольклора¹⁵⁵. К началу Первой мировой войны пение стало важным фактором политической идентификации, но, говоря о ритуале политического пения рабочих, необходимо учитывать также и эмоционально-возрастной аспект.

Другим ритуалом, который пыталась нормировать полиция, были рабочие похороны. Естественные причины смерти не привлекали внимания больших масс пролетариев, а гибель рабочих от несчастных случаев на производстве, самоубийства, в которых усматривался социально-политический подтекст, и убийства при подавлении властями протестных акций вызывали в рабочей среде возмущение. В этих случаях устраивались массовые похоронные процессии, за которыми следовала полиция. Однако у властей были свои представления о ритуале рабочих похорон: кроме запрета на исполнение «Похоронного марша», «Вечной памяти», запрещалось декорировать гроб красными лентами, сопровождавшим процессию не разрешалось нести в руках траурные венки, не говоря уже о знаменах и транспарантах. 21 марта в Петербурге состоялись похороны рабочих, погибших 17 марта при взрыве паропроводных труб. Хоронили их по отдельности, и самая большая процессия сопровождала гроб с рабочим Романовым – первоначально попрощаться с однофамильцем царя пришло 500 человек, но по мере следования толпа увеличилась до 1000 человек, причем помимо рабочих в нее вливались и студенты. Полиция сопровождала процессию, пресекая попытки запеть «Вечную память» и снимая с гроба красные ленты, тем самым раздражая собравшихся¹⁵⁶. На кладбище была попытка произнести политическую речь, что также было пресечено представителями власти.

Современные эмоциологические концепции хорошо коррелируют с теорией М. Вебера, выделяющей аффективно-эмоциональный тип социального действия. Данный аспект представляется крайне важным для понимания природы революционного движения, так как выводит

¹⁵³ Юров И. История моей жизни. Рыбинск, 2017. С. 133–134.

¹⁵⁴ Лурье М. Политические и тюремные песни в начале XX века. Между пропагандой и фольклором // Русский политический фольклор. Исследования и публикации. М., 2013. С. 15.

¹⁵⁵ Джекобсон М., Джекобсон Л. Преступление и наказание в русском песенном фольклоре (до 1917). М., 2006. С. 14.

¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 4, ч. 3. л. А. Л. 12 – 12 об.

последнее из-под давления политического или экономического детерминизма и позволяет рассматривать его в более широком социокультурном контексте.

Дискуссии о феномене «патриотического настроения 1914 г.»: эмоции, идеи, патологии

Западная историография давно обратила внимание на феномен патриотических настроений 1914 г., захлестнувших с началом Первой мировой войны все страны-участницы¹⁵⁷. В Берлине, Париже, Лондоне проходили массовые патриотические манифестации. Исследователи отмечают, что в ряде случаев толпа демонстрировала признаки состояния аффекта, то впадая в эйфорию и проявляя верноподданнические настроения, то требуя расправы над врагами. Политические действия театрализовались, и это придавало манифестациям массовость. Д. Санборн, В. П. Булдаков пишут о праздничном, карнавальном эффекте патриотических манифестаций в июле 1914 г., которые не могли оставить равнодушными зрителей, привлекая случайных прохожих¹⁵⁸. Массовый патриотизм, как правило, преподносится как общеевропейская тенденция, характерная для всех стран-участниц. Возникают попытки определить, какая же страна сумела особенно отличиться на этой почве. Большинство отечественных исследователей соглашались с тем, что «летом 1914 г. в России не было того массового шовинистического психоза, который наблюдался на Западе» или что Россия «не достигла уровня немецкого организованного энтузиазма»¹⁵⁹. Вероятно, сказались, с одной стороны, неразвитость институтов гражданского общества, а с другой – страхи российских властей перед стихийными общественными движениями – еще не была забыта картина массового рабочего протеста начала июля. При этом В. П. Булдаков в качестве российской особенности отношения к войне справедливо отметил повышенную тягу к асоциальному поведению (пьяные бунты и погромы)¹⁶⁰. Заметим, что не случайно петербургский градоначальник в конце концов запретил проведение уличных патриотических манифестаций после того, как они все чаще начали приобретать черты хулиганских погромов – сказывалась инерция погромных акций рабочих. Вместе с тем Хубертус Ян обращает внимание на то, что, в отличие от Запада, в России патриотические манифестации носили кратковременный характер¹⁶¹. При этом исследователь также относит их к стихийным, непредсказуемым событиям, вызывавшим подозрения властей.

Однако обстоятельные сравнения отечественного и западного патриотизма пока отсутствуют в историографии. При этом в качестве контраргументов версии о меньшем накале «шовинистического психоза» в России можно привести и серию погромов толпой немецких магазинов в разных городах империи (в том числе погром в германском посольстве в Петербурге 22 июля 1914 г.), и многочисленные письма российской творческой интеллигенции, в которых провозглашался отсталый характер немецкой культуры в сравнении с российской, запрет на исполнение классических музыкальных произведений немецких и австрийских композиторов и многое другое. В конце концов германофобия и шпиономания превратились в стратегию военных и гражданских властей по отвлечению внимания населения с внутренних проблем на внешние, но вряд ли оправданно винить в этом исключительно представителей

¹⁵⁷ См., например: *Joll J. The Origins of the First World War. London; New York, 1984; Ferguson N. The Pity of War. London, 1998.*

¹⁵⁸ *Санборн Д. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 203–206; Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию. М., 2015. С. 32.*

¹⁵⁹ *Тютюкин С. В. Первая мировая война и революционный процесс в России... С. 240; Айранетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 1. 1914 год. Начало. М., 2014. С. 60.*

¹⁶⁰ *Булдаков В. П. Россия, 1914–1918 гг.: война, эмоции, революция // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Междунар. науч. конф. М., 2014. С. 17.*

¹⁶¹ *Ян Х. Патриотический Петроград: культурная жизнь и массовые развлечения во время Первой мировой войны // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. Челябинск, 2007. С. 388.*

власти. Конечно, специфика патриотической пропаганды и ее восприятия во многом зависит от культурных особенностей страны, однако патриотизм имеет и биологическую природу, связанную с бинарным противопоставлением «свой – чужой», а также выраженную эмоциональную подкладку, что позволяет говорить об универсальных категориях этого феномена. Следует заметить, что современные западные исследователи также считают сильно преувеличенными представления о патриотизме в Германии, Франции, Англии¹⁶².

Тем не менее вопрос о распространении патриотических настроений в широких социальных слоях Российской империи остается дискуссионным. Советская историография исследовала не только тему «шовинистической заразы» в пролетарских рядах, но и динамику патриотизма среди буржуазии. В. С. Дякин выстраивал линейную схему политических настроений либерально-буржуазных кругов: от «патриотического воодушевления» начального периода войны через чувство «патриотической тревоги» весны 1915 г. до «всеобщего недовольства царизмом» осенью 1916 г.¹⁶³

Консервативно настроенная часть общества искренне приветствовала царский манифест об объявлении войны. С. В. Тютюкин обозначил социально-групповые (классовые) различия в отношении к войне: «Угрюмое молчание народа красноречиво контрастировало с патриотической эйфорией, охватившей господствующие классы, часть интеллигенции, студенчества, городского мещанства, казачества. Основная же масса крестьян и рабочих восприняли войну как страшное стихийное бедствие»¹⁶⁴. Большинство современных авторов, в том числе западные исследователи, соглашаются с данной формулой. Л. Хаймсон считает, что патриотизм был характерен в первую очередь для цензового общества, а если под его воздействие попадали рабочие, то исключительно в результате наступившей психологической растерянности и дезориентации¹⁶⁵. Даже те историки, кто считает возможным говорить о патриотизме как характерной составляющей массовых настроений лета 1914 г., признают отличия психологии различных социальных групп. О. С. Поршнева не сильно изменила вывод Тютюкина, записав, что «в звуках патриотического энтузиазма первого месяца войны голоса крестьянства слышно почти не было»¹⁶⁶. Вместе с тем исследовательница хоть и говорит о гетерогенности массового сознания на начальном этапе войны, в целом характеризует российское общество как объединенное патриотическими идеями и эмоциями, отмечает, что вступление России в войну «вызвало мощный подъем патриотических настроений, охвативший *все общественные слои* (выделено мной. – В. А.) и регионы страны». Это противоречит ранее выдвинутому тезису о гетерогенности массового сознания¹⁶⁷. По-видимому, используемый массив источников и пестрота отраженных в них мнений не позволяют структурировать и более точно сформулировать собственное понимание проблемы, вынуждая выражаться чрезмерно расплывчатыми формулировками. В. П. Булдаков критикует такую позицию авторов, пытающихся «спрятаться от реальных сложностей истории за „глубокомысленным“ наукообразием»¹⁶⁸.

Е. С. Сенявская также полагает, что в самом начале войны российскому правительству «удалось обеспечить общий патриотический подъем», который затем иссяк по причине оши-

¹⁶² State, Society, and Mobilization in Europe during the First World War. Cambridge, 1997. P. 225; Ferguson N. The Pity War. London, 1998. P. 177; Ziemann B. War Experiences in Rural Germany. 1914–1923. Oxford; New York, 2007. P. 19–23.

¹⁶³ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 70, 254.

¹⁶⁴ Тютюкин С. В. Первая мировая война и революционный процесс в России... С. 240.

¹⁶⁵ Хаймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до февральской революции // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 27.

¹⁶⁶ Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 88.

¹⁶⁷ Поршнева О. С. «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 185.

¹⁶⁸ Булдаков В. П. Август 1914-го: природа «патриотических» настроений // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2014. № 4. С. 11.

бок пропаганды¹⁶⁹. Автор справедливо обращает внимание на то, что абстрактность и высокопарность официальной пропагандистской риторики не находили сочувствия в сердцах простых людей, однако при этом упускает из виду, что в низах война изначально вызывала скептическое отношение. Вслед за А. А. Брусиловым Сенявская пишет о малограмотности и политической неподкованности крестьян как главной причине отсутствия патриотизма и отмечает, что «низкий образовательный уровень, культурная ограниченность, зачастую даже мировоззренческая примитивность солдат требовали адекватных форм обращения к личному составу армии: простоты идей, близких народному сознанию понятийных категорий, упрощенной лексики, разговорного языка»¹⁷⁰. Вместе с тем вряд ли стоит переоценивать значение пропаганды в поддержании патриотических настроений. Имея эмоциональную природу, они рано или поздно иссякают под воздействием отягчающих психологических факторов военного времени. Тем не менее обильная пропаганда прошлого влияла не только на определенные круги современников Первой мировой, но и на современных историков, попадающих под «обаяние» документа. При этом исследования средств психологического воздействия являются важной и перспективной темой. Авторы отмечают, что война привела к росту интереса крестьян к политическим вопросам, что вызвало увеличение числа подписчиков газет. В результате политическая грамотность народа возросла, и защита страны от врага стала осознанной необходимостью¹⁷¹. Однако, учитывая роль печати в распространении патриотизма, данные настроения можно считать «привнесенными» в массовое сознание части российских крестьян, у которых отношение к войне формировалось под воздействием разных факторов: особенностей проводившейся властями мобилизации, вспомоществования семьям солдат, призванных на войну, реквизиции скота и лошадей. Также нельзя не учитывать ментальных особенностей сельских жителей, на отношение к войне которых оказывали влияние религиозно-мистические представления.

При том что неграмотность российских крестьян действительно создавала определенные препятствия для пропаганды (впрочем, не будем забывать о распространении лубочных открыток и плакатов, которые компенсировали недоступность печатного слова), не стоит измерять патриотические настроения степенью образованности ее носителей, ведь грамотному человеку в большей степени свойственно критическое отношение к действительности. Более верным будет иметь в виду мировоззренческие основы, формирующиеся в процессе хозяйственной и социальной деятельности субъекта. Именно они создавали определенный образ войны, которая в глазах одних была битвой за цивилизацию, культуру, а других – за землю. Также с этой точки зрения важно учесть огромное влияние начавшейся войны на течение жизни определенных групп населения. Очевидно, что мобилизация перевернула повседневность всех призванных на войну, однако если для части художественной интеллигенции война казалась возможностью более действенного служения народу, отечеству, то для подавляющего числа крестьян она означала крайне несвоевременное сворачивание сельскохозяйственных работ, что могло поставить под угрозу выживание их семей. В декабре 1914 г. Ф. Сологуб отметил эти два разных взгляда на войну: «Когда мы думаем о войне, мы думаем не столько о прерванном для войны труде мужика тамбовского, или ганноверского, или бретонского, сколько о разрушенном Луvene, о Реймском соборе, о нехороших поступках курортных германских врачей, о газетных статьях германских публицистов, поэтов, ученых, об их ненависти к нам, русским, которых они зовут варварами, и о том особенно, оказалась ли германская культура на высоте тех гуманных идей, которыми мы, среди всего неустройства и зла жизни нашей, так дорожим.

¹⁶⁹ Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке. М., 1999. С. 171–172.

¹⁷⁰ Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 66.

¹⁷¹ Александров Н. М. Общественное сознание сельского населения в начальный период Первой мировой войны (по материалам Костромской губернии) // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918 гг.: Материалы Международной научной конференции. М., 2014. С. 142–144.

Словом, думаем обо всей роскоши и накипи интеллигентского бытия. И вот в этом узле для нас завязывается трагедия, которая рязанскому мужику так же мало понятна и доступна, как и другие наши радости и огорчения, но которая нам дошла до сердца и исторгает из нас то гневные, то скорбные речи»¹⁷².

Признание всеобщего патриотического энтузиазма со вступлением России в войну порождает противоречие с протестной активностью кануна войны по крайней мере рабочей среды. В этом случае пришлось бы признать некую волшебную метаморфозу, случившуюся с пролетариатом. Впрочем, некоторые историки поддаются искушению упростить психологическую атмосферу июля – августа 1914 г., не далеко уходя от ленинского тезиса о захватившей рабочих шовинистической заразе. Так, Н. В. Савинова наивно полагает: «Первая мировая война обусловила всплеск патриотических настроений среди населения Российской империи. В день ее объявления тысячи рабочих, которые еще накануне участвовали в революционных забастовках, направились по улицам различных городов с патриотическими манифестациями»¹⁷³. Вместе с тем критичное отношение к источникам позволяет отделить исторические факты от патриотической пропаганды.

Большое значение имеет ввод в оборот новых источников, позволяющих лучше понять психологию современников. Н. М. Александров, исследующий настроения населения Костромской губернии, обращается к анкетам Костромского научного общества по изучению края, с помощью которых составители пытались «подметить то русло, по которому в связи с войной начинает течь жизнь народа». Историк в итоге приходит к выводу, что «в общественном сознании российской деревни в этот период отсутствовали элементы, указывающие на ее нелояльность власти»¹⁷⁴. Однако, во-первых, этот вывод противоречит массовым источникам – например, протоколам, составленным по обвинению крестьян в оскорблении императора, о которых речь пойдет ниже, материалам перлюстрации, а во-вторых, автор сам признается, что ответы дали лишь 8% респондентов. Очевидно, что нелояльно настроенные крестьяне опасались принимать участие в анкетировании, не говоря уже об основной массе неграмотного народа. В первую очередь именно грамотные участники анкетирования, бывшие объектом газетной пропаганды, зафиксировали свое отношение к войне и власти. В некоторых случаях и вовсе печатная пропаганда выдается за подлинные настроения. Так, Д. Г. Гужва патриотическо-пропагандистские публикации центральной прессы считает следствием роста патриотических настроений в обществе, не проводя при этом различий между публикациями известных общественных деятелей и политиков и настроениями рядовых подданных¹⁷⁵.

Следует отметить, что современники отмечали условность проводимых опросов в среде крестьян и раненых солдат. В 1915 г. Ф. Сологуб, сохранявший оптимизм по поводу роста народного энтузиазма и перспектив войны, тем не менее опубликовал статью, в которой весьма точно подметил психологию мужика, не позволяющую верить всевозможным опросам и анкетам:

Русский мужик, воюющий ныне, сохранил еще в значительной степени привычку быть недоверчивым и осторожным в разговорах с барами. Говорит то, что может понравиться барину, и думает свое, – Бог его знает, что он думает.

– Ну, что, побьем немца?

¹⁷² Сологуб Ф. Выбор ориентации // Отечество. 1914. № 6. 14 декабря.

¹⁷³ Савинова Н. В. Антинемецкие настроения населения Российской империи в 1914–1917 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. Вып. 2. С. 179.

¹⁷⁴ Александров Н. М. Общественное сознание сельского населения в начальный период Первой мировой войны. С. 146.

¹⁷⁵ Гужва Д. Г. Военная печать как основное средство укрепления морального духа военнослужащих русской армии в годы Великой войны // Россия в годы Первой мировой войны... С. 574.

- Как есть, побьем!
- Ну, что, не справиться нам с немцем?
- Он, немец-то, хитер, с ним не так-то просто!
- Бодрый спрашивает выздоравливающего:
- Рвешься в бой?
- Да уж только бы добраться до немчуры, мы ему покажем!
- Того же солдата спросит другой иным тоном:
- Не хочется опять в бой?
- Да уж мы свое перевоевали. Известно, кто раз в бою побывал, тому боязно.

И каждый спрашивающий из расспросов выносит свое же. И все загадочен лик народный. Кому же верить?¹⁷⁶

Другим историческим источником, способным при не критическом подходе ввести исследователя в заблуждение, являются донесения чинов жандармского управления. Так, В. В. Крайкин использует рапорты жандармских чинов о прошедших в Орловской губернии патриотических манифестациях 17–21 июля и делает вывод о том, что большая часть населения восприняла начало войны с энтузиазмом¹⁷⁷. При этом автор отмечает, что в последующие недели и месяцы подобных манифестаций не повторялось. В связи с этим было бы уместно задуматься об организации патриотических мероприятий членами правых партий, тем более что упоминаются косвенные признаки – хорошая обеспеченность манифестантов средствами визуального воздействия (царские портреты, хоругви); обращает на себя внимание деятельность представителей церкви, устраивавших молебны перед началом или по окончании патриотических актов. Однако Крайкин игнорирует подобные вопросы.

Особенный интерес к патриотической тематике наблюдался в работах отечественных авторов в 2014 г. Он был связан со столетней годовщиной начала Первой мировой войны, а также с известными международными политическими событиями. Вкупе и то и другое приводило авторов к преувеличению патриотических настроений, лишняя раз доказывая готовность части исторического сообщества интерпретировать события прошлого в современном ключе, навязывая им собственную логику. О. С. Поршнева очевидно идеализировала общественное сознание лета 1914 г., приписывая современникам, несмотря на свои прошлые куда более сдержанные оценки, характерные патриотические стереотипы: «Религиозный подъем, жертвенность, преодоление эгоизма во имя общих интересов были одними из проявлений духовной атмосферы начала войны... В полной мере эти настроения проявлялись и в России, имея такие поведенческие измерения, как участие в мобилизации, добровольческом, благотворительном движении»¹⁷⁸. Следует заметить, что попытка доказать высокий патриотический подъем добровольчеством и участием населения в благотворительности является весьма распространенным приемом. И. Б. Белова, исследовавшая патриотические настроения на материалах Калужской и Орловской губерний, выводит их из участия населения в мобилизации: «Мобилизационные мероприятия 1914 г. в регионе, как и по всей стране, прошли организованно, чему, без сомнения, способствовал общий подъем патриотических настроений»¹⁷⁹. При этом имевшие место случаи пьяных бунтов, в которых участие принимали как мобилизованные, так и местное население, не попавшее под призыв, она считает «не носящими массового

¹⁷⁶ Биржевые ведомости. Утр. вып. 1915. 22 июня.

¹⁷⁷ Крайкин В. В. Начальный период Первой мировой войны в сознании провинциальных жителей (на материале Орловской губернии) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 96. С. 52.

¹⁷⁸ Поршнева О. С. Эволюция общественных настроений в России в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1917 г.) // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918... С. 136.

¹⁷⁹ Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция: 1914 – февраль 1917 г. По материалам Калужской и Орловской губерний. Дис. ... канд. ист. наук. Калуга, 2007. С. 231.

характера» и не противоречащими тезису о высоком патриотизме ввиду того, что они не имели в своей основе пораженческих настроений. Однако иных взглядов придерживается Д. Санборн, считающий, что пьяные бунты новобранцев выходили за рамки простого поиска алкоголя, а помимо прочего означали протест против войны¹⁸⁰. Вероятно, точка зрения Санборна ближе к истине: конечно, пьяные беспорядки не были формой антивоенных выступлений, так как мобилизованные в своей массе фаталически воспринимали призыв на войну, однако они являлись формой протеста против власти, нарушавшей сложившиеся традиции проводов новобранцев. Повсеместно погромщики вступали в столкновения с полицией, повторяя сценарии периода рабочей революционной борьбы. В некоторых местностях вышедшие из-под контроля толпы мобилизованных от погрома винных складов перешли к погрому помещичьих имений. Более подробно особенности проводившейся мобилизации и пьяные беспорядки мы рассмотрим ниже.

Санборн не считает возможным вести речь о «всеобщем патриотическом подъеме» и, в частности, критикует Е. С. Сенявскую и Х. Яна за то, что они используют слишком узкую источниковую базу и не включают события, подобные пьяным беспорядкам, в более широкий контекст. Санборн пытается структурировать общественные настроения по поводу войны и выделяет три распространенных типа реакций: 1) частные реакции на угрозу войны и трудности, которые она влекла за собой; 2) гласная общественная поддержка; 3) активное общественное неприятие¹⁸¹. При этом сам автор явно переоценивает степень гражданского самосознания российского крестьянства и его сознательность в деле неприятия войны, оспаривая распространенный тезис о том, что российскому крестьянству не хватало национальной самоидентификации. Все же большинство современных авторов соглашаются с тем, что «начало войны было воспринято широким общественным мнением как свершившийся факт, как данность, однако происхождение большой войны и преследуемые в ней цели массой российского населения так и остались непонятыми... Учитывая уровень гражданского сознания, культуры и образованности народных масс, трудно было рассчитывать на осмысленное и мотивированное отношение большинства к войне»¹⁸².

Изучая патриотическую деятельность на Дальнем Востоке, Т. Я. Иконникова обратила внимание, что хотя начало войны с Германией стало неожиданностью для местного населения, которое полагало, что очередная война непременно должна быть с Японией, оно почти мгновенно включилось в мощные патриотические акции, «показавшие стремление поддержать царя»¹⁸³. Вместе с тем автор указывает и на стремление части населения уклониться от военного призыва, что плохо коррелируется с ее предыдущими обобщениями. Е. Д. Борщукова постаралась выявить разные оттенки патриотических настроений и указала на два их вида: «патриотизм государственный, связанный с осуществлением политики Российской империи, и народный, возникший на волне противодействия вражескому вторжению на земли нашей страны», а также справедливо обратила внимание, что «архаика общественных отношений налагала определенные особенности на формирование патриотических настроений населения страны». Исследовательница пришла к выводу, что патриотизм являлся мощным мобилизующим фактором и улучшал боевой потенциал армии¹⁸⁴. Однако последний вывод противоречит

¹⁸⁰ Санборн Д. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 208–209.

¹⁸¹ Там же. С. 206.

¹⁸² Гребенкин И. Н. «За что воюем?» Национальные интересы и цели России в общественном восприятии // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Международной науч. конф. М., 2014. С. 44.

¹⁸³ Иконникова Т. Я. Дальневосточный тыл в годы Первой мировой войны, 1914–1918. Дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 1999. С. 399.

¹⁸⁴ Борщукова Е. Д. Патриотические настроения россиян в годы Первой мировой войны. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.

тезису о сохранении архаичных форм сознания, ставших частью патриотических настроений, так как они мешали консолидации общества, понижали и боевой потенциал русской армии. Общая ошибка авторов, рассуждающих о патриотизме в 1914 г., – недостаточное использование массовых источников, позволяющих вскрыть пласты массового сознания широких слоев населения. Как будет подробнее показано в дальнейшем, архаичные формы сознания способствовали формированию коллаборационистских настроений среди крестьян уже в первые месяцы войны. Одна из причин – несоответствие народных, патерналистских представлений о царе образу Николая II, которого народная молва лишала волевых качеств. Как верно заметил Б. И. Колоницкий, «в основе антимонархических настроений многих современников лежала патриархальная, по сути монархическая ментальность: императору в вину вменялось то, что он не был „настоящим“ царем»¹⁸⁵. В. П. Булдаков вместо «патриархальной ментальности» предпочитает употребление термина «патернализм», но обращает внимание на скрытый в нем потенциал архаичного бунтарства, а также на «латентный конфликт между „городской“ (чиновничьей, предпринимательской, „барской“) и „сельской“ (традиционной) культурами», который в условиях войны приобретал антивоенную и антиправительственную направленность¹⁸⁶.

Амбивалентность патриотических настроений подразумевает неоднозначность не только отношения к войне или власти, но и соотношения таких понятий, как «власть» и «отечество». Патернализм предполагает их отождествление, в то время как более развитое гражданское сознание – разделение. Вместе с тем С. В. Тютюкин настаивал на том, что в значительной части российского общества понятия «власть» и «отечество» были отделены друг от друга¹⁸⁷. Можно согласиться, что в крестьянском сознании это происходило в процессе десакрализации царской власти, кризиса патриархально-патерналистского сознания. С. В. Леонов рассматривает патриотические настроения 1914 г. в условиях, когда «традиционный патриотизм» переживал кризис, а новый «гражданский патриотизм» только формировался¹⁸⁸. При этом автор хоть и считает имеющиеся в источниках (прежде всего материалах перлюстрации) свидетельства в пользу отсутствия в российском обществе патриотизма авторскими преувеличениями, тем не менее вслед за Тютюкиным отмечает, во-первых, прагматический характер крестьянского патриотизма («Ежели немец прет, то как же не защищаться?»), а во-вторых – его изначальную обреченность на затухание вследствие разрушения лежащих в его основе традиционных ценностей (монархизма, православности и пр.)¹⁸⁹. Булдаков предпочитает начинать разговор о патриотизме (который он берет в кавычки) не с социально-групповых или идеологических отличий, а с индивидуально-психологических, обращая внимание, что в одном человеке может уместиться несколько уровней патриотизма (естественного, т. е. природного, и противоестественного), способных к своеобразным метаморфозам: «Не приходится сомневаться, что в основе всякого патриотизма лежит естественное ощущение неразрывной – по месту рождения и взросления – связи с определенной культурной средой. Всякий человек – „природный“ патриот. Однако при известных условиях патриотическое чувство может испытывать противоестественные метаморфозы»¹⁹⁰.

¹⁸⁵ Колоницкий Б. И. К изучению механизмов десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны) // Историк и революция. СПб., 1999. С. 86.

¹⁸⁶ Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию. М., 2015. С. 332.

¹⁸⁷ Тютюкин С. В. Первая мировая война и революционный процесс в России (Роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 240.

¹⁸⁸ Леонов С. В. Эволюция массового сознания в России в Первую мировую войну // Россия в мировых войнах XX века. Материалы научной конференции. М.; Курск, 2002. С. 61–73.

¹⁸⁹ Там же. С. 67.

¹⁹⁰ Булдаков В. П. Август 1914-го: природа «патриотических» настроений // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2014. № 4. С. 18.

Исследователи при разговоре о патриотизме анализ массового сознания часто подменяют описанием так называемой патриотической деятельности – мобилизации, благотворительности. Однако они не являются безусловным доказательством патриотических настроений. В ряде случаев авторы считают самодостаточным факт участия в помощи фронту, игнорируя выяснение мотивов участников благотворительности (не говоря уже о том, что искренняя филантропическая деятельность совсем не обязательно совпадает с поддержкой политики власти и сочувствием военным планам России). Известно, что некоторые частные фирмы, особенно принадлежавшие российским подданным с немецкими фамилиями, вынуждены были «откупаться» от властей активной благотворительностью. Например в условиях усилившейся критики кинопредприятий, обвинявшихся в разлагающем влиянии на население (некоторые губернаторы и архиереи призывали к запрету кинематографа), ряд электротeatров был вынужден устраивать в своих помещениях благотворительные вечера, жертвовать часть своих доходов соответствующим организациям под угрозой закрытия. А. Ковалова прямо указала, что владельцы кинотеатров в годы Первой мировой войны власти заставляли жертвовать деньги¹⁹¹. Т. Г. Леонтьева, не отрицая общественного патриотического подъема, обратила внимание на корыстные интересы ряда патриотов-энтузиастов, например на то, как санитары расхищали продукты, предназначенные раненым, а также спирт, резко поднявшийся в цене после введения сухого закона¹⁹². Молодой врач Ф. О. Краузе писал в августе 1914 г. из действующей армии: «Что для многих коллег война – это только способ всякими путями урвать от казны лишний кусок, это верно»¹⁹³. С. В. Куликов обращает внимание, что объемы государственного финансирования благотворительной деятельности Земгора не позволяют рассматривать эту деятельность в качестве исключительно филантропической деятельности¹⁹⁴. С Куликовым полемизирует Г. Н. Ульянова, обращая внимание на народные пожертвования, приходившие Земгору, но вместе с тем, также не касаясь проблемы меркантильных интересов в благотворительности и идеализируя, романтизируя тем самым эту деятельность¹⁹⁵. Тему благотворительной активности Земгора, по всей видимости, нельзя вырывать из политического контекста – усилившегося в годы Первой мировой войны противостояния общественных и государственных институтов на фоне усугубляющейся хозяйственно-экономической ситуации. Ряд консервативных деятелей, испытывавших страх перед общественной активностью, усматривали в деятельности Земгора, военно-промышленных комитетов подрыв авторитета верховной власти. Несмотря на явное преувеличение «опасности», ряд либеральных и демократических лидеров полагали, что в результате активизации работы Земгора и ВПК в дальнейшем от государства можно будет добиться расширения роли общественных организаций в политической жизни страны. А. Б. Асташов обратил внимание, что «организационная структура ВСГ (Всероссийского союза городов. – В. А.) представляла собой зародыш правового государства на уровне местной власти», что вступало в противоречие с политической системой Российской империи¹⁹⁶. В силу указанных политических обстоятельств патриотическая деятельность «снизу» и патриотическая деятельность «сверху» вступали в нездоровые конку-

¹⁹¹ Ковалова А. Российские кинотеатры в годы Первой мировой войны // Первая мировая война в зеркале кинематографа. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2014. С. 56.

¹⁹² Леонтьева Т. Г. «Победа зависит не от количества штыков и снарядов»: Настроения Тверской провинции в 1914–1917 гг. // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2014. № 1. С. 30.

¹⁹³ Краузе Ф. О. Письма с Первой мировой (1914–1917). СПб., 2017. С. 36.

¹⁹⁴ Куликов С. В. Финансовые аспекты деятельности Российских благотворительных организаций военного времени (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования. СПб., 2008. С. 369–396.

¹⁹⁵ Ульянова Г. Н. Благотворительная помощь общества жертвам войны в 1914–1918 гг. // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Международной научной конференции. М., 2014. С. 230–237.

¹⁹⁶ Асташов А. Б. Всероссийский союз городов. 1914–1918 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. С. 13.

рентные отношения, что способствовало падению авторитета государственной власти и общей революционизации общества.

Кроме того, отдельной темой является благотворительность в отношении беженцев, часть которых – например, депортированные евреи – были не столько жертвами войны, сколько жертвами политики власти, затеявшей насильственное переселение людей, безосновательно подозревавшихся в массовом шпионаже. Поддержка этих наиболее уязвимых групп населения может рассматриваться как некая естественная стратегия выживания общества в экстремальных условиях, что являлось безмолвным укором в адрес высшей власти.

Добровольческое движение также не выступает безусловным доказательством высокого патриотического подъема. Успехи мобилизации были подпорчены усилившимся с началом мировой войны дезертирством из армии, что убедительно показал А. Б. Асташов¹⁹⁷. В. П. Булдаков отметил, что добровольческое движение частично объяснялось желанием вольноопределяющихся самостоятельно выбирать род войск¹⁹⁸. М. В. Оськин упоминает о шкурном интересе ряда добровольцев (хотя и считает это исключением из правила)¹⁹⁹. В воспоминаниях Ф. А. Степуна, И. Зырянова также упоминается о подозрительном отношении солдат к охотникам и вольноопределяющимся²⁰⁰. В отношении некоторых студенток, отправившихся на фронт в качестве сестер милосердия, можно и вовсе говорить о сексуальных перверсиях (что подробнее будет показано ниже).

На теме благотворительности пытались наживаться отдельные дельцы. Генерал Н. А. Епанчин расследовал в Киевском военном округе дело чиновника А. Мошина, который под видом организации благотворительных аукционов выпрашивал у известных художников картины, этюды. Письма художникам под видом сестры милосердия писала его сожительница²⁰¹. Таких случаев было достаточно много. К сожалению, подобная «оборотная сторона» российского патриотизма в целом не получила должного освещения в исследованиях и пока еще уступает «патриотической историографии».

Проблема изучения настроений широких социальных слоев заключается как в поиске репрезентативной источниковой базы, так и в выработке определенной методологии. Коль скоро речь идет о психологии, то психологический подход должен применяться и к самому источнику. В этом случае донесения чинов жандармского управления, например, которые чаще всего используются в качестве объективного, стороннего свидетельства о настроениях провинциального населения, оказываются не такими уж беспристрастными, как может показаться на первый взгляд: будучи носителями верноподданнической психологии, они одними из первых поддались соответствующим ура-патриотическим настроениям, сквозь призму которых рассматривали манифестации, прошедшие в большинстве российских городов после объявления войны. Вместе с тем более пристальный взгляд на эти манифестации позволяет различить в них самые разные оттенки патриотизма, имеющие в том числе антимонархическую направленность. Также определенные сложности возникают при работе с эпистолярным жанром, источниками личного происхождения – появляется искушение выдать яркое свидетельство одного современника за настроения определенной группы. Вероятно, массовые настроения следует реконструировать по документам, оставленным рядовыми обывателями, впитавшими в себя оценки и мнения окружающего большинства, в то время как высказывания крупных политиков и общественных деятелей несут на себе сильную печать субъективизма, авторской концепции.

¹⁹⁷ Асташов А. Б. Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // Российская история. 2011. № 4. С. 44.

¹⁹⁸ Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию... С. 320.

¹⁹⁹ Оськин М. В. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М., 2011. С. 237.

²⁰⁰ Степун Ф. А. Из писем прапорщика-артиллериста. М., 1918. С. 76; Арамилев В. В. В дыму войны. Записки вольноопределяющегося. М., 2015.

²⁰¹ Епанчин Н. А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 449.

С методологической точки зрения также важно определить структуру изучаемого социума для того, чтобы понять как общие, так и различные элементы общественного сознания отдельных групп.

В широком смысле дискуссия о патриотизме лета 1914 г. сводится к вопросу об отношении к войне. Но с этой точки зрения необходимо описать весь спектр эмоций, царивших в российском обществе и отдельных его группах. Кроме того, настроения 1914 г. необходимо исследовать в более широком контексте дискурса о войне предшествующего периода. С. В. Тютюкин, считая, что война вызвала бурный подъем патриотизма, задается вопросом, почему патриотизм не смог «сцементировать российское общество»²⁰². Историк обращает внимание на важный момент, который нельзя игнорировать при описании настроений лета 1914 г.: накануне войны представители либеральных и консервативных кругов писали, что война может вызвать в России революцию. Тем самым в настроениях 1914 г. заранее было отведено место страху. Но страх 1914 г. был связан не только с опасениями перед революцией или иными глобальными катаклизмами: обывателей мучила тревога за свое ближайшее будущее и судьбу своих близких, в первую очередь тех, кому предстояло идти на войну. Британский историк Н. Фергюсон обращает внимание на религиозный пласт патриотических настроений и называет их эсхатологическим страхом и тревогой²⁰³. В. П. Булдаков соглашается с данной позицией, отмечая, что людьми во время массовых акций часто руководил «не столько патриотический энтузиазм, сколько потребность заглушить испуг»²⁰⁴. При этом исследователь дополняет тему эсхатологических настроений, когда пишет о присутствии в определенных кругах интеллигенции ощущения «оптимистического апокалипсиса», связанного с надеждами на то, что война приведет эпоху Просвещения к своему логическому итогу – наступлению века Разума, Прогресса, Счастья²⁰⁵.

Другой распространенной эмоцией лета 1914 г. следует признать любопытство (интерес). Именно оно гнало на улицу часть подданных во время проходивших манифестаций. Не случайно современники отмечали большое количество детей и подростков на улицах городов в дни демонстраций. Д. Санборн, пытаясь понять психологические мотивы участия людей в массовых патриотических акциях, приходит к выводу, что жители небольших провинциальных городов просто не могли проигнорировать организованные шествия, которые стали частью новой городской повседневности, приметой нового времени, пришедшей на смену рутинным заботам прошлого: «Трудно представить, как многие жители... могли остаться дома и заниматься стиркой белья в самый волнующий день года, независимо от того, что думали о войне»²⁰⁶. Даже в губернском Минске патриотическое поведение использовалось как средство борьбы со скукой и тишиной предшествующего времени: «В последние дни наш тихий, скучный Минск в связи с разыгравшимися на мировой арене событиями засуетился... На улицах, в ресторанах, кофейнях только и слышны слова: „война, Сербия, Австрия“. И все превратилось в тонких знатоков политики, всякий уверенно и „авторитетно“ высказывает свои дипломатические взгляды... Интерес к газетам необычайный»²⁰⁷. Корреспонденты отмечали, что толпа выкрикивала те или иные лозунги от скуки и из любопытства.

Студент Московского университета Д. Фурманов так отозвался о прошедшей 17 июля 1914 г. патриотической манифестации в Москве по поводу объявленной мобилизации: «Был

²⁰² Тютюкин С. В. Первая мировая война и революционный процесс в России (Роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 236.

²⁰³ Ferguson N. The Pity of War. London, 1998.

²⁰⁴ Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию... С. 33.

²⁰⁵ Булдаков В. П. Россия, 1914–1918 гг.: война, эмоции, революция // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Международной науч. конф. М., 2014. С. 12.

²⁰⁶ Санборн Д. Беспорядки среди призывников... С. 206.

²⁰⁷ Минская газета-копейка. 1914. 17 июля.

я в этой грандиозной манифестации... Скверное у меня осталось впечатление. Подъем духа у некоторых, может, и очень большой, чувство, может, искреннее, глубокое и неудержимое – но в большинстве что-то тут фальшивое, деланное. Видно, что многие идут из любви к шуму и толкотне»²⁰⁸. Со студентом был согласен и генерал: «Патриотические манифестации и взрывы энтузиазма являлись, по-видимому, лишь дешевым фасадом, за которым скрывалась невзрачная действительность»²⁰⁹. «Шум и толкотня» приходили на смену довоенной тишине, царившей в тех городах, которые не были охвачены рабочим движением. При этом нельзя утверждать, что такие же стремления отсутствовали у пролетариев больших промышленных центров, так как объявление войны, безусловно, взволновало всех подданных. М. Стейнберг, рассмотрев доминировавшие социальные эмоции в российском обществе начала XX в., пришел к выводу о господстве накануне Первой мировой войны меланхолии, которая была мрачнее меланхолии в России XIX в. и мрачнее современных ей западноевропейских настроений²¹⁰. О затянувшемся после Первой революции психологическом кризисе упоминает С. В. Леонов²¹¹. С этой стороны настроения лета 1914 г. можно рассмотреть в русле перехода от затянувшейся меланхолии к возбуждению, гипертимии: определенные круги общества (в первую очередь горожане, так как именно город был рассадником меланхолии) проснулись от спячки и воодушевились открывавшимися перспективами.

Тем самым в патриотических настроениях лета 1914 г. обнаруживается эмоциональная основа, состоящая из негативных и позитивных эмоций. Вероятно, первоначальными можно считать интерес и страх, причем первый приводил к радости (воодушевлению, эйфории), а второй к ненависти (проявлявшейся в германофобии). Эта дуалистическо-амбивалентная природа патриотизма определяла многообразие оттенков мышления и патриотических концептов. Не случайно один из современников назвал это время «днями великого гнева, торжественного настроения»²¹² – сочетание противоположностей затрудняло выработку единого патриотического концепта.

Многие современники если до конца и не осознавали, то чувствовали, что в условиях всеобщего «гнева и торжества» эмоции захлестывали обывателей, подменяя рациональное мышление восторженно-чувственным восприятием действительности. А затянувшиеся или чересчур сильные эмоции в конце концов достигают, согласно психологической теории, так называемого «токсического уровня», при котором одна эмоция доминирует и тормозит появление других, разрушая контакт организма со средой, сужает восприятие до тоннельного, ведет к потере ориентации и способности к тестированию реальности, подмене реальности представлениями и фантазиями о ней. При этом возникает предельное возбуждение и состояние непереносимости данной эмоции. Следствием становится стресс, развивающийся до состояния невроза или психоза. Нужно заметить, что психиатрическая терминология использовалась современниками при описании общей атмосферы кануна и первых месяцев войны не случайно. «Обрушившаяся на Европу война замечательна тем, что в самом характере ее начальных действий чувствовались элементы политической неврастности или даже психопатии», – писал в августе 1914 г. Б. Эйхенбаум²¹³. Токсический уровень патриотизма оборачивался психическими отклонениями. Начало Первой мировой войны ознаменовалось увеличением числа

²⁰⁸ Фурманов Д. Дневники (1910–1921). Собр. соч. М., 1961. Т. 4. С. 47.

²⁰⁹ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. С. 112.

²¹⁰ Стейнберг М. Меланхолия Нового времени: дискурс о социальных эмоциях между двумя революциями // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сб. статей / Ред. Я. Плампер, Ш. Шахадат и М. Эли. М., 2010. С. 202–226.

²¹¹ Леонов С. В. Эволюция массового сознания в России в Первую мировую войну // Россия в мировых войнах XX века. Материалы научной конференции. М.; Курск, 2002. С. 62.

²¹² Коральник А. Германская идея // Русская мысль. 1914. № 12. С. 42.

²¹³ Эйхенбаум Б. Проблема вечного мира // Русская мысль. 1914. № 8. С. 117.

сумасшедших как в городских больницах в тылу, так и на фронте (более подробно об этом пойдет речь в соответствующей главе)²¹⁴. Одной из форм массового психоза стала шпиономания, выливавшаяся у отдельных подданных в слуховые и зрительные галлюцинации. Даже сотрудники Департамента полиции обращали внимание, что в среде ярых патриотов особенно много сумасшедших. В связи с этим уместно говорить о психопатологической форме патриотизма. «Этот современный взрыв патриотических чувств я не могу назвать иначе, как психозом всеобщим, массовым», – писал обыватель из Иркутска в Одессу в августе 1914 г.²¹⁵ Заметно меняется лексика и здоровых людей, в письменной речи которых появляются абсурдные, эмоционально окрашенные метафоры, гиперболы. Один из современников без тени иронии писал в сентябре 1914 г.: «Деревня и город неузнаваемы... Бабы, дети, скотина повеселели, ожили, оделись и стали по-человечески говорить»²¹⁶.

²¹⁴ Фридлендер К. Несколько аспектов шелл-шока в России, 1914–1916 // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного colloquium. СПб., 1999. С. 315–325; Платнер Я. Страх в русской армии в 1878–1917 гг.: К истории медиализации одной эмоции // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. Челябинск, 2007. С. 453–460; Астаиов А. Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014; Аксенов В. Б. «Революционный психоз»: массовая эйфория и нервно-психические расстройства в 1917 году // Материалы Международной научной конференции. М., 2017. С. 465–474; Merridale C. The Collective Mind: Trauma and Shell-Shock in Twentieth-Century Russia // Journal of Contemporary History. 35. Heft 1. (January 2000). P. 39–55.

²¹⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 28.

²¹⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1497.

Идейные противоречия «патриотизма 1914 г.» и психологическая структура массового «патриотического» сознания

Начавшаяся война вызвала брожение умов российской интеллигенции. У кого-то патриотическая эйфория своей искусственностью провоцировала протест и мысли о противоречивости патриотизма в случаях, когда обнаруживается противостояние народа и власти. «Что такое отечество? Народ или государство? Все вместе. Но если я ненавижу *государство* российское? Если оно – против моего народа на моей земле?»²¹⁷ – рассуждала З. Н. Гиппиус 2 августа 1914 г., приходя к выводу, что в настоящее время такие мысли высказывать рано. Тем не менее на одном из собраний у М. А. Славинского поэтесса произнесла пацифистскую речь, доказывая, что любая война при любом исходе сеет зародыши новой войны. Подобная позиция преследовалась властями. Осенью 1914 г. под следствием оказалась группа толстовцев, распространявших воззвания «Опомнитесь, люди-братья!» и «Милые братья и сестры!» Автором первого из них был бывший секретарь Л. Н. Толстого В. Ф. Булгаков, гостивший в Ясной Поляне у С. А. Толстой. Последняя вспоминала, что полиция ночью 26 октября ворвалась в дом и устроила Булгакову допрос, а спустя два дня арестовала толстовца вместе с 27 подписантами. В первом воззвании говорилось: «Совершается страшное дело. Сотни тысяч, миллионы людей, как звери, набросились друг на друга, натравленные своими руководителями... забыв свои подобие и образ Божий, колют, режут, стреляют, ранят и добивают своих братьев... Наши враги – не немцы... Общий враг для нас, к какой бы национальности мы ни принадлежали, – это зверь в нас самих...»²¹⁸ Однако летом – осенью 1914 г. такие самокритичные взгляды были не популярны в обществе. Патриотизм завладел умами интеллектуалов, вот только понимали они его по-разному. В. П. Булдаков и Т. Г. Леонтьева отметили, что начавшаяся война вызвала в интеллигентской среде «ужас перед неизвестным», проявившийся в патриотической разногласии²¹⁹. Верное наблюдение о природе патриотизма В. В. Розанова сделал А. Л. Юрганов, отметив, что философ считал причиной поражения в Русско-японской войне отсутствие у народа воодушевления²²⁰. Тем самым патриотический подъем 1914 г. мыслился некоторыми философами в качестве противоядия нового поражения и был в этом отношении вынужденным, искусственным явлением, настоящим на подсознательных страхах. Пацифизм же воспринимался в контексте пораженчества и предательства. Симптоматично, что октябрь – ноябрь 1914 г. ознаменовались началом следствия над толстовцами-пацифистами и большевиками-пораженцами.

Помимо разной эмоционально-психической природы патриотических настроений исследователи отмечают идейные различия патриотизма. Философы, публицисты безуспешно пытались превратить патриотизм в идеологию, но он каждый раз оказывался лишь функцией того или иного идеологического подхода. Еще В. С. Дякин, анализируя патриотические настроения российской буржуазии, указал на идеологические различия в интерпретациях патриотизма²²¹. 2 августа 1914 г. в «Русских ведомостях» была опубликована статья князя Е. Н. Трубецкого «Патриотизм против национализма», в которой он представил войну России с Германией как битву патриотизма с национализмом. Трубецкой подчеркивал, что патриотическое единение

²¹⁷ Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 8. С. 157.

²¹⁸ Булгаков В. Ф. Опомнитесь, люди-братья!: история воззвания единомышленников Л. Н. Толстого против Мировой войны 1914–1918 гг. Т. 1. М., 1922. С. 36.

²¹⁹ Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию... С. 83.

²²⁰ Юрганов А. Л. Первая мировая война и кризис русского модернизма // Россия XXI. 2017. № 1. С. 97.

²²¹ См.: Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм...

России происходит не на национальной, а на «сверхнациональной» основе: «Никогда единство России не чувствовалось так сильно, как теперь, и – что всего замечательнее – нас объединила цель не узко национальная, а сверхнациональная»²²². На близких позициях стоял А. А. Мейер, обращавший внимание на несоответствие национализма христианским добродетелям: «Нет сомнения, что самоутверждение нации с точки зрения христианской религиозности является грехом. Проблема национальности может быть разрешаема в националистическом направлении лишь при условии отказа от истин, утверждаемых христианством. К христианству гораздо ближе те сторонники интернационализма, которые совсем игнорируют национальность, чем выдающие себя за христиан националисты. Это так ясно, что, казалось бы, не стоило об этом и напоминать. Однако грех национального самоутверждения прикрывает себя иной раз идеологиями, способными соблазнить даже искренних христиан, – особенно в те моменты, когда жизнью действительно выдвигается вопрос об уяснении нацией своей исторической миссии»²²³.

Однако эта концепция не встречала полного понимания. П. Б. Струве писал в декабре 1914 г.: «Великая Россия есть государственная формула России как национального Государства-Империи. Россия есть государство национальное. Она создана развитием в единую нацию русских племен, слившихся с собой, претворивших в себя множество иноплеменных элементов... Война 1914 г. призвана довести до конца внешнее расширение Российской Империи, осуществив ее имперские задачи и ее славянское призвание»²²⁴. Не забывал Струве и о концепции «Святой Руси», содержащейся в царском манифесте. В ней он видел духовное содержание Великой России как империи: «Если в Великой России для нас выражается факт и идея русской силы, то в Святой Руси мы выражаем факт и идею русской правды». При этом Трубецкой предупреждал об опасности территориальных претензий России: «Обладая огромной территорией, Россия не заинтересована в ее увеличении: политика захватов может привлечь нам не пользу, а только вред: нам нужно сохранить, а не умножить наши владения»²²⁵. Вместе с тем историками разрабатывались и обосновывались геополитические стратегии. А. А. Кизеветтер, П. Н. Милюков доказывали, что истинные цели войны для России лежат на Балканах, приводя в доказательство многовековую историю противостояния России с Османской империей. Н. И. Кареев, наоборот, рассматривал историю международных отношений как динамическую систему, в которой появление новых элементов, интересов, перестраивает ранее сложившиеся блоки и союзы, и доказывал, что Россия вступила в Антанту ради сохранения в Европе мира²²⁶. На близкие позиции встал Р. Ю. Виппер, которого начавшаяся война заставила пересмотреть теорию прогресса и склониться к циклическому характеру истории²²⁷. При этом, как отмечают исследователи, в значительной части либеральной интеллигенции, в том числе среди ученых, университетской профессуры, проступали «рецидивы имперского мышления», что особенно активно проповедовали лидеры кадетов, выступая за присоединение к России Галиции, Угорской Руси, всей Польши, Армении, не говоря уже о проливах²²⁸. Особенность «настроений 1914» заключалась в том, что великодержавно-шовинистическим психозом заражались представители разных политических взглядов. Однако при этом оттенки шовинистического патриотизма были разные.

Председатель Московского религиозно-философского общества памяти В. Соловьева Г. Рачинский переводил дискуссию из сферы материалистических концептов и прагматиче-

²²² Русские ведомости. 1914. 2 августа.

²²³ Мейер А. А. Религиозный смысл мессианизма // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге. История в материалах и документах. Т. 3. 1914–1917. М., 2009. С. 7.

²²⁴ Струве П. Б. Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. № 12.

²²⁵ Трубецкой Е. Н. Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. № 12. С. 89.

²²⁶ Варустина Е. Л. Доктрины либерально-кадетской интеллигенции о войне // Историк и революция. СПб., 1999. С. 89.

²²⁷ Виппер Р. Ю. Теория прогресса и всемирная война 1914 г. // Виппер Р. Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921.

²²⁸ Варустина Е. Л. Доктрины либерально-кадетской интеллигенции... С. 93.

ских вопросов о территориальных приобретениях в сферу философско-культурных построений, связывая их с теорией германского милитаризма как сущности германской культуры (что довел до абсурда В. Эрн в докладе «От Канта к Круппу»): «Переживаемая нами мировая война имеет одну многозначительную особенность: это – не война государств и их правительств, а война национальностей и культур... Мы боремся и будем бороться до конца с тем звериным ликом, который неожиданно и грозно глянул на нас, когда скинута была Германией маска культурного идеализма, за которую пятьдесят лет прятался обнаглевший милитаризм и пошло-буржуазный эгоизм и вандализм»²²⁹. Начало войны актуализировало вопрос о судьбе культурно-нравственных ценностей европейской и христианской цивилизаций. В связи с этим некоторые современники воспринимали ее в первую очередь как проверку духа, нравственного стержня народов. «Война есть великое нравственное испытание, в котором неисчислимо значение нравственного достоинства поставленной цели», – писал барон Б. Э. Нольде²³⁰. Н. А. Бердяев умудрялся великодержавно-шовинистические построения из международно-политической сферы перевести в сферу духовной жизни, предрекая в будущем начало духовно-идейной экспансии России: «Русское государство давно уже признано великой державой. Но духовная культура России... не занимает еще великодержавного положения... После великой войны творческий дух России займет, наконец, великодержавное положение в духовном мировом концерте»²³¹. При этом Бердяев критиковал за излишний мистицизм патриотические взгляды В. В. Розанова, также считавшего, что война укрепляет народный дух, «сжигает в нем нечистые частицы»²³².

«Утро России» освещало лекцию философа С. М. Соловьева, прочитанную в университете Шанявского, отмечая, что его основной задачей стало «показать антихристианский характер германской культуры»: «Анализируя творчество Канта и Гёте, Шопенгауэра и Ницше, Гарнака и Штейнера, лектор приходит к выводу, что в этом творчестве отразилось реставрированное язычество, стоицизм, платонизм и буддизм; только одного нет в нем – подлинного христианства. Усовершенствованный, умеренно-благоразумный, „научный“ подход к христианству породил только лютеранство и в последнее время подделку под христианство – теософию Штейнера. Наше святоотеческое православие является хранительницей подлинного христианства»²³³.

Вероятно, самым резонансным стал доклад философа В. Ф. Эрна «От Канта к Круппу», который в концентрированной форме выразил наиболее шовинистические заблуждения современной интеллигенции. Эрн взял Канта за точку отсчета как выразителя истинного «германского духа». «Я убежден, во-первых, что бурное восстание германизма предрешиено *аналитической* Канта; я убежден, во-вторых, что орудия Круппа полны глубочайшей философичностью; я убежден, в-третьих, что внутренняя транскрипция германского духа в философии Канта закономерно и фатально сходится с внешней транскрипцией того же самого германского духа в орудиях Круппа», – формулировал Эрн свои основные тезисы²³⁴. Феноменализм Канта он называл «железобетонным завоеванием германского духа», а самого немецкого классика – «палачом старого и живого Бога». Отсюда следовал вывод о том, что кантовское теоретическое богоубийство «неизбежно приводит к посюстороннему царству силы и власти, к великой мечте о земном владычестве и о захвате всех царств земных и всех богатств земных в немецкие ручки»²³⁵. Тем самым из «Критики чистого разума» Эрн выводил природу

²²⁹ Рачинский Г. А. Братство и свобода // Русская мысль. 1914. № 12. С. 84.

²³⁰ Нольде Б. Э. Начало войны // Русская мысль. 1914. № 10. С. 140.

²³¹ Бердяев Н. А. Душа России. М., 1915. С. 5.

²³² См.: Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1914.

²³³ Утро России. 1914. 10 ноября.

²³⁴ Эрн В. Ф. От Канта к Круппу // Меч и крест. Статьи о современных событиях. М., 1915. С. 21.

²³⁵ Там же. С. 25.

германского милитаризма рубежа XIX–XX вв., а орудия Круппа считал «самым вдохновенным, самым национальным и самым кровавым детищем немецкого милитаризма»: «Генеалогические орудия Круппа являются таким образом детищем детища, т. е. внуками философии Канта». В конце своего доклада Эрн наделял Первую мировую войну признаками последней войны, эсхатологической битвы: «Люциферианская энергия с крайним напряжением, особенно в последнем столетии, сгрудилась в немецком народе – и вот, когда теперь нарыв прорывается, все человечество в согласном порыве ощущает всемирно-исторический катарсис»²³⁶.

Даже патриотически настроенные современники неоднозначно встретили этот доклад, отметив натянутый характер связи Канта и Круппа и обратив внимание, что Эрн сильно недооценил гуманистическое направление германской философии и многое другое. Некоторые и вовсе оценили выступление Эрна как предательство памяти его учителя В. С. Соловьева, полагая, что последний не одобрил бы таких вульгарно-упрощенных теоретических построений. Современник писал из Тулы в Москву 18 октября 1914 г.: «В последнее время я стал ужасно раздражаться всеми проявлениями „антинемецкого настроения“. Я не говорю о немецких погромах. То – простое хулиганство. Я говорю о той дикости, которая проникает в интеллигенцию, в газеты, иногда попадает контрабандой даже в „Русские ведомости“. Оплевывать Лютера, Канта, как делал Эрн, значит плевать на своих духовных предков. Если бы Соловьев был жив, он бы жестоко отделал Эрна»²³⁷.

Вместе с тем В. П. Булдаков сделал очень важное предположение по поводу доклада Эрна, допустив, что «за подобного рода патриотическим философствованием прорывается амбивалентное отношение к собственной власти. Со времен славянофилов русская интеллигенция под видом критики Запада подсознательно выражала свое негативное отношение к бюрократической этатизации российской общественной жизни»²³⁸. Анализ философских и публицистических текстов должен учитывать дискурсивный контекст, включающий не только внешние связи и переключки автора с единомышленниками и оппонентами, но и невербализованные интенции.

С резкой критикой Эрна выступил Д. С. Мережковский. «Утверждение, будто бы Германия – страна малокультурная, легкомысленно и невежественно. Связь Канта с Круппом сомнительна»²³⁹. Мережковский справедливо обращал внимание, что мировая война порождена не одним только германским национализмом, а кризисом всей европейской цивилизации: «Настоящая война – продолжение „отечественных“, „освободительных“ войн с Наполеоном (1812–1815 гг.), – по внешности тоже освободительная, „народная“ война с империализмом Германии, выразившимся будто бы исключительно в „прусской военщине“. Но это именно только по внешности: в действительности существует неразрывная связь между империализмом и национализмом не в одной Германии, но и во всех ее „противниках“! У всех современных европейских народов под пеплом национализма тлеет огонь империализма, в большей или меньшей степени: тут количественная, а не качественная разница»²⁴⁰. Исследователи отмечают, что восприятие войны как краха материалистических основ всей новоевропейской цивилизации было характерно для многих русских философов, определяя их понимание мировой войны как некоего рубежа между старой и новой эпохами²⁴¹.

Как и Трубецкой, Мережковский считал, что патриотизм несовместим с национализмом, причем обращал внимание, что по своей сути патриотизм лежит вне рамок понятия государ-

²³⁶ Там же. С. 34.

²³⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1652.

²³⁸ Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию... С. 108–109.

²³⁹ Мережковский Д. С. О религиозной лжи национализма // Религиозно-философское общество... С. 16.

²⁴⁰ Мережковский Д. С. О религиозной лжи национализма... С. 18.

²⁴¹ Борищук Е. Д. Русская религиозно-философская мысль о характере и вероятных последствиях Первой мировой войны // Вестник Костромского государственного университета. 2014. № 5. С. 75.

ства, писал о «внегосударственном патриотизме»: «В плоскости духовной, внутренней, понятие родины шире, чем понятие государства: самое живое, личное в быте народном не вмещается в бытии государственном. В плоскости материальной, внешней, понятие государства шире, чем понятие родины: в одном государстве может быть много народов, много родин. Это значит, что патриотизм может быть и внегосударственным»²⁴². Такой подход к патриотизму лишал его политического содержания, переориентировал от государства, власти как объектов поклонения, к народу, культуре, природе – тому, что составляет подлинное содержание понятия Родины в широком смысле.

А. В. Карташев, выступая 26 октября 1914 г. в прениях по докладам А. А. Мейера и Д. С. Мережковского, пытался реабилитировать патриотизм как национальное чувство, сводя его к инстинкту самосохранения, признавая в нем не христианскую, а языческую природу: «Но, говорят, идеал единства нации – языческий идеал. Истинно так. Согласен... То поразившее и смутившее умы интеллигенции, так называемое „единение правительства и общества“, которое в известном смысле стало фактом с момента этой войны. Это – просто фатальный закон военного самосохранения нации, проявляющейся почти с физической непосредственностью»²⁴³.

Можно утверждать, что начало войны оказало травмирующее воздействие на психику современников, многие из которых временно утратили способность воспринимать события в рационально-аналитическом, сдержанном ключе. С. Н. Булгаков не далеко ушел от своего современника, писавшего о повеселевшей и заговорившей по-человечески скотине, когда описывал картины единения царя и народа в свадебной риторике. Восторженное описание передавало не то, что было в реальности, а то, что Булгаков желал увидеть в этом «брачном часе». 3 августа он писал А. С. Глинке: «Живу, как все, как и Вы, потрясенный, умиленный, смущенный, возрадованный. Никогда Родина не переживала такого брачного часа, никогда еще народ не познавал так своего Царя, а Царь своего народа (как прекрасен, как смиренен и мужественен наш Государь, какие слова нашел он для выражения чувства всей России. Воистину, Господь с ним!). Какая молитвенность загорелась, как воссияла Мать Наша, Православная Церковь! Куда делась вся интеллигентская и партийная мерзость, распря, вражда! Совершилось воистину чудо, и радостно умереть при этом: „ныне отпускаеши...“ Что бы ни было впереди, но мы увидели Русь, и она сама себя увидела! Это неотъемлемо и это бесценно!»²⁴⁴ Исключительная эмоциональность восприятия происходивших событий приводила современников к пограничному состоянию психики.

Российская интеллигенция, увлеченная размышлениями о судьбах России и цивилизации, вместе с тем не забывала и о насущно-прагматических вопросах. Некоторые деятели акцентировали внимание на том, что патриотизм должно понимать как консолидацию общества и государства на платформе развития общественных органов самоуправления, системы образования, заботы о наиболее уязвимых категориях граждан, в частности о детях, тем самым еще более расширяя и размывая содержание понятия²⁴⁵. В этом случае «гражданский патриотизм» противопоставлялся этатизму и тем самым становился фактором конфликта общества и самодержавной власти (что выразилось, в частности, в недоверии со стороны представителей власти к Земгору и ВПК). М. Стокдэйл отметила в различных патриотических нарративах 1914 г. большее стремление к построению справедливого демократического будущего, чем к сохранению «мнимых традиционных ценностей»²⁴⁶.

²⁴² Мережковский Д. С. О религиозной лжи национализма... С. 18.

²⁴³ Карташев А. В. Прения // Религиозно-философское общество... С. 30–31.

²⁴⁴ Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М., 1997. С. 585.

²⁴⁵ Обухов А. Война и дети // Русская мысль. 1914. № 10. С. 88–93.

²⁴⁶ Stockdale M. Mobilizing the Nation: Patriotic Culture in Russia's Great War and Revolution, 1914–20 // Russian Culture in War and Revolution, 1914–22. Book 2: Political Culture, Identities, Mentalities, and Memory. Bloomington, Indiana, 2014. P. 6.

Однако значительная часть общества не отделяла патриотизм от верноподданничества. В. П. Булдаков определяет этот «оттенок» патриотизма как «догражданский», отличительной чертой которого была слепая готовность «идти в указанном властью направлении»²⁴⁷. Вероятно, подобная вера во власть, лишенная здорового критицизма, свидетельствовала о состоянии психологической растерянности и о подсознательном страхе перед будущим. Патернализм оказывался психотерапевтическим средством, позволявшим снять с себя ответственность за исход патриотической мобилизации общества. В этом отношении война способствовала архаизации массового сознания. Рассматривая идейные искания русских писателей и философов в контексте соответствия модернистских представлений реалиям военного времени, А. Л. Юрганов приходит к выводу о постепенном угасании модернизма русского Возрождения, который не выдержал схватки «с не книжной реальностью мировой войны»²⁴⁸. Забегая вперед, дополним, что в конечном счете текстовая культура образованных слоев отчасти была ассимилирована устной традицией, что проявилось, в частности, в архаизации неформально-информационного пространства города. В какой-то степени этому поспособствовали публицисты консервативного направления.

В консервативной печати в годы войны резко возросла антилиберальная и антибуржуазная риторика, что мыслилось правыми в качестве истинного патриотизма, основанного на традиционализме и патриархальном укладе. Согласно проведенному М. В. Лыковым контент-анализу правой периодики, уже в июле 1914 г. появляются публикации (5%), в которых главным внутренним врагом называется буржуазия. Впоследствии этот процент растет: в июле – августе 1915 г. – 18%, а с сентября 1915-го по февраль 1917-го – 35,6%²⁴⁹. Часть националистической общественности летом 1914 г. была готова принять некоторые реформы, но при условии, что они пойдут сверху, а не снизу. Протоиерей И. Восторгов писал в августе епископу Макарию в Нижний Новгород: «Какой момент мы переживаем! Это единение всех в России, грядущие победы, в которые я верю, новая конъюнктура условий церковно-политической жизни... отсутствие необходимости давать уступки и реформы по требованию снизу, и возможность дать их сверху, по свободному волеизволению власти...» Однако далее член Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела определил границы свободы и реформ, которые он готов принять, демонстрируя никуда не девшийся антисемитизм и шовинизм: «Несомненно нас ждут реформы и против наделения крестьян землей и рабочих законодательством, обеспечивающим их права, мы и сами не будем говорить. Но впереди автономия Польши и эмансипация еврейства, впереди расширение прав народного представительства, сужение прав Государственного Совета, впереди умаление прав православной Церкви и прав коренного населения. На это как мы будем реагировать?»²⁵⁰ Юдофобия, как и германофобия, была спутницей патриотизма консервативных кругов. Правда, летом 1914 г. антисемитские высказывания чаще раздавались в южных губерниях России, чем в центральной части. Впрочем, война активировала различные формы этнофобий: между русскими и татарами, армянами и грузинами и т. д.

Некоторые националисты шли еще дальше и подводили под патриотизм расовую теорию. Член-учредитель Союза русского народа и председатель его Санкт-Петербургского отдела С. А. Володимеров писал в черносотенной «Земщине», что столкновение германизма и славянства – это борьба двух разных рас²⁵¹.

²⁴⁷ Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию... С. 144.

²⁴⁸ Юрганов А. Л. Первая мировая война и кризис русского модернизма (окончание) // Россия XXI. 2017. № 2. С. 53.

²⁴⁹ Лыков М. В. Антибуржуазная кампания в русской консервативной печати периода Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2011. Т. 10. Вып. 6: Журналистика. С. 19.

²⁵⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1209.

²⁵¹ Земщина. 1914. 21 июля.

Церковная печать преподносила войну как решающую битву православия²⁵². Царский манифест об объявлении войны уповал на Всемогущий Промысел, упоминал Святую Русь, чем наделял вооруженный конфликт религиозным содержанием. Церковная печать поддерживала данный пафос противопоставления Святой Руси погрязшей в грехе Германии²⁵³. Архимандрит Илларион, рассуждая о европейской теории прогресса, сводил ее к германскому милитаризму, рассматривал как часть учения об эволюции и призывал отказаться от идеи прогресса как чуждой патриархальным истокам православной соборности²⁵⁴.

В целом правоконсервативная идеология, проявившая свою традиционалистскую косность, неэластичность в условиях менявшегося в годы войны общества, была окончательно дискредитирована к 1917 г.

Изучая настроения низших слоев общества, в первую очередь крестьян, необходимо обратить внимание на любопытный источниковедческий парадокс: если массовые источники, отразившие их настроения, позволяют говорить о процессах десакрализации монархии и даже фиксируют коллаборационистские настроения, то материалы перлюстрации солдатских писем (тех же крестьян) по военному ведомству рисуют в первые месяцы войны патриотическую атмосферу. А. Б. Асташов обращает внимание, что цензурные отчеты о настроениях в русской армии опровергают тезис советской историографии о том, что новобранцы якобы изначально не хотели воевать²⁵⁵. Впрочем, автор отмечает, что военные цензоры даже в январе 1917 г. описывали настроение солдат как бодрое, ставя под сомнение репрезентативность этого источника²⁵⁶. Тем не менее в солдатских письмах не содержится критики верховной власти, которая присутствует в материалах перлюстрации по гражданскому ведомству, отражается в заведенных на крестьян уголовных делах за оскорбление членов императорской фамилии. В воспоминаниях офицеров также имеются свидетельства распространенности среди солдат оскорбительных для представителей династии слухов²⁵⁷. Некоторые солдаты, возвращавшиеся в свои деревни в отпуски, часто принимались ругать власть и правительство, чего, возможно, не позволяли себе в окопах. Вероятно, для объяснения этой особенности необходимо иметь в виду два фактора: во-первых, солдатские письма чаще всего для отправки по почте подавались офицерам в незапечатанном виде – было хорошо известно, что их выборочно будет просматривать военный цензор; во-вторых, оказавшийся на фронте вчерашний крестьянин приобретал новую психологию комбатанта, которая предполагала адаптацию к чрезвычайным условиям военной повседневности. Для выживания в этих условиях необходимо было стать частью армейского коллектива, перенимая соответствующую коллективную психологию, основанную на позитивных категориях. Солдаты обращали внимание на то, что заранее можно было предсказать, кто будет убит: потерявшие веру, отчаявшиеся солдаты на фронте не выживали. При этом Асташов указывает на пессимистический, или страдательный, патриотизм солдат: «Несмотря на то, что в солдатских письмах присутствуют патриотические высказывания, однако большинство таких высказываний окрашено страдательной интонацией, ставящей под сомнение личную осознанность мотивов этой борьбы»²⁵⁸. Также исследователь усматривает разные оттенки крестьян-

²⁵² Леонтьева Т. Г. «Победа зависит не от количества штыков и снарядов»: Настроения Тверской провинции в 1914–1917 гг. // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2014. № 1. С. 28.

²⁵³ Московские церковные ведомости. 1914. № 30–31. 26 июля. С. 554.

²⁵⁴ Московские церковные ведомости. 1914. № 47–48. 28 ноября. С. 953.

²⁵⁵ Асташов А. Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 г.: военный опыт и современность. М., 2014. С. 114.

²⁵⁶ Там же. С. 124–125.

²⁵⁷ Три брата (То, что было): Сборник документов / Сост., авт. предисл. и коммент. К. Н. Морозов, А. Ю. Морозова. М., 2019. С. 439.

²⁵⁸ Асташов А. Б. Русский фронт... С. 134.

ского фатализма, в том числе «жизнерадостного», выражающегося в готовности к самопожертвованию, в осознании коллективных обязательств²⁵⁹.

Таким образом, мы видим, что историки, изучающие феномен патриотических настроений 1914 г., указывают на их неоднородную, гетерогенную структуру. Необходимо добавить, что гетерогенность массовых настроений подразумевала присутствие бинарных оппозиций (поддержка войны при поддержке или неприятии царской власти), строилась на совершенно разных идейных основах. Однако политико-идеологический подход к исследованию патриотических настроений не позволит понять данный феномен в полной мере ввиду того, что в основе универсальных характеристик «патриотизма 1914» лежали не идеи, а чувства, эмоции, причем как позитивной (любовь), так и негативной (ненависть) направленности.

Современные исследователи патриотизма признают, что этот феномен лежит вне научно-аналитического русла, а относится к сфере политического языка, пропаганды. Не случайно исследования патриотизма и национализма неизбежно поднимают проблему роли эмоций в политической жизни²⁶⁰. Патриотизм, выражаясь на чувственном уровне, т. е. будучи эмоцией, является одновременно и порождением, и катализатором новых эмоций. Попытавшись применить к патриотизму аналитический подход, Р. Брубакер отметил его амбивалентный характер, а также сделал важное замечание о его эмоциональной функции: патриотизм провоцирует не только положительные эмоции (радость, гордость), но и отрицательные (стыд, гнев). Последние могут стать основой для оппозиционных настроений общества²⁶¹. В этом случае проведенная властью патриотическая мобилизация общества, не оправдав ожиданий населения, может обернуться против нее самой. Еще Е. Хантер отмечал протестный и антиэтатистский потенциал патриотизма, а Э. Хобсбаум считал, что с 1789 г. патриотизм становился идеологией революционеров²⁶². Но патриотизм 1914 г. не стал идеологией в России, он оказался химерой, обреченной на вымирание по причине внутренних противоречий, а также сложной социокультурной структуры российского общества, переживавшего духовный и психологический кризис.

Для выявления структуры патриотических настроений 1914 г. необходимо на базе вышеприведенного материала выделить несколько пластов, их формирующих. В основе будут лежать четыре парные эмоции (интерес – восторг; страх – ненависть), которые определяли положительную или отрицательную коннотацию того или иного концепта (как, например, отмечавшийся оптимистический или пессимистический патриотизм, оптимистическая или пессимистическая эсхатология, патриотизм, основанный на ненависти или любви, и пр.). Помимо эмоций, отношение человека к действительности (в нашем случае к войне, что является ядром патриотических настроений) определяется тем типом мышления, которое больше всего ему соответствует в определенный момент: религиозное патриотическое мышление, научно-теоретическое (политическое в данном случае) и обыденное. Следует заметить, что все три уровня присутствуют в сознании большинства людей, однако в силу культурных, образовательных, психологических различий имеют разные степени выражения. Мышление задает определенный вектор развития идеи, которая оформляется в ту или иную форму, концепт. В рамках обыденного мышления, доминировавшего у людей, активно не вовлеченных в политику, формировались следующие патриотические формы: фаталистический патриотизм (он мог быть оптимистического или пессимистического характера), патерналистический (который часто

²⁵⁹ Там же. С. 128.

²⁶⁰ Nation and Emotion: Deutschland und Frankreich im Vergleich. 19. und 20. Jahrhundert (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft). Göttingen, 1995; *Westen D.* The Political Brain: The Role of Emotion in Deciding the Fate of the Nation. New York, 2007.

²⁶¹ *Brubaker R.* In the name of the nation: reflections on nationalism and patriotism // *Citizenship Studies*. 2004. № 8 (2). С. 121.

²⁶² *Hunter E.* A sociological analysis of certain types of patriotism. New York, 1932. P. 22–26; *Hobsbaum E.* Nations and nationalism since 1870: programme, myth, reality. Cambridge, 1990. P. 87–88.

путают с монархизмом), прагматический (имевший как альтруистические, так и эгоистические степени выражения), психопатологический (в случаях, когда основанный на страхе и ненависти патриотизм разрушал психику субъекта). В рамках политического мышления: революционный (война ради свержения в ее процессе самодержавия), либеральный (от общественно-демократического до великодержавно-шовинистического оттенка), националистический. В рамках религиозного мышления: православно-миссионерский патриотизм (концепция священной войны Святой Руси с германизмом), эсхатологический (пессимистической и оптимистической степени). Конечно, описанная палитра патриотических форм не содержит всех возможных его оттенков. Можно предложить и другую классификацию патриотизма по отношению к объекту поклонения: царистский, этатистский, имперский, общественный, народный, культурный и т. д. Тем не менее предложенная схема позволяет увидеть, что патриотические настроения 1914 г. не являлись (и не могли являться) целостным мировоззрением, на эмоциональном и идейном уровнях они распадались на широкий спектр взаимоисключающих элементов. По большому счету патриотические настроения 1914 г. – это всего лишь дискурс о войне, совокупность высказываний по теме, объединенная общим отношением. Таким образом, учитывая крайнюю степень неопределенности «патриотического» дискурса, мы не можем положительно решить вопрос о наличии патриотизма как общей идеи летом 1914 г. На эмоционально-психологическом уровне он может быть описан как состояние сильного возбуждения, вызванного разными эмоциями – страхом, интересом, восторгом, ненавистью – с различным теоретическим наполнением.

Канун Первой мировой войны отличался сложной социально-политической обстановкой в стране. В крупных промышленных центрах рос рабочий протест, на фоне Сараевского убийства и осложнения международной ситуации развивалось патриотическое движение. Вместе с тем рассматривать динамику массовых настроений как раскачивание от революционного полюса к патриотическому было бы серьезным упрощением по ряду причин. Во-первых, в советской историографии оказались сильно преувеличены политические, идейно-сознательные мотивы рабочего протеста. В одних случаях рабочие боролись не за политические или экономические, а морально-этические права, в других случаях столкновения с полицией и вовсе являлись результатом чрезмерной концентрации энергии молодежи, недавно приехавшей в город. В этом проявились как психолого-возрастные особенности определенных категорий «бунтовщиков», так и проблемы аккультурации – столкновения разных эмоциональных режимов (деревенского и городского), предписывавших разные формы публичного поведения. Во-вторых, само противопоставление революционности и патриотизма некорректно. В основе революционных и патриотических акций подчас лежали одни и те же эмоции, факторы архаичного бунтарства, приводящие к тому, что такие разные, на первый взгляд, формы социального действия протекали по одному сценарию. Этот парадокс объясняет теория М. Вебера об аффективно-эмоциональном социальном действии. Кроме того, анализ патриотического дискурса лета – осени 1914 г. показывает, что в его основе лежали слишком разные, порой взаимоисключающие концепты. На уровне идейном их спектр задавался достаточно широкими рамками: от революционного патриотизма до национально-шовинистического. В следующем разделе парадоксы революционного сознания будут продемонстрированы на примере патриотических действий периода мобилизации.

Раздел 2

Действо

Мобилизация общества в гендерно-возрастном измерении: от манифестаций взрослых к детскому протесту

Отмеченные противоречия патриотической риторики начального периода Первой мировой войны не решают окончательно вопрос о степени патриотизма российского общества, в первую очередь потому, что между мыслями, словами, с одной стороны, и коллективными действиями – с другой, нет строгой взаимозависимости. Рассуждения о необходимости сплочения общества и власти перед лицом врага могут сопровождаться уклонением от воинской службы или подразумевать эгоистические, меркантильные интересы. Кроме того, так называемая «патриотическая историография», признавая гетерогенность сознания российского общества на первом этапе войны, апеллирует к массовым действиям, якобы доказывающим исключительный патриотический энтузиазм широких слоев населения. Как правило, среди аргументов – массовые патриотические манифестации июля, успехи мобилизации 1914 г. (прежде всего приводятся данные о высокой явке запасных), добровольческое движение, связанное в первую очередь с патриотизмом в среде молодежи – студентов и курсисток. При этом в советской историографии традиционно недооценивалась степень студенческого протеста в сравнении с изучением динамики революционных настроений рабочих и, в меньшей степени, крестьянства, хотя среди университетской молодежи, даже той, что поддержала войну, отношение к власти оставалось совсем не однозначным. Классовый подход игнорировал гендерно-возрастное деление общества, хотя гендерные и возрастные психологические особенности накладывали печать на поведение тех или иных категорий населения в период мобилизационных мероприятий. Особый интерес в связи с этим представляет изучение детских (от дошкольного до гимназического возраста) реакций на мобилизацию и войну в силу того, что дети обладают более непосредственным взглядом на окружающий мир, подчас подчеркивая детали, ускользающие от внимания взрослых. Реакции детей на окружающую действительность периода войны, таким образом, могут служить лакмусовой бумажкой для изучения общественных настроений рассматриваемой эпохи.

Учитывая, что в практическом выражении патриотизм чаще предстает в эмоциональной, нежели идейной форме, очень важно рассмотреть эмоциональный климат России периода мобилизации.

Парадоксы «патриотических» манифестаций

Самая известная патриотическая манифестация, о которой писали газеты и журналы в июле 1914 г., состоялась в Петербурге 20 июля – в день оглашения царского манифеста о вступлении России в войну. По свидетельству корреспондентов, на Дворцовой площади столы тысячная толпа в порыве верноподданнических чувств опустилась перед вышедшим на балкон императором на колени. При этом печать по естественным причинам умолчала о не менее масштабном и символическом действе – в тот же день в Лысьве Пермской губернии рабочие и призывники загнали полицию вместе с заводской администрацией в контору и подожгли ее. В ряде городов во время «патриотических» манифестаций толпы пели революционные песни. Подобный дуализм является характерной приметой июльских дней.

Первая июльская патриотическая манифестация произошла в Петербурге еще до объявления мобилизации – она сопровождала эскорт президента Франции Р. Пуанкаре, прибывшего в столицу 8 июля 1914 г. От Царской пристани на Английской набережной и до Зимнего дворца расположились группы патриотически настроенных и просто любопытствующих подданных. Из окон домов, фасады которых выходили на набережную, свисали национальные флаги. Играли оркестры. Накануне на улицах столицы продавали маленькие французские и русские флажки с надписями «Россия приветствует дорогих гостей» и «Добро пожаловать», которыми теперь махали обыватели²⁶³.

У современников не было сомнений в том, что «патриотические» толпы были искусственно собраны властями: «Власти были озабочены организацией встречи. Ко дню приезда Пуанкаре в самый Питер полиция мобилизовала для встречи в качестве фигурантов „русского народа“ – дворников. Полицию и казаков также стянули туда, и на местах, соединяющих окраину с городом, были поставлены патрули, чтобы не пропускать рабочих-демонстрантов», – писал А. Г. Шляпников²⁶⁴. Но если большевика можно заподозрить в субъективизме, желании нивелировать патриотические настроения заказным характером манифестаций, то свидетельства французского посла, в целом отмечавшего подъем энтузиазма столичного общества, представляются беспристрастными. М. Палеолог, сопровождавший Пуанкаре во время его посещения Петербурга, записал в дневнике 8 июля: «На всем пути нас встречают восторженными приветствиями. Так приказала полиция. На каждом углу кучки бедняков оглашают улицы криками „ура“ под наблюдением полицейского»²⁶⁵. Впрочем, помимо бедняков в толпе, согласно сохранившимся фотодокументам, было достаточно много представителей средних городских слоев, женщин в дорогих платьях и модных шляпках, мужчин в костюмах, а также студентов. О показушности патриотических акций 8 июля писал корреспондент «Вечернего времени» в статье «Убогая роскошь». Автор возмущался тем, что власти города решили наспех украсить улицы по пути следования президента старыми, выцветшими флагами, приходил к выводу, что подобная форма чествования носила характер халатности, и, помимо этого, выказывал раздражение ролью полиции и дворников, задаваясь вопросом: «Неужели всегда и всюду необходима диктатура полиции и дворников? Неужели хоть раз нельзя было отрезиться от казенщины?» В конце статьи корреспондент иронизировал на эту же тему: «И если французы, быть может, не получили ясного представления о военной нашей мощи, то наверное преисполнились удивления перед полнотой полицейского могущества»²⁶⁶.

²⁶³ Вечернее время. 1914. 7 июля.

²⁶⁴ Шляпников А. Г. Канун 17-го года... С. 43.

²⁶⁵ Палеолог М. Дневник посла. М., 2003. С. 18.

²⁶⁶ Вечернее время. 1914. 9 июля.

В то же самое время, когда «патриоты» под контролем полиции и дворников встречали французского президента, на Выборгской стороне рабочие строили баррикады. По воспоминаниям А. Г. Шляпникова, в рабочей среде появилась идея отправиться встречать Пуанкаре, чтобы демонстративно заявить: «У нас в доме непорядок и нам не до гостей»²⁶⁷. Под звуки «Варшавянки» рабочие начали движение с Выборгской стороны, но были рассеяны казаками. Современникам, плохо представлявшим себе рабочее движение, в условиях сгушавшейся международной ситуации казалось, что это дело рук Германии. «Мой осведомитель, хорошо знающий рабочую среду, утверждает, что движение было вызвано немецкими агентами», – записал в дневнике М. Палеолог²⁶⁸. «Вечернее время» также распространяло эту версию, достаточно наивно предполагая, что в прекрасный летний день рабочие по собственной воле не вышли бы на манифестации, и забывая о том, что рабочее движение в России активно набирало силу с мая 1914 г.: «Опять Петербург переживает тревожное время... И это – в прекрасный летний день, когда глава французской нации приехал в Россию... Ведь эта забастовка выгодна только немцам»²⁶⁹. Черносотенная «Земщина» традиционно усматривала в рабочем движении происки «иудейских наемников»²⁷⁰. Впоследствии, в условиях распространявшейся шпиономании, людям, склонным к конспирологии, казалось, что развитие революционного движения – дело рук внешних или внутренних врагов. Большинство – германофобы – подозревали немецких агентов, но существовала и англофобская партия, искавшая британский след.

Смешение искусственных патриотических и естественных рабочих манифестаций в сознании обывателей создавало образы протестных акций чуть ли не общенационального масштаба. Испуганное сознание порождало слухи. Так, еще 7 июля, накануне прибытия Пуанкаре, в столице появился слух, что к рабочей забастовке добавилась забастовка интеллигентов – свидетели видели, как толпа хорошо одетых мужчин и женщин, перейдя мост, хлынула на Литейный проспект. Однако позже выяснилось, что этими людьми были пассажиры трамвая, который неподалеку потерпел аварию²⁷¹. По-видимому, трамвай был остановлен рабочими: во время манифестаций последние нередко отбирали у вагоновожатого ключи, а вагоны трамвая порой переворачивали, сооружая баррикады, или просто сдвигали с рельсов, преграждая путь другим вагонам и вынуждая пассажиров присоединяться к уличным толпам. В конце концов на некоторых линиях было прекращено трамвайное движение. Минимум пассажирских перевозок пришелся на 9 июля, когда было перевезено 87 826 человек, при средней норме в 900 000²⁷². Санкт-Петербургский городской голова И. И. Толстой записал в дневнике 8 июля: «Толпа рабочих, к которым присоединились „хулиганы“, остановила движение трамваев на Выборгской стороне; целый ряд вагонов спихнут толпою с рельсов, у других камнями разбиты все стекла и т. п. Полиция бессильна что-либо, будто, сделать. Был ряд столкновений с пострадавшими с обеих сторон. Бастующих в Петербурге ок. 150 000, и движение угрожает разрастись»; 9 июля ситуация принципиально не изменилась: «Сегодня было в городе беспокойно: бастуют не менее 150 000 рабочих, причем на окраинах продолжились нападения на трамвайную прислугу и на вагоны. Были столкновения с полицией и казаками... Вагоны по городским путям курсируют только в минимальном числе»²⁷³. По ощущениям Толстого, пользовавшегося личным транспортом, трамвайное движение в столице восстановилось 11 июля, однако согласно статистическим сведениям городской управы, обычный пассажиропоток вос-

²⁶⁷ Шляпников А. Г. Канун 17-го года... С. 44.

²⁶⁸ Палеолог М. Дневник посла. М., 2003. С. 16.

²⁶⁹ Вечернее время. 1914. 9 июля.

²⁷⁰ Земщина. 1914. 11 июля.

²⁷¹ Вечернее время. 1914. 7 июля.

²⁷² Еженедельник статистического отделения Санкт-петербургской городской управы. 1914.

²⁷³ Толстой И. И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 519, 521.

становился лишь в первый день мобилизации – 18 июля, составив 940 593 человека²⁷⁴. При подавлении рабочих беспорядков применялось оружие. С 4 по 10 июля было убито 7 рабочих и 14 ранено²⁷⁵.

Была и другая версия «происшествия на Литейном мосту»: якобы на него вышли прибывшие с Пуанкаре французские матросы и запели «Марсельезу». Казаки же, не разобравшись и приняв их за русских рабочих, а также не отличив французский национальный гимн от русскоязычной «рабочей Марсельезы» («Отречемся от старого мира...»), набросились на них с нагайками и всех разогнали²⁷⁶. Этот слух стал символическим, так как приезд Пуанкаре рассматривался многими как прямой вызов Германии, тогда как в плане политической системы Россия походила куда больше на Германию, чем на Францию. Известный поэт В. П. Мятлев отреагировал на приезд Пуанкаре «поэмой», в которую включил и эпизод «сражения» казаков с французскими матросами. Заканчивалась, правда, поэма воцарением прежнего сплина после отъезда президента:

Он уехал. Стало тише.
В Петергофе тот же сплин.
Хуже раненному Грише,
Очень сердится Берлин.
А во внутреннем режиме
Непроглядней, чем в дыре.
Помоги мне, Серафиме,
Не оставь, Пуанкаре!²⁷⁷

В действительности рабочий протест в столице лишь набирал силу. «Патриотическое» и «революционное» действо с улиц перемещалось на воду. На Неве прибывших французских гостей приветствовали празднично декорированные флагами пароходы, два французских миноносца, однако поодаль, на Большой Невке, дрейфовали баржи, на которых рабочая молодежь распевала революционные песни. Полиция ничего не могла с ними поделать, так как рабочие предварительно разобрали мостки и шестами не подпускали к себе гороховых²⁷⁸. Тем не менее полиции удалось воспрепятствовать рабочим испортить патриотические торжества в центре города, изолировав их на окраинах.

Помимо «патриотов» и «революционеров» в те дни были еще одни пассивные участники массовки. «Вечернее время» описывало контрасты Петербурга 8 июля: «Центральные улицы столицы разукрашены флагами, гирляндами, затейливыми мачтами и транспарантами... А на окраинах другая картина. По откосу Обводного канала раскинулся настоящий бивак: какие-то убогие сундуки, обломки мебели, грязные постели, поломанная и побитая домашняя утварь свалены в одну кучу, и на этой куче буквально сотни детей, женщин и стариков. Это все погорельцы, лишившиеся крова на последнем страшном пожаре, бывшем пять дней назад. Их две тысячи человек». Пуанкаре обратил на них внимание и сделал пожертвование в размере 1000 рублей²⁷⁹. Во время массовых шествий первых дней мобилизации подобная контрастная картина состояния столичного общества принципиально не изменилась.

²⁷⁴ Еженедельник статистического отделения Санкт-петербургской городской управы. 1914.

²⁷⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 108, ч. 61 л. А. Л. 25 об.

²⁷⁶ Аксакова-Сиверс Т. А. Семейная хроника: В 2 кн. Кн. 1. Париж, 1988. С. 238.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Шляпников А. Г. Канун 17-го года... С. 45.

²⁷⁹ Вечернее время. 1914. 8 июля.

Вместе с тем в глазах современников разыгрывавшиеся события все больше напоминали начало революции. 10 июля петербуржец Иван писал своему знакомому в Ижевск, описывая форму и масштаб рабочих акций протеста: «В некоторых частях города, особенно Выборгский район, пытаются возвести баррикады, для чего подпиливаются телеграфные столбы, опрокидываются телеги и все это опутывается проволокой. Дело иметь рабочим приходится с казаками. При каждом столкновении на месте остаются убитые и раненые, хотя и в небольшом количестве. На дружные залпы казацких винтовок рабочие могут ответить только отдельными выстрелами и градом камней. Из последних событий видно, что желанная для многих рабочих, но не вовремя пришедшая революция стучится в дверь. Удастся ли удержать более сознательных рабочих, своих более пылких товарищей от выступлений это сказать трудно, но что стараются, это факт... Что будет дальше, проживем увидим»²⁸⁰. Другой свидетель петербургских беспорядков, и, возможно, один из их участников, писал в тот же день в Москву: «У нас на заводе началась забастовка... протест против расстрела Путиловских рабочих, трамвайное движение остановлено в виду того, что рабочие разбили много вагонов, да и служащие боятся ехать, что теперь делается у нас в Петербурге близко к тому, что у вас было в Москве в 1905 году. Местами строятся баррикады и идет перестрелка с полицией и казаками есть убитые... Одного околоточного его же пашкой изрубили»²⁸¹. На некоторых улицах разыгрывались настоящие боевые действия. Шляпников отмечал, что наиболее ожесточенный характер события приняли около клиники Вилье, у которой рабочие опрокинули два столба, перегородив улицу, а проволочными заграждениями перекрыли для казаков обходные пути через переулки: «Столкновение около клиники Вилье имело характер организованного сражения; при этом обороняющиеся были почти без оружия и пользовались баррикадой и проволочными заграждениями как прикрытием, из-за которого осыпали полицию и казаков камнями. Собираением камней, дерганьем их из мостовой занимались дети и приносили их рабочим в подолах своих рубаш. Только револьверной и ружейной стрельбой удалось полиции и казакам взять баррикаду и очистить площадь»²⁸².

Тем не менее с 12 июля рабочее движение пошло на спад после того, как администрация заводов отказалась от угрозы локаутом (по всей видимости, не без участия властей, предчувствовавших возможную развязку, в чем были уверены некоторые современники²⁸³), однако, согласно отчетам Охранного отделения, локальные рабочие забастовки продолжались вплоть до 17 июля²⁸⁴. Параллельно ослаблению рабочего протеста активизировалась деятельность правых сил, небезуспешно организовывавших локальные патриотические манифестации в различных городах России. Те, кто следил за международной обстановкой, предчувствовали приближение войны. 13 июля в «Минской газете-копейке» появился раздел «Накануне войны», в котором, помимо взаимоотношений Австро-Венгрии с Сербией, говорилось о распространившихся в Петербурге слухах о неизбежности мобилизации в России²⁸⁵. Слухи гнали людей на улицы. 14 июля манифестация прошла в Москве на Тверской, раздавались лозунги «Долой Австрию и Германию», около полуночи толпа пыталась пройти к зданию Германского консульства, но была рассеяна конными городскими²⁸⁶. Последний инцидент показал, что подержанные полицией патриотические акции очень быстро выходили из-под контроля, грозя перерасти в стихийный погром. Именно по этому сценарию впоследствии развивались события 22 июля 1914 г. в Петербурге или майский погром в Москве в 1915 г., в обоих случаях власти,

²⁸⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 967. Л. 75 – 75 об.

²⁸¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 975. Л. 64.

²⁸² Шляпников А. Г. Канун 17-го года... С. 45.

²⁸³ Там же. С. 48.

²⁸⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 108, ч. 61. л. А. Л. 26.

²⁸⁵ Минская газета-копейка. 1914. 13 июля.

²⁸⁶ Вечернее время. 1914. 15 июля.

спровоцировав массовые акции, не справились с ними и потеряли контроль над ситуацией. В условиях нараставшей международной напряженности правые и желтые газеты постоянно делали акцент на локальных «патриотических» манифестациях: «Многочисленные патриотические манифестации, происходившие за последние дни в столицах и других местах Империи, показывают, что твердая и спокойная политика правительства нашла сочувственный отклик в широких кругах населения», – писало «Вечернее время» 15 июля 1914 г., еще не зная об объявлении войны Австрией Сербии.

В половине первого ночи с 15 на 16 июля вышли «летучки» и «прибавления» к газетам с одним заголовком – «Война». Несмотря на поздний час, их вмиг разобрали у газетчиков на Невском. В Москве на Тверской вокруг газетчиков собралась толпа, состоявшая преимущественно из публики, вышедшей из сада «Аквариум». На следующий день посетители увеселительного сада были представлены в газетах как главные патриоты города, следящие за международной обстановкой даже по ночам. Помимо сообщения об объявлении Австрией войны Сербии, описания отношений к войне в разных странах Европы, газеты опубликовали правительственное сообщение, в котором говорилось: «Черпая силу в подъеме народного духа и призывая русских людей к сдержанности и спокойствию, Императорское правительство стоит на страже достоинства и интересов России»²⁸⁷. Тем самым власти задавали направление пропаганды – демонстрацию национального сплочения перед возможной войной, что должно было оказать определенное воздействие на австрийских и германских дипломатов в России. «Подъем народного духа мы видели в эти дни, – писали правые корреспонденты в условиях, когда в различных частях Петербурга еще проходили столкновения рабочих с полицией и стояли баррикады. – Он проявился во всех слоях населения, проявился неудержимым потоком, проявился с тем спокойствием и с той внушительностью, какие умеет показать в серьезные исторические минуты русский народ»²⁸⁸. Основой сплочения должны были стать панславистские идеи: «Сербия, Россия, Славянство в опасности. Сплотимся все до единого для защиты достояния наших предков. С нами Бог», – писали газеты 15 июля 1914 г.²⁸⁹ Подобная риторика не могла вызвать сочувствие в широких социальных слоях, однако одной из целей пропаганды было заглушить негативный эффект рабочих забастовок, представить их в качестве случайных событий, противоречащих стремлениям рабочего класса. Поэтому причинами рабочего протеста, в дополнение к «немецкой версии», назывались провокационные действия рабочей молодежи и хулиганов, якобы осужденные большей частью рабочих²⁹⁰. Пытаясь создать видимость общественного единения, правые силы искали тех, на кого можно было переложить ответственность за беспорядки начала месяца. Не удивительно, что ими стала рабочая молодежь – наиболее маргинализованная часть столичного пролетариата. 15 июля газеты поспешили объявить о том, что рабочие прекратили забастовки и раскаялись в своих действиях, осудив провокаторов. 17 июля в «Земщине» вышла статья «Счастливый поворот», описывавшая избавление русских рабочих от влияния хулиганов и преступных агитаторов²⁹¹. Таким образом, можно утверждать, что 15 июля стало началом официального мифотворчества (не считая «пробы пера» в день посещения столицы французским президентом), создания видимость патриотического сплочения нации, тем более что значительная часть обывателей, действительно, была встревожена международными известиями, многие в ночь с 15 на 16 июля не могли заснуть, группы людей ходили по центральным улицам столицы и делились информацией, читали друг другу сообщения из последних газет.

²⁸⁷ Там же. Прибавление к № 816.

²⁸⁸ Вечернее время. 1914. 15 июля. Прибавление к № 816.

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Земщина. 1914. 17 июля.

Городские власти всячески содействовали массовым патриотическим шествиям, порой присоединяясь к толпе. 15 июля в Москве помощник градоначальника В. Ф. Модль лично возглавил патриотическую манифестацию, он ехал на своем автомобиле и направлял движение масс. 16 июля в Петербурге прошел молебен в Казанском соборе, митинг у памятника Александру III, около Сербского, Английского и Французского посольств. «Манифестации захватили весь город. Повсюду слышатся восторженные крики, всюду царит лихорадочное возбуждение. В 5 часов дня тысячная толпа с национальными флагами и с импровизированным белым знаменем, на котором резко выступает фраза „Да здравствует Сербия!“ двинулась по Невскому к памятнику Александру III», – писало «Вечернее время»²⁹².

Социалисты считали, что в эти дни суворинское «Вечернее время» чуть не стало печатным органом «союзников» (сочувствующих и членов Союза русского народа). Согласно фотодокументам, именно перед зданием редакции «Нового» и «Вечернего времени» собирались группы «патриотов», там же караулили манифестантов фотографы²⁹³. «Панславистские круги... принялись за „работу“. Уличная и полулиберальная пресса подготовляла почву для патриотических манифестаций. Последние ждать себя не заставили и стали „стихийно“ рождаться в центральных частях города и заканчивались в первые дни у сербского посольства. Ядром этих манифестаций были дворники, торговые служащие, интеллигенты, дамы „общества“ и ученики средних учебных заведений. „Стихийно“ выносились заранее спрятанные флаги, плакаты, портреты царя, и под охраной усиленного наряда конной полиции совершали хождение по „союзникам“. Снятие шапок являлось обязательным, и первые дни в центре города все были терроризованы этими хулиганствующими патриотами. Данную им „свободу“ они довели до логического конца, то есть до погрома здания немецкого посольства и других частных предприятий по совету „Вечернего времени“, но за это были лишены „права манифестаций“», – вспоминали современники²⁹⁴. Несмотря на то что обыватели справедливо отмечали пестрый социальный состав участников патриотических шествий (при доминировании представителей средних городских слоев), говорить об их многочисленности вряд ли корректно. Газеты сообщали о многотысячных толпах манифестантов, однако, судя по сохранившимся фотографиям, их численность не превышала несколько сот человек, основную массу составляли мужчины в костюмах и шляпах, а также гимназисты. Многие фотографы снимали демонстрации с нижней ракурсной точки, в результате чего создавалось ощущение, что толпа уходит чуть ли не за горизонт. Именно такие кадры чаще всего и публиковала правая пресса. Вместе с тем есть фотографии, снятые с верхнего ракурса, позволяющего приблизительно оценить количество демонстрантов²⁹⁵. Судя по отдельным кадрам, прохожие с любопытством рассматривали манифестантов, не спеша к ним присоединяться, выглядывали из окон проезжавших мимо трамваев, не прерывая поездок. Нужно заметить, что в период действительного общенародного единения и экстаза, как, например, в феврале – марте 1917 г., обыватели не пользовались трамваем, предпочитая находиться в толпе, среди народа, демонстрируя свою лояльность моменту. Учитывая порядок, с которым двигались группы в июле 1914 г., едва ли их можно считать стихийными, импровизированными образованиями, подтверждающими тезис об искреннем и всеобщем воодушевлении всех слоев населения.

Подобные манифестации проходили во всех более или менее крупных городах империи, где были ячейки Союза русского народа и прочих правых организаций, клубов. Товарищ министра внутренних дел и командир корпуса жандармов В. Ф. Джунковский, находившийся в эти дни в Баку, получал телеграммы из различных городов, в которых отмечалось, что патриотиче-

²⁹² Вечернее время. 1914. 16 июля.

²⁹³ ЦГА КФФД СПб. Ед. хр. Г19; Д2014.

²⁹⁴ Шляпников А. Г. Канун 17-го года... С. 49.

²⁹⁵ ЦГА КФФД СПб. Ед. хр. Г20.

ские манифестации организуются правыми партиями, обществами, причем помимо патриотических чувств выражают и ненависть относительно немецких и австрийских подданных, угрожая погромами. В Тифлисе, например, манифестанты пытались прорваться к австрийскому консульству, но полиция их не пропустила²⁹⁶. М. Палеолог собирал информацию об общественных настроениях в России из газет, разговоров с официальными лицами – Н. А. Маклаковым, С. Д. Сазоновым, – личными информаторами, а потому попадал под влияние официальной патриотической пропаганды, писал о великолепно организованной мобилизации, всеобщем патриотическом единении. Когда Германия объявила войну Франции, перед французским посольством собралась очередная «патриотическая» толпа, что растрогало Палеолога; вместе с тем, будучи наблюдательным человеком, он не мог не обратить внимания на организованность манифестаций, на то, что одна толпа манифестантов сменяла другую через равные промежутки времени: «Весь день перед посольством проходили шествия, с флагами, иконами, криками: „Да здравствует Франция! Да здравствует Франция!“ Толпа очень смешанная: рабочие, священники, крестьяне, студенты, курсистки, прислуга, мелкие чиновники и т. д. Энтузиазм кажется искренним. Но в этих манифестациях, столь многолюдных и появляющихся через такие правильные промежутки времени, какую часть инициативы надо приписать полиции?...»²⁹⁷ Кадет Н. И. Астров, описывая московские ночные манифестации 17 июля, также обращал внимание, что они проходят под контролем полиции: «По вечерам на улицах ходят толпы рваного народа с флагами, с пением гимна и криками „ура“. Это патриотические манифестации, покровительствуемые полицией. Толпы ведут себя пока чинно»²⁹⁸. Некоторые убежденные монархисты не менее скептически воспринимали патриотизм тех дней. Доцент Юрьевского университета Б. В. Никольский записал в дневнике 18 июля: «Что касается манифестаций, то к ним я равнодушен. Это все бутафория»²⁹⁹.

Тем не менее после объявления всеобщей мобилизации, начавшейся в Петербурге 18 июля, психологическая атмосфера изменилась. Современники обратили внимание, что приказ был отпечатан на листках кровавого цвета – расклеенные на улице, они сразу бросались в глаза, однако вряд ли способствовали росту энтузиазма среди тех, кому предстояло самим отправиться на фронт или проводить туда своих близких. Особенность массовых шествий мобилизационного периода в том, что если в предыдущие дни стихийные рабочие акции протеста и организованные патриотические шествия средних слоев проходили в разных частях города, то теперь происходило смешение в центре представителей разных социальных и политических групп населения. При этом бунтарские настроения рабочей среды никуда не делись, однако были приглушены грандиозностью происходящих событий. Эту «приглушенность» некоторые современники, поддавшиеся патриотической эйфории, приняли за энтузиазм. М. Палеолог, которого различные официальные лица постоянно заверяли в национальном подъеме и всеобщем воодушевлении в предчувствии надвигающейся войны, описал день 18 июля в патриотических тонах: «Приказ об общей мобилизации опубликован на рассвете. Во всем городе, как в простонародных частях города, так и в богатых и аристократических, единодушный энтузиазм. На площади Зимнего дворца, перед Казанским собором раздаются воинственные крики „ура“»³⁰⁰. Желтая пресса тиражировала ту же информацию, описывая всеобщий подъем духа. Передавали, что на Дворцовой площади толпа в 10–12 тысяч человек опустилась на колени, а на Исаакиевской площади перед зданием Военного министерства митингующие кричали: «Мы рады умереть, но победить! Пора проснуться!» «Петербургский листок»

²⁹⁶ Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 371.

²⁹⁷ Палеолог М. Дневник посла... С. 50.

²⁹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 990. Л. 939.

²⁹⁹ Никольский Б. В. Дневник. 1896–1918. Т. 2: 1904–1918. СПб., 2015. С. 195.

³⁰⁰ Палеолог М. Дневник посла... С. 42.

так сообщал о первом дне мобилизации в столице: «Вчера, 18 июля, первый день мобилизации Санкт-Петербурга и Петербургской губернии прошел на редкость спокойно. Серьезное и, вместе с тем, преисполненное долгом настроение толпы чувствовалось на каждом шагу, на любой улице... Казенные винные лавки и портерные были закрыты. На улицах почти не было заметно лиц в нетрезвом состоянии. У многих зданий сборных пунктов останавливались толпы манифестантов, устраивавшие шумные овации по адресу призывных. Интересные сцены наблюдались на трамвайной линии. Многие из вагоновожатых и кондукторов получили извещение по выходе из парков. Их жены, получившие извещения, немедленно бросились в тревоге искать мужей, опасаясь, что их ждет какая-либо кара за просрочку явки. Жены находили мужей на линиях и „снимали“ их, с разрешения контролеров, с вагонов. Вагоны возвращались в парк... Но публика мирилась с отсутствием полного количества вагонов и терпеливо ждала на остановках»³⁰¹. В желании засвидетельствовать патриотический подъем корреспонденты «Петербургского листка» явно перестарались, описав психологическое состояние жен мобилизованных через единственное чувство «тревоги, что их ждет какая-либо кара за просрочку явки». В действительности, представить подлинное состояние жен не сложно, тем более что они описаны в многочисленных неофициальных свидетельствах, позднейших воспоминаниях.

Сообщения о проходивших в рабочих районах митингах интерпретировались по подобию патриотических шествий центральной части города. Полиции было приказано не провоцировать рабочих в первый день мобилизации и не вмешиваться в их краткосрочные и локальные уличные собрания. Вместе с тем непосредственные свидетели настроений жителей рабочих окраин оставляли наблюдения, резко контрастировавшие с официальной информацией: «Утром по всему городу красовались темно-красные объявления о мобилизации и белые листки с расценкой за приносимые мобилизуемыми вещи, как, например: сапоги, белье и т. д. Около листов – кучи людей, толковавшие на все лады о событиях; тревожно-унылое настроение сковывало всех. Около полицейских участков, превращенных в сборные пункты, толпились сотни семей рабочего люда. Женщины плакали, причитали и проклинали войну... И опять, как в дни мобилизации сил труда для протеста против режима угнетения, улицы пригородов наполнялись людьми, и тысячные толпы манифестировали по улицам с пением революционных песен и с криками „Долой войну“. Нередко и стоявшие около участка заплаканные и убитые горем женщины кричали сквозь слезы „Долой“ и призывали кричать других. Полиция была не так груба, пыталась разгонять, как и в июльские дни протеста, но, встретив энергичный протест запасных, считала за лучшее исчезать. Около полудня потянулись к центральным, городским сборным пунктам первые партии мобилизованных, окруженных слабым конвоем городских. К ним быстро примыкала толпа, и создавалась манифестация с красными лентами или плакатами, привязанными на тросточки. Во время таких проводов бывали случаи столкновения с полицией, но манифестанты при активном содействии запасных всюду одерживали верх. Такие сцены происходили в различных частях города и даже в самом городе – в Коломенской части. Из пригородов особенно грандиозный характер манифестации имели за Невской заставой и на Выборгской стороне. В первом случае толпа в несколько десятков тысяч людей провожала запасных с пением революционных песен и красным знаменем вплоть до Знаменской площади, где имела столкновение с патриотами, была рассеяна полицией. На Выборгской в различных частях были манифестации почти весь день»³⁰².

19 июля превзошел по накалу страстей предыдущий день в связи с объявлением Германией войны России. Как и в первый день мобилизации, в ночь с 19 на 20 июля многие не могли заснуть и ходили по центральным улицам города: «Можно смело сказать, что вчера весь Петербург не спал, – писал корреспондент склонного к преувеличениям «Петербург-

³⁰¹ Петербургский листок. 1914. 19 июля.

³⁰² Шлятиков А. Г. Канун 17-го года... С. 50–51.

ского листка». – До рассвета по улицам столицы ходили манифестанты. Особенно грандиозной вышла манифестация у Зимнего дворца, а затем на Марсовом поле»³⁰³. В день объявления войны России манифестации приобрели новую особенность: толпа останавливалась перед ресторанами и требовала, чтобы их оркестры исполняли музыкальные произведения. На панели Невского проспекта играл оркестр румын из ресторана «Квисисана», на Садовой – оркестр балалаечников³⁰⁴. Поздно ночью 21 июля толпа потребовала у заведующего Зоологическим садом, чтобы он направил в Александровский парк симфонический оркестр, что и было сделано. В парке на радость публике и под крики «ура» симфонический оркестр Владимира играл национальные гимны вместе с военным оркестром³⁰⁵. Однако в музыкальном сопровождении патриотических шествий раздавались тревожные нотки: демонстранты требовали исполнения гимнов союзных держав, но когда оркестры принимались исполнять гимн Франции, кое-кто из нелояльной публики начинал напевать слова «Рабочей Марсельезы».

Вопреки тому, что пресса характеризовала шествия на Невском проспекте как исключительно патриотические, обыватели в частной переписке делились друг с другом совсем иными наблюдениями. 19 июля петроградский студент описал в письме товарищу «патриотическую» манифестацию, двигавшуюся от Лавры к Дворцовой площади: «Сегодня утром Миша отрывает меня от занятий и зовет на балкон посмотреть, какая надвигается со стороны Лавры большая толпа. Что же я увидел и услышал? Рабочие, запасные и провожающие их поют „Марсельезу“ со словами „Царь вампир пьет народную кровь...“, которые, ты знаешь, для царя нелестны. Не особенно приятны для него „Варшавянка“ и „Похоронный марш“, которые они пели. При пении „Похоронного марша“ офицеры и городовые снимали фуражки. Естественно, я выбежал на улицу и присоединился к густой толпе»³⁰⁶. Современники передавали, что кое-где между «патриотами-союзниками» и нелояльными подданными вспыхивали конфликты, переходившие в драки, которые тут же пресекались полицией и прочими участниками шествий. 18 июля в Екатеринославе произошла неудачная попытка организации патриотической манифестации членом Союза русского народа: во время призыва запасных чинов «союзник» Мартынов явился с национальным флагом, пытаясь вызвать патриотическую демонстрацию, но рабочие завода набросились на него, вырвали флаг и избивали³⁰⁷. Многие современники из тех, кому предстояло по мобилизации отправиться на фронт, с недоверием и даже раздражением встречали патриотические митинги и их организаторов, справедливо полагая, что о патриотизме громче всего кричат и «трясут патриотическими штанами те, которые никогда на фронт не поедут»³⁰⁸.

Историк, археолог В. А. Городцов отмечал диссонанс, порожденный видом «народных» (стихийных) и «союзнических» (организованных) манифестаций в Москве. Первые отличались тревожным настроением и сосредоточенностью; вторые – не только лучшей организованностью и оснащением (флагами, портретами, лозунгами), но и хулиганским поведением: мальчишки-оборванцы, подстрекаемые черносотенцами, во время пения гимна подбегали к прохожим и сбивали с них шапки. «Вообще все манифестанты-флажники производили на меня нехорошее впечатление и казались собранными черной сотней для проявления их гнусного патриотизма, приведшего Россию к настоящим дням», – записал ученый в дневнике 20 июля 1914 г.³⁰⁹

³⁰³ Петербургский листок. 1914. 20 июля.

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ Вечернее время. 1914. 22 июля.

³⁰⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 23.

³⁰⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 138. Л. 34.

³⁰⁸ Арамилев В. В. В дыму войны... С. 14.

³⁰⁹ Городцов В. А. Дневники ученого. 1914–1918: Из собрания Государственного исторического музея. В 2 кн. Кн. 1. М., 2019. С. 24.

Следует также учесть, что в рядах искренних патриотов оказались те оппозиционно настроенные россияне, которые приветствовали войну как начало конца самодержавной России, предчувствуя, что она породит революцию. М. Палеолог обращал внимание на то, как по-разному представители власти и общества объясняли природу патриотизма: в то время, как министр внутренних дел Н. А. Маклаков радовался тому, что война положила конец рабочим забастовкам, другие объясняли это переходом протеста на новый уровень – в результате национального единения должна была расширяться социальная база противников самодержавного строя:

Один из моих осведомителей Б., который вращается в прогрессивных кругах, говорит мне:

– В этот момент нечего опасаться ни забастовки, ни беспорядков. Национальный порыв слишком силен... Да и руководители социалистических партий на всех заводах проповедовали покорность военному долгу; к тому же они убеждены, что эта война приведет к торжеству пролетариата.

– Торжество пролетариата... даже в случае победы?..

– Да, потому что война заставит слиться все социальные классы; она приблизит крестьянина к рабочему и студенту; она лишней раз выведет на свет нечестность нашей бюрократии, что заставит правительство считаться с общественным мнением; она введет, наконец, в дворянскую офицерскую касту свободомыслящий и даже демократический элемент, свойственный офицерам запаса. Этот элемент уже сыграл большую политическую роль во время войны в Маньчжурии... Без него военные мятежи 1905 года не были бы возможны³¹⁰.

Вместе с тем в первые дни мобилизации настроения тех, кому предстояло идти на войну, вопреки газетным сообщениям, едва ли можно описать как восторженные. На кинохронике, снятой оператором фирмы «Братья Патэ» 19 июля 1914 г. на улицах Петербурга, видно, что радостно-восторженное настроение прежде всего у мальчишек, которые, сопровождая резервистов, машут кепками, смеются, позируют перед кинокамерой и корчат оператору рожи. Проходящие мобилизованные настроены куда более серьезно, редко обращают внимание на камеру, разговаривают друг с другом или молча курят. Привлекает внимание пьяный резервист, шатающейся походкой подошедший к камере и начавший активно размахивать кепкой. Толпа на него особого внимания не обращает. В условиях прекращения продажи алкогольной продукции пьяный призывник – это редкость. Вместе с тем кинохроника доказывает, что официальные сообщения печати о мгновенном отрезвлении нации – явное преувеличение. На основании кинокадров создается впечатление, что люди погружены в себя, в свои мысли. А вот проходящие по другой стороне улицы казаки, наоборот, веселы, улыбаются в камеру. В целом праздничное настроение, описанное в официальной прессе, не ощущается, несмотря на попытки отдельных прохожих весело поприветствовать оператора³¹¹. Нет однозначных свидетельств праздничного настроения (флаги, веселые лица, соответствующая жестикация) и на фотодокументах, оставленных фотографами ателье К. Буллы. Мобилизованные из числа простых людей несколько напряженно и даже враждебно смотрят в объектив фотокамеры, кое-кто прячет лицо за платком³¹².

Охранное отделение с тревогой отмечало, что 19 июля в связи с призывом запасных по мобилизации войск возникла забастовка на 21-м предприятии, с общим числом рабочих до 27 000 человек. Забастовка, так же как и предыдущие, сопровождалась демонстративными

³¹⁰ Палеолог М. Дневник посла... С. 48–49.

³¹¹ Mobilisation of Russian Army at start of World War One. Br. Pathé. <https://www.britishpathe.com/video/russian-army-1>.

³¹² ЦГА КФФД СПб. Ед. хр. Г46.

выступлениями, причем толпа демонстрантов с фабрики Эриксона, увидев партию запасных около 100 человек, следовавшую в сопровождении околоточного надзирателя и двух городских на сборный пункт, встретила их криками «долой войну!» и, окружив тесным кольцом, стала сопровождать партию с пением «Рабочей Марсельезы», требуя от полиции роспуска запасных по домам. Далее означенную партию запасных (частью смешавшихся с демонстрантами) встретила вторая толпа демонстрантов-«леснеровцев» и с криками «бей полицию!» набросилась на чинов полиции, сопровождавших запасных, причем все три полицейских чина были ушиблены камнями, а у одного из городских, упавшего от удара камнем, кто-то из толпы отобрал револьвер. Демонстранты были рассеяны прибывшим разъездом конных городских. Разбежавшиеся запасные прибыли на сборный пункт частью сами, а частью были собраны на месте происшествия. Другой случай имел место на Невском проспекте около двух часов дня. Когда партия запасных нижних чинов, шедшая из Шлиссельбургского участка, проходила мимо здания Городской думы, позади запасных сгруппировалась толпа человек из пятидесяти и стала кричать «долой войну!», выкинула красный флаг с надписью «От товарищей, в память 21 марта 1912 года» и запела «Марсельезу». После этого на них набросилась группа патриотов и устроила драку, которую остановила подоспевшая полиция³¹³.

Похожей была атмосфера и в других регионах России. В. Ф. Джунковский так описал настроения бакинских рабочих 19 июля 1914 г.: «На промыслах царило нервное настроение, рабочие-запасные готовились к призыву, другие их провожали, были и выпившие. Вечером совершенно неожиданно в предместье города запасные учинили беспорядок, разгромили винную лавку, и когда пристав бросился в толпу, чтобы схватить главаря, то был ранен камнем в голову. Подоспевшим нарядом толпа была рассеяна»³¹⁴. Вместе с тем Джунковский, как и большинство современников, не связывал настроения рядовых обывателей, представителей низших слоев с тем патриотическим официозом, который демонстрировался политически лояльными подданными. Манифестации и адреса последних ему казались более репрезентативными свидетельствами всеобщего патриотического энтузиазма. В сознании политических элит, особенно тех, в чей адрес звучали приветствия, происходила некая аберрация, заставлявшая под определенным углом зрения рассматривать общественную атмосферу первых дней войны: «Объявление войны встречено было с огромным энтузиазмом по всей России, были забыты распри, вражды, мысли всех сосредоточились в одном единодушном порыве поддержать честь и достоинство России», – писал Джунковский, ни малейшего внимания не обращая на то, что эти слова вступали в противоречие с ранее отмеченным им нервным настроением рабочей среды и тем фактом, что патриотические шествия были организованы правыми партиями³¹⁵.

Рабочий-большевик А. Пирейко описывал антивоенные настроения пролетариата и запасных в Риге, выливавшиеся в столкновение с «союзниками»: «Хотя демонстрация против войны и была устроена с участием как рабочих, так и запасных, но это была чисто стихийная демонстрация: скопились по центральным улицам; толпой запасных и рабочих был разорван в центре города, у памятника Петру Великому, патриотический флаг демонстрации черносотенцев; выбросили красное знамя с лозунгом „долой войну!“; запели „марсельезу“»³¹⁶. Пирейко сетовал на то, что движение было неорганизованным и носило стихийный характер, вместе с тем именно стихийно вспыхивавшие акции демонстрировали подлинные настроения обывателей.

³¹³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 108, ч. 61 л. А. Л. 26 – 26 об.

³¹⁴ Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 373–374.

³¹⁵ Там же. С. 375.

³¹⁶ Пирейко А. В тылу и на фронте империалистической войны. Воспоминания рядового. Л., 1926. С. 8–9.

Можно с полным основанием утверждать, что реальная психологическая атмосфера в российских городах, где проходила мобилизация, соответствовала картине, описанной москвичкой Варей в письме от 22 июля 1914 г.: «Если бы ты, дорогой Ш., знал, что у нас делается! В городе тоска, – стыдно смотреть, кругом горе, всюду едут, идут с узлами, глаза заплаканные, женщины кричат. Где же подъем, о котором пишут газеты? Везде чувствуется, что войны не хотят. Ты, наверное, читаешь про оживление, про манифестации. Вечером ревут, – жутко становится, – двери запирают. Представь себе толпу без конца из подростков и хулиганов и полицейских. Лица неинтеллигентные, красные носы, нахальные глаза. Кричат, а сами смотрят, кому бы в зубы дать. Сегодня получила письмо из деревни, пишут: кругом один ужас, крики, стоны, рыдания не прекращаются»³¹⁷.

Так как совсем обойти молчанием тему антивоенных настроений было невозможно, редакторы правых газет списывали нелояльность части населения на национальные особенности, русофобские настроения. «Вечернее время», описывая патриотическую манифестацию в Гельсингфорсе, отмечало, что в ней приняло участие только русское население, а финляндцы оставались безучастны и уезжали из города в глубь великого княжества. При этом в самом Гельсингфорсе некоторые торговцы-финны отказывались принимать русские деньги³¹⁸. О паническом бегстве населения из Финляндии писал в дневнике живший в Куоккале К. И. Чуковский, приводя в пример выдержку своего соседа – И. Е. Репина³¹⁹. В Юго-Западных губерниях в нелояльности обвиняли евреев, на Кавказе – персов. В Центральной России с подозрением относились к полякам, украинцам, в Поволжье – к татарам и т. д. Война спровоцировала всплеск этнофобий. Один из авторов письма из Тифлиса, армянин Ованес, обвиняя грузин в том, что они не прекращали бастовать в дни мобилизации, утверждал, что «подлые грузины ставили выше всего свои личные интересы, а вовсе не интересы общества и государства»³²⁰.

Другой характерной приметой времени стала паника, развившаяся в пограничных с Германией и Австрией регионах. Особенно перепугались дачники, которые, штурмуя поезда, бросая вещи на перронах, битком набивались в вагоны. В. В. Шульгин вспоминал, как на одной из станций в его купе, когда он направлялся из Киева в Петербург, ворвались возбужденные женщины и вынудили его отдать им свое место. Пытаясь по возможности охватить разные стороны общественных настроений, не выходя при этом за границы патриотической пропаганды, газеты нередко впадали в противоречия. Так, «Вечернее время» умудрилось на одной полосе совместить заметку «Напрасная паника», в которой шла речь о панике среди русского населения Финляндии, с описанием общественных настроений в соседней колонке: «Решимость и воодушевление, ни тени подавленности или угнетения. И что главное – никакой паники»³²¹.

Пропаганда продолжала развивать миф о всеобщем патриотическом настроении, ухватившись за очередное событие: 20 июля Николай II, подписав манифест о вступлении России в войну, вышел на балкон Зимнего дворца поприветствовать собравшуюся толпу. Газеты писали, а впоследствии повторяли и современники, что при виде императора стотысячная толпа, занявшая всю Дворцовую площадь, в один миг опустилась на колени и запела национальный гимн. «Русский инвалид» сообщал: «Государь Император и Государыня Императрица изволили выйти на балкон Зимнего дворца, где единодушно были приветствуемы собравшимся на площади стотысячным народом. Когда Их Величества вышли на балкон, весь народ опустился на колени; национальные флаги склонились и пение гимна „Боже, Царя храни“ и громовое „Ура“ огласили площадь. Государь Император и Государыня Императрица изволили мило-

³¹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 14.

³¹⁸ Вечернее время. 1914. 21 июля.

³¹⁹ Чуковский К. И. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 68.

³²⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1131.

³²¹ Вечернее время. 1914. 21 июля.

ство отвечать на приветствия народа наклоном головы»³²². Иллюстрированный журнал «Нива» опубликовал семь фотографий манифестации на Дворцовой площади 20 июля, снабдив их подписью «Стотысячная масса народа, опустившись на колени, со склоненными национальными флагами, приветствует царя гимном и громовым „ура“»³²³. Показательно, что, упоминая о манифестации на Дворцовой площади, «Вечернее время» сокрушалось по поводу того, что там было слишком много полиции, конных офицеров и общей показушности. В заметке «Не профанируйте духа народного» корреспондент акцентировал внимание читателей на том, что «народа сюда никто не привел... Ему не надо показывать путь ни к храмам, ни ко дворцу... Он сам идет туда, движимый одними и теми же мыслями и чувствами»³²⁴. При этом автор раздражался гарцевавшими на конях офицерами, что, по его мнению, создавало впечатление заранее спланированного мероприятия, хотя и нет сомнения в том, что значительная часть обывателей пришла на Дворцовую площадь по собственному желанию, зная о предстоящем оглашении царского манифеста.

События 20 июля 1914 г. на Дворцовой площади стали центральным элементом позднейшего конструирования мифа о всеобщем патриотическом подъеме 1914 г., причем количество манифестантов иногда увеличивалось вдвое. В работах некоторых современных исследователей также встречаются сильно завышенные цифры, поспешно заимствованные из периодики того времени. Так, О. Р. Айрапетов говорит более чем о четверти миллиона человек, М. Стокдэйл приводит чуть более «скромную» цифру – 200 000³²⁵. Вместе с тем изучение многочисленных фотографий, сделанных в тот день на Дворцовой площади с разных точек фотографами ателье К. Буллы, вызывает как минимум три вопроса: какова была численность толпы, имел ли место факт массового коленопреклонения, была ли эта акция спланирована заранее.

Начнем с того, что, по официальным данным, максимальная вместимость Дворцовой площади составляет около 100 000 человек, в то время как на всех фотографиях, сделанных 20 июля 1914 г., видно, что передний край толпы находится примерно на середине расстояния от Александровской колонны до фасада Зимнего дворца³²⁶. При этом ракурс большинства снимков, сделанных от дворца, не позволяет оценить ни плотность толпы, ни ее дальний край. Некоторые фотографии, в том числе те, которые публиковались в «Ниве» и других иллюстрированных периодических изданиях, создают впечатление, что собравшиеся тесно стоят друг к другу вплоть до арки Генерального штаба. В действительности это не так. На снимках тылов толпы, сделанных с противоположной стороны, видно, что люди стоят не плечом к плечу³²⁷. Плотные ряды доходили лишь до Александровской колонны, а далее до арки Генерального штаба любопытствующие обыватели прогуливались свободно. С учетом того, что площадь была занята народом лишь наполовину и что толпа на периферии была редкой, едва ли можно говорить, что там собралось более 25 000 человек.

Следует отметить, что в память о манифестации 20 июля была выпущена открытка «Война России с немцами. День объявления войны», ставшая одним из первых образцов визуальной патриотической пропаганды. Художник, по-видимому, находившийся в тот час на Дворцовой площади, запечатлел редкие ряды «патриотов». Вместе с тем, чтобы не выбиваться из патриотического тренда, он изобразил многочисленные национальные знамена в толпе, что противоречило истине.

³²² Русский инвалид. 1914. 22 июля.

³²³ Нива. 1914. № 31. С. 617.

³²⁴ Вечернее время. 1914. 21 июля.

³²⁵ Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 1. 1914 год. Начало. М., 2014. С. 61; Stockdale M. Mobilizing the Nation: Patriotic Culture in Russia's Great War and Revolution, 1914–20 // Russian Culture in War and Revolution, 1914–22. Book 2: Political Culture, Identities, Mentalities, and Memory. Bloomington, Indiana, 2014. P. 3.

³²⁶ ЦГА КФФД СПб. Ед. хр. Г76; Г78.

³²⁷ ЦГА КФФД СПб. Ед. хр. Г34.

Фотодокументы демонстрируют, что флаги, транспаранты и портреты царя держали в руках немногочисленные «союзники» (несколько десятков человек), стоявшие в первом ряду перед дворцом, которые к тому же были отделены от основной массы народа полицией. В толпе же, кроме поднятых шапок, никаких иных жестов приветствия не наблюдалось. Также газеты преувеличили количество коленопреклоненных в момент выхода императора на балкон. Фотографы, снимавшие манифестацию с разных точек Дворцовой площади, засвидетельствовали коленопреклонение лишь все тех же «союзников», да и то не всех. Никакого массового, общенародного опускания на колени не было – это обстоятельство вряд ли бы осталось без внимания многочисленных фотокорреспондентов. Мероприятие закончилось проходом по площади запасных, направлявшихся в казармы.

Ил. 1. Первый ряд из членов Союза русского народа на Дворцовой площади 20 июля 1914 г. Иллюстрированная почтовая карточка

Ил. 2. Война России с немцами. День объявления войны. Иллюстрированная почтовая карточка

Изучив сохранившиеся фотодокументы, можно реконструировать расположение групп людей в тот день. Реконструкция демонстрирует, что, как ни старались сотрудники «Вечернего времени» доказать обратное, манифестация 20 июля была организована и срежиссирована (ил. 3). Основная масса народа выполняла роль статистов, в то время как отделенные от нее кордоном полиции группы «союзников», запасных солдат, офицеров создавали видимость патриотического экстаза. Большинство обывателей демонстрировали те же смешанные чувства, что и во время манифестаций 18 и 19 июля: любопытство, тревогу, восторг и неприятие начавшейся войны. Правда, свидетельств, что в тот момент на площади пели «Варшавянку» или «Рабочую Марсельезу», звучавшие на Невском накануне, нет, но это не значит, что протестные настроения петербуржцев за сутки исчезли.

Ил. 3. Примерная реконструкция манифестации на Дворцовой площади 20 июля 1914 г.

Москва встретила царский манифест 20 июля массовыми демонстрациями и митингами, продолжавшимися всю ночь. В час ночи толпа подошла к дому градоначальника и потребовала снять все вывески на немецком языке и рассчитать всех германских подданных на предприятиях. Многие современники были уверены, что ночные манифестации отличаются от дневных бóльшим количеством хулиганствующего элемента. Постепенно подобное выражение «патриотизма» начинало тяготить и вызывать раздражение. Один из обывателей писал: «3–4 шалопая поднимают на ноги порядочное количество публики. Вечером окон нельзя открыть – ... уж больно орут иступленными голосами... Рабья психология покорности и готовности. Этот слюнооточивый патриотизм и раздул страсти. Что в России, что у немцев»³²⁸. В «патриотических» толпах происходило брожение ксенофобских настроений, которое, повышая градус напряженности, ненависти, готово было вылиться в немецкие погромы. Однако одним из первых и самых масштабных погромов стал погром 22 июля в Петербурге.

В этот день на Невском проспекте состоялся очередной патриотический митинг «союзников». Как всегда, несли национальные флаги и портреты императора. Толпа разрасталась за счет присоединения к ней зевак. Прозвучало предложение двинуться к германскому посольству. В Москве, Тифлисе и других городах толпы «патриотов» уже предпринимали попытки прорваться к консульствам враждебных держав, однако тогда их сдерживала полиция; в этот же раз власти предпочли не вмешиваться, тем более что было известно, что сотрудники посольства к тому времени успели покинуть здание (как позже выяснилось, не все). Перед тем как добраться до посольства, толпа «разогрелась» на редакции газеты «Цейтунг», забросав окна камнями. На улице Гоголя с ресторана «Вена» манифестанты сорвали флаги. Подойдя к посольству, толпа сломала ворота, высадила двери и ворвалась в здание. Как писала пресса, в первую очередь погромщики устремились на крышу, где располагалась массивная скульптура Диоскуров. Статуи обнаженных «отроков Зевса» скульптора Э. Энке были установлены

³²⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 15.

в 1913 г. и вызвали неоднозначную реакцию общества: консервативные обыватели с возмущением заявляли, что языческие персонажи, соседствовавшие с Исаакиевским собором, оскорбляют их религиозные чувства. Также критиковали и само здание, спроектированное архитектором П. Беренсом в неоклассическом стиле, которое выбивалось из архитектурного облика площади. Подобные замечания высказывали А. Н. Бенуа, Н. Н. Врангель, Г. К. Лукомский и др. Вполне определенно высказался о здании М. Палеолог, как бы оправдывая действия черни, которую обвинил в акте вандализма: «Отвратительное как произведение искусства, строение это очень символично: оно утверждает с грубой и явной выразительностью желание Германии преобладать над Россией»³²⁹.

Теперь же обывателям представилась возможность зараз «удовлетворить» свои художественные и политические амбиции. Свидетели сообщали, что толпа первым делом устремилась на крышу, сняла немецкий флаг и подняла на флагштоке российский, сбросила с крыши немецкий герб. Погромщики устроили символический самосуд над государственным символом Германии – утопили герб в Мойке³³⁰. Также пытались сбросить и Диоскуров, но смогли одолеть только одну фигуру возницы, вторая повисла на выступе крыши. В. Ф. Джунковский вспоминал, что сброшенных гигантских коней толпа тоже безуспешно пыталась утопить в Мойке³³¹, однако некоторые газеты на следующий день опубликовали фотографии «нового вида» посольства – кони по-прежнему возвышались на крыше здания: вероятно, в Мойке пытались утопить одного из сброшенных Диоскуров³³². После того как толпа закончила действия на крыше, приступили к погрому внутренних помещений, в одном из которых обнаружили прятавшегося германского подданного переводчика Альфреда Катнера³³³. Его приняли за шпиона (с 20 июля в газетах началась пропаганда об организованном Германией массовом шпионаже в России, поэтому возбужденная толпа была склонна в любом иностранце видеть шпиона) и убили на месте, нанеся «глубокие кинжальные раны». Впоследствии говорили, что его застали якобы за сожжением каких-то секретных бумаг, которые покидавшие в спешном порядке столицу работники посольства забыли захватить с собой (по другой версии, он прятался от громил на чердаке за ящиками, по третьей – был убит, спасая от вандалов статуи Диоскуров на крыше). Полиция тщетно пыталась прекратить погром, были вызваны пожарные, которые поливали из шлангов разбушевавшихся «патриотов», однако, когда бесчинствующая толпа, разбив мебель и хрусталь, добралась до винного погреба, стало ясно, что погром быстро не остановить. К тому же погромщики не собирались сдаваться полиции: попытки штурма здания отражались градом камней и прочих предметов, попадавших под руку. Одному из жандармов разбили голову. Погром продолжался до семи часов утра 23 июля. Разгромив немецкое посольство, толпа отправилась к австрийскому, но полиции удалось не допустить погромщиков к зданию³³⁴.

Периодическая печать сочувственно отнеслась к подобному выражению народного гнева, частично оправдывая действия толпы возмущением, вызванным оскорбительными действиями немцев по отношению к вдовствующей императрице Марии Федоровне, чей поезд, направлявшийся из Дании в Россию, был задержан в Берлине и отправлен обратно в Копенгаген. Кроме того, газеты упоминали об аналогичных эксцессах, произошедших с русским посольством в Берлине: после отъезда посла С. Н. Свербеева немецкая толпа ворвалась в посольство и разгромила его и православную церковь³³⁵. При этом газеты переносили груз ответственности на представителей низших слоев общества, хулиганов, которые якобы и были единствен-

³²⁹ Палеолог М. Дневник посла... С. 51.

³³⁰ Петербургский листок. 1914. 23 июля.

³³¹ Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 382–383.

³³² Вечернее время. 1914. 23 июля.

³³³ В некоторых источниках указан как Альфред Маврикиевич Кетнер.

³³⁴ Спиридович А. И. Великая война и февральская революция. 1914–1917. Кн. 1. Нью-Йорк, 1960.

³³⁵ Московский листок. 1914. 9 августа.

ными инициаторами и участниками погрома. Газета «Вечернее время» сообщала, что первоначально стихийный митинг был организован представителями интеллигенции, которые, пропев гимн перед Исаакиевским собором, с криком «бей немцев!» разворотили мостовую и закидали булыжниками окна здания, после чего отошли в сторону, но «в этот момент появились обычные спутники манифестаций – подростки и хулиганы. Раздались крики: „Надо громить! Идем внутрь“... Толпа хулиганов и подростков через ворота миссии ворвалась внутрь и забралась на крышу. Интеллигентная масса, участвовавшая в манифестации (и забрасывании посольства камнями. – В. А.) начала поспешно отходить назад»³³⁶.

Другие современники признавали разношерстность публики, участвовавшей в разгроме, отмечали даже роль великосветских дам: «В этом погроме, как я узнал, участвовали и хулиганы, и много лиц даже из высшего общества, не исключая и титулованных дам. Одна такая графиня мне через несколько лет случайно в разговоре созналась, что и она тоже была не безгрешна при погроме посольства. Градоначальник, не найдя настоящих виновников и, вероятно, опасаясь в обвинении в бездействии власти, арестовал и посадил в тюрьму несколько десятков каких-то мальчишек. Когда мне директор Департамента полиции Брюн де Сент-Ипполит доложил об этом, я, переговорив с градоначальником, приказал их немедленно освободить», – вспоминал В. Ф. Джунковский³³⁷. Генерал-майор отдельного корпуса жандармов А. И. Спиридович, наблюдавший погром, обратил внимание, что среди погромщиков, выбрасывавших вещи из окон посольства, особенно выделялась суетливостью «какая-то барышня в шляпке»³³⁸.

Впоследствии «патриотическая» общественность пыталась забыть этот погром как черное пятно в процессе консолидации общества, однако многие усматривали прямую связь между «патриотическими» манифестациями 17–20 июля, разжигавшими национальную ненависть, пробуждавшими хулиганские инстинкты толпы, в которой новоявленные «патриоты» чувствовали свою безнаказанность, и погромом 22 июля. «Это последствие допускаявшихся все эти дни патриотических манифестаций, принявших несомненно хулиганский вид», – записал 23 июля в своем дневнике городской голова И. И. Толстой о минувших событиях³³⁹

³³⁶ Вечернее время. 1914. 23 июля.

³³⁷ Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 383.

³³⁸ Спиридович А. И. Великая война и февральская революция. 1914–1917. Кн. 1. Нью-Йорк, 1960.

³³⁹ Толстой И. И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 526.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.